

Дмитрий Данилов

Саша, привет!

Книга Дмитрия Данилова вроде бы про будущее, но мир предельного комфорта и тотальной несвободы, в котором очутился герой романа, кажется подозрительно знакомым: это прогноз на завтра, который сбывается уже сегодня. Но даже в этом клиентоориентированном застенке Данилов видит жизнь и рассказывает о нём с иронией и нежностью – значит, проживём ещё.

Ты ещё жив. Но уже мёртв. Люди равнодушны и себялюбивы. Люди добры и бескорыстны. До тебя никому нет дела. Ты не одинок. Каждый раз мы выбираем одно из двух. И только Дмитрий Данилов выбирает всё сразу.

Мы видим, как человек идёт по улице. Улица, кажется, московская. Человек идёт несколько нервно. Хотя не очень понятно, как это – идти несколько нервно.

Мы видим, как человек идёт. Всё наше повествование будет построено на том, что мы будем наблюдать за этим человеком. Как он идёт, действует, что он чувствует, в той степени, в которой вообще можно наблюдать, что и как человек чувствует (можно, можно). Как человек сидит. Да, мы будем много наблюдать за тем, как человек сидит.

Это будет чем-то вроде кино. На человека наставлена камера, и мы за ним наблюдаем.

Человек идёт по летним улицам Москвы. Вокруг много людей, транспорт, звуки. Москва великолепна. Мимо человека проносятся летящие лёгкие люди на велосипедах и самокатах. По улицам едет современный, опрятный, сверкающий транспорт.

Казалось бы, человек мог бы идти радостно и расслабленно, учитывая окружающие его прекрасные реалии. Но нет. Человек явно чем-то озабочен. Впрочем, может быть, это нам просто так кажется.

Человек идёт вдоль низкой ограды парка. Он никогда не видел этого парка, не знал о его существовании.

Парк выглядит идиллически. Светлые песчаные дорожки среди деревьев и аккуратно подстриженных кустов. Скамейки. Виднеется фонтан. По дорожкам степенно прогуливаются элегантно одетые люди. Кажется, они не говорят друг с

другом, гуляют поодиночке. Некоторые просто стоят или сидят. Там, в этом саду, как-то очень хорошо.

Человек останавливается и некоторое время смотрит туда, в этот сад, в парк. Ограда низкая, можно, в принципе, перепрыгнуть. Только зачем.

Женщина в модной шляпе замечает человека и улыбается ему. Человек пытается улыбнуться в ответ, но у него не получается.

Человеку в его нынешнем положении трудно улыбаться.

Наконец человек отрывается от созерцания парка и продолжает идти туда, куда он шёл.

Человек идёт туда, куда он шёл. Он идёт, идёт и наконец приходит туда, куда он шёл.

Человека зовут Сергей. Серёжа.

Мы теперь так и будем называть его – Серёжа.

Серёжа подходит к огромному, красивому, сверкающему зданию. Серёжа входит в здание. На входе нет контролёров, охранников, никого. Серёжа подходит к электронному терминалу, прикладывает к экрану свой паспорт, из щели выползает билет. Е455. Серёже надо подождать.

Впрочем, ждать Серёже не приходится. Почти сразу загорается табло с номером Е455. Кабинет 326. Серёжа поднимается на лифте на третий этаж и идёт в кабинет 326.

Серёжа сидит в зале суда. Да, это суд. Зал суда весьма комфортен. У одной из стен зала расположен основательный стол, у стола – три высоких пустых кресла, над креслами герб – сложная комбинация кругов, треугольников, шестерёнок и молотов и раскрытая книга с буквами «альфа» и «бета». Удобные кресла (не кожаные, конечно, но будто кожаные). Кулеры с водой. Тихо работает кондиционер. Серёжа растеряннo мнётся у входа.

К Серёже подходит девушка средней офисной внешности. Сергей Петрович? Фролов? Да. Здравствуйте, спасибо, что пришли. Присаживайтесь, где вам удобнее.

Серёжа присаживается, где ему удобнее. Зал почти пуст. Присутствуют только девушка средней офисной внешности, Серёжа и ещё одна девушка. Это очень красивая девушка. Она сидит на заднем ряду и никак себя не проявляет.

Серёжа замечает красивую девушку в заднем ряду. Серёжа кивает ей. Серёжа садится где-то примерно в середине зала.

Девушка офисной внешности спрашивает Серёжу: мы можем начинать? Серёжа говорит: да, конечно.

Девушка офисной внешности садится за компьютер, вводит какую-то информацию с помощью клавиатуры, щёлкает несколько раз мышкой. На большом экране появляются строки, они дублируются механическим произношением, как бывает на вокзалах или в аэропортах, когда разные части одной фразы произносят разные люди, обычно женщины.

Мы не будем полностью воспроизводить сообщение, выдаваемое системой.

Именем Российской Республики... Московский окружной уголовный суд... рассмотрев... Фролов Сергей Петрович, 16 апреля 1985 года рождения, место рождения – город Москва, проживающего... старший преподаватель Московского государственного университета современного искусства и культуры... установил:

Фролов Сергей Петрович... находясь... будучи... вступил в сексуальные взаимоотношения с лицом, не достигшим совершеннолетия... двадцати одного года... Мещерской Илоной Викторовной, 28 декабря 2004 года рождения... на добровольной основе... без применения насилия... по предварительному сговору... с согласия потерпевшей... свою вину признал... показал, что... показала, что... вину обвиняемого не признала... по месту работы характеризуется положительно... по месту жительства характеризуется положительно... не имел... нет... нет... рассмотрено ходатайство потерпевшей... ходатайство потерпевшей отклонено... рассмотрев материалы дела, Московский окружной уголовный суд... именов Российской Республики... приговорил Фролова Сергея Петровича, 16 апреля 1985 года рождения, место рождения – город Москва, проживающего... [далее ещё много слов, которые могут слипнуться в сплошной серый комок, это хорошо делается средствами кино] к высшей мере наказания – смертной казни. Приговор может быть обжалован в течение десяти дней в суде кассационной инстанции.

Серёжа сидит как сидел. Нельзя сказать, что он как-то поражён приговором. Очень красивая девушка тоже неподвижно сидит. Девушка офисной внешности распечатывает приговор.

– Сергей Петрович, можно вас? Вот здесь, пожалуйста, распишитесь, и вот тут. И вот здесь, смотрите, на каждой странице, везде, где галочкой отмечено.

Серёжа долго расписывается в толстой пачке бумаги.

– Так, хорошо, хорошо... да, правильно... Сергей Петрович, вот тут забыли, вот, смотрите, где галочка... пожалуйста... хорошо. Отлично. Сергей Петрович, апелляцию будете подавать?

– Да нет.

– Правильно, я считаю. Против машины-то не попрёшь. Чего время тратить. Ну хорошо, отлично. Смотрите, вот это вам, не потеряйте ничего. А это у нас остаётся. Сейчас идите в триста двадцать восьмой кабинет, это тут рядом, на нашем этаже, вам там всё объяснят. Спасибо, Сергей Петрович! До свидания!

– Ну, у нас вряд ли состоится с вами свидание.

– Ну да! (*Смеётся.*) Ну это я так. Вы не переживайте, Сергей Петрович! Сейчас это не страшно.

– Спасибо, обнадёжили меня.

– Ну правда, не расстраивайтесь. Во всём нужно искать хорошие стороны.

– Блядь.

– Сергей Петрович...

– Извините. Это я так. До свидания, спасибо.

– До свидания, Сергей Петрович! Хороших вам выходных!

А, да, это пятница. Хороших вам выходных, Сергей Петрович.

– Да, спасибо, и вам тоже. Прощайте.

– Какое слово – прощайте. Ну хорошо. Да, извините. Ну... прощайте, да.

Серёжа подходит к кабинету 328. Вокруг тут и там сидят люди. Серёжа спрашивает:

– Извините, кто в триста двадцать восьмой последний?

Люди странно и даже как-то с ужасом смотрят на него. Серёжа робко стучится в кабинет, приоткрывает дверь.

– Можно?

В кабинете сидит обыкновенного чиновничьего вида человек.

– Вы на смертную? Подождите, вызовем.

Серёжа садится в одно из кресел рядом с входом в 328-й кабинет. Какая-то толстая тётка демонстративно отсаживается от него на максимально возможное расстояние.

Дверь 328-го кабинета распахивается.

– Кто на смертную? Вы? Заходите.

Внутри обычный кабинет, стол буквой Т. Короткая часть буквы Т занята чиновником, его компьютером, завалена бумагами. Серёжа садится на один из стульев вдоль длинной части буквы Т.

– Давайте, что там у вас. Так.

Изучает бумаги. Некоторое время роется в компьютере.

– Так. В общем, на Комбинате сейчас есть слоты на 20, 22 и 28 мая. Надо будет в один из этих дней туда подъехать на собеседование и оформление. Потом они сами уже назовут дату заселения. Вам нормально? Сможете?

– Ну... да, могу.

– В какой день?

– Ну, давайте 20-го, чтобы не откладывать.

– Тоже верно. Тогда я вас записываю. Но это не очень строго. Если не сможете, позвоните по телефону вот по этому, вот, я тут подчеркнул.

Чиновник протягивает Серёже буклет с логотипом «СК: информация».

– В общем, если не будете успевать, звоните им и договаривайтесь о переносе даты. Но сильно не откладывайте. Не затягивайте.

– То есть можно, в принципе, затянуть? Отложить?

– В принципе, нет, нельзя. Просто стараемся идти навстречу. Мало ли, человеку доделать какие-то дела нужно, съездить к родным и так далее. Мало ли что. Мы понимаем, идём навстречу. Но затягивать не надо.

В кабинет входит секретарша.

– Эдуард Владимирович, простите, можно?

– Ну что там? У меня, видишь, человек?

– Простите, Главный требует срочно на подпись. Подпишите, пожалуйста.

– Ну давай, быстро.

– Вот тут, пожалуйста.

Секретарша уходит.

– Короче, на 20-е вас записываю. В буклете адрес, телефон, имейл, вся информация. В общем, я должен сейчас вас проинформировать по процедуре. Но не знаю, надо или нет? Сейчас все и так всё сами знают. Знаете, как всё будет?

– Ну, так, в общих чертах.

– Ну, давайте я в двух словах...

В дверь заглядывает другая секретарша.

– Эдуард Владимирович, здравствуйте! Ещё не здоровались сегодня! Простите, отвлекла. Может, чайку, кофейку?

– Света, ну, блин, ну видишь, я с человеком говорю, по СК, ну что вот ты. Хотя да, давай. Сергей... э-э-э... Петрович, давайте, может, чайку? Кофейку?

– Ну... давайте.

– Чего? Чай, кофе?

– Давайте чай. Зелёный есть?

– Найдём. Света, два чая, чёрный и зелёный.

– Спасибо.

– Может, коньяка? У меня есть. Случай подходящий. Извините, конечно.

– Ну давайте.

– Правильно. Я бы на вашем месте... Простите. Знаете, профессиональная деформация.

В дверь без стука врывается человек начальственного вида, подходит к столу, показывает на компьютер.

– 1С открой.

Эдуард Владимирович некоторое время возится с компьютером.

– Сейчас, Пётр Павлович, секундочку... висит...

– Всё у тебя висит всегда.

– Извините, вот.

– Вот это видишь?

– А... да... Это вчера ещё. Ну, вы же знаете, что там было.

– Если завтра оно ещё вот так будет... В общем, ты понял.

Человек начальственного вида стремительно выходит из кабинета.

– Короче... блин, не дают слова сказать. Ну, в общем, я должен вас проинформировать. Как приговорённого. Вы, конечно, знаете, что у нас в стране в порядке национального проекта гуманизации правоохранительной системы введена смертная казнь за ряд преступлений. В том числе вот по вашей части тоже. Смертная казнь максимально гуманизирована. Ну, я не буду долго.

– Ну а почему. Расскажите подробно. Мне, знаете, интересно.

– Подробно вам на Комбинате расскажут. Короче, сделано всё так, чтобы не было вот этих казней, как раньше, с палачами и всем вот этим. Чтобы никто не был убийцей. В общем, вы заселитесь на Комбинат, и вас каждый день будут выводить

на прогулку, в один из разов сработает автоматический пулемёт и расстреляет вас. Может сработать на пятый день, может через тридцать лет. Как повезёт. Условия там хорошие, будете жить, как в гостинице.

Дверь приоткрывается, в кабинет заглядывает предыдущая секретарша:

– Эдуард Владимирович, к вам Пал Палыч из Второго управления.

– Скажи, что буквально минуту. Минуту!

– Хорошо, Эдуард Владимирович!

– Короче, я вам в целом ситуацию описал. Как-то вот так. В общем, гуманно всё, без всяких вот этих вот казней, ничего не почувствуете. Новое время, новые веяния. Вы извините, коньячок допивайте. Простите, у меня встреча сейчас, извините. Я вам, в общем, как бы это сказать... сочувствую. Но, знаете, закон есть закон. Вот с этими документами в Комбинат, 20-го. Вот тут адрес, давайте подчеркну вам. С 10 до 20. Всё, давайте, счастливо. Держитесь, ничего страшного на самом деле.

Мы видим, как Серёжа идёт по пешеходной дорожке к дому, идёт по тротуару вдоль дома, подходит к подъезду. Дом обычный, современный, многоэтажный, не элитный, не бизнес-класса, но и не старый, брежневский или хрущёвский, просто относительно современный московский многоэтажный дом, серии ПЗ или КОПЭ или П44Т, что-то примерно такое. Этажей в доме много – ну да, он же многоэтажный. Серёжа подходит к подъезду, прикладывает к круглой штучке на железной двери круглую штучку на связке своих ключей, раздаётся писк, Серёжа открывает дверь, входит в подъезд, здравствуйте, Наталья Семёновна, Наталья Семёновна величественно кивает, Серёжа идёт к лифту, вызывает лифт, ждёт, лифт подъезжает, Серёжа входит в лифт, нажимает кнопку своего этажа, лифт начинает движение.

Лифт движется долго, долго, очень долго.

Лифт движется, движется.

Лифт всё движется, Серёжа неподвижно находится в лифте.

Лифт приезжает на нужный Серёже этаж.

Серёжа покидает лифт, возится с ключами, открывает дверь.

Серёжа входит в квартиру.

Серёжа осуществляет обычную входную возню, которую всегда осуществляет входящий человек, – возится, возится. Возится с курткой (её рукава не очень-то подчиняются), возится с повешением куртки на вешалку (она не вешается, потому что вся вешалка занята другой верхней одеждой), пытается снять обувь, она далеко не сразу снимается, потому что шнурки запутываются, и Серёжа нелепо скачет на одной ноге, пытаясь развязать шнурки, и они от его скакания только ещё больше затягиваются, и он просто стаскивает обувь с ноги, насильно стаскивает, через сопротивление, и потом долго пытается, держа в руках обувь, развязать ненавистные, неподчиняющиеся шнурки, и у него сначала плохо получается, а потом к нему всё же приходит успех, и он снимает другую обувь с другой ноги уже относительно легко, или как это лучше сказать, «снимает обувь» – это ведь можно сказать только об обоих предметах обуви, «снимает обувь» – это ведь когда человек просто снимает всю обувь, которая на нём, то есть оба предмета обуви, а когда он сначала снимает только один предмет обуви и борется с ним, то тут нельзя сказать «снимает обувь», потому что обувь – это оба предмета обуви, а когда человек мучительно борется с одним предметом обуви, нельзя сказать – «он снимает обувь», он снимает не обувь, а только один предмет обуви, в общем, наверное, нельзя сказать «он снимает с одной ноги одну обувь, а с другой ноги другую обувь», обувь – это сразу всё вместе, а когда по отдельности...

Господи.

Ох.

В общем, снял он наконец эту свою трудную, неподчиняющуюся обувь и вошёл в кухню. В кухне всё это время сидела его жена и наблюдала за его мучениями с курткой и шнурками.

Будем считать, что жену зовут Света.

Света просто сидит с ноутбуком за кухонным столом. До прихода Серёжи она что-то делала с ноутбуком, вводила в него какую-то информацию и анализировала выводимую информацию, а с момента появления Серёжи стала наблюдать за его мучениями.

Серёжа садится за кухонный стол напротив Светы. И между ними происходит следующий разговор:

- Ну как, приговорили?

- Ну, типа, да. СК.

- Ну, там, типа, других вариантов и не было, я так понимаю.

- Ну да.

- Можно не расстраиваться особо?

- Да, можно и не расстраиваться. А можно расстраиваться.

- Ты у нас теперь приговорённый.

- Не обязательно мне об этом напоминать.

- Туалет-то хоть будет?

- Света, какой туалет? Мне положено сейчас с ума сходить, а не тебе. Мне так кажется, нет?

- Ну как же. *La toilette du condamné* (произносит с хорошим французским произношением). Помнишь, у Гюго? Он ещё был большим противником смертной казни. СК, как бы сейчас сказали. Эгейнст Си-Кей. *Condemned lives matter* (произносит на хорошем английском).

- Свет, ты это. Я, конечно, ценю твой юмор, как всегда.

- А, типа, не вовремя.

- Ну, ты знаешь, немного да.

- Так что, будет *la toilette du condamné*? У Гюго это ярко описано. Срезание ворота рубахи и срезание всех волос на голове. Чтобы гильотина как-нибудь не затормозила, не запуталась в ткани и волосах.

- Ты, Света, хорошая, добрая девушка.

- Серёжа, ну я как-то стараюсь не сойти с ума и не вот это вот всё. Мог бы и оценить.

- Да... спасибо. Я, в общем, понимаю. Может быть, глупо и даже смешно звучит, но, знаешь, как тебе сказать, и мне сейчас трудно.

- Расскажешь?

- Ну... они пока так, без подробностей. Подробности будут потом, надо идти на, как

его, это, собеседование, что ли, в Комбинат. Там всё расскажут.

– Это называется Комбинат?

– Да. Ну а так пока ничего особенного не рассказали. Это всё известно. Никаких палачей, пулемёт расстреливает автоматически неизвестно когда. Гуманная казнь. Это мы и так знали.

– Ну да.

– Говорят, условия хорошие, как в гостинице.

– Ну хорошо. Хотя это.

– Я это... можно я у тебя поживу до конца мая? Не помешаю?

– Да живи, конечно. Видишь, Серёжа, как хорошо всё вышло – не надо разводиться, квартиру снимать. Без этих вот всех хлопот. Во всём есть свои плюсы.

– Света, ты, конечно, умеешь поддержать близкого человека в трудную минуту.

– Ну, ты уже, к сожалению, не особо близкий мне человек, хотя, конечно, по старой памяти... И я уже, кажется, сказала, что изо всех сил пытаюсь не сойти с ума и как-то нормально с тобой разговаривать.

– Света, я это ценю.

– Спасибо.

Света в университетской аудитории читает лекцию. В зале небольшое количество студентов. Среди них – очень красивая девушка, которая присутствовала некоторое время назад в зале суда.

Света ходит с указкой вдоль доски:

– Он был совершенно ни о чём, как можно было бы сказать современными словами. Маленький литератор, малозаметный, тихий маленький человек. Правда, каким-то удивительным образом он сумел при своей недолгой жизни опубликовать практически всё им написанное. Ну вот так как-то получилось, как-то так тупая советская цензура проглядела совершенно чуждого ей писателя. Но сначала проглядела, а потом и доглядела. В 1936 году на собрании ленинградских писателей его подвергли жесточайшей критике. Назвали прямо вот антисоветчиком. Дикие совершенно слова говорили. Прямо вот размазали по стенке. Он вышел на трибуну, сказал, что не может со всем вышесказанным согласиться. И ушёл.

И ушёл, понимаете.

И ушёл. И ушёл.

(Спускается к студентам.)

И ушёл! И ушёл!

Подходит к ряду, в котором сидит очень красивая девушка, о которой мы уже говорили. Держа указку за тонкую часть, бьёт ею о стол, за которым сидит девушка:

– И ушёл! И ушёл! И ушёл!!!

Света яростно колотит указкой о стол, пока указка не разбивается вдребезги.

Девушка сохраняет неподвижность. Света выходит из аудитории.

Серёжа в университетской аудитории читает лекцию. В зале небольшое количество студентов. Среди них – очень красивая девушка, которая присутствовала некоторое время назад в зале суда.

Серёжа ходит с указкой вдоль доски:

– Понимаете, советская литература была таким коллективным мороком. Что-то писалось, люди работали, даже иногда создавались выдающиеся произведения. Даже, может быть, великие. Но в целом это было какое-то такое, понимаете, блуждание в темноте.

Кто-то из студентов тянет руку:

– Сергей Петрович, а можно вопрос? А правда, что вас к смертной казни приговорили?

Серёжа кладёт указку на стол.

– Да, правда.

Серёжа выходит из аудитории и слышит, как ему вдогонку звучат аплодисменты.

Мы видим, как Серёжа идёт по пешеходной дорожке к дому, идёт по тротуару вдоль дома, подходит к подъезду. Дом обычный, современный, многоэтажный, не элитный, не бизнес-класса, но и не старый, брежневский или хрущёвский, просто относительно современный московский многоэтажный дом, серии ПЗ или КОПЭ или П44Т, что-то примерно такое. Этажей в доме много – ну да, он же многоэтажный. Серёжа подходит к подъезду, набирает номер квартиры, раздаётся пищащий звук, Серёжа входит в подъезд, кивает консьержке, она не реагирует, идёт к лифту, вызывает лифт, нажимает кнопку нужного этажа, лифт подъезжает, Серёжа поднимается на нужный этаж, дверь нужной квартиры уже открыта. Серёжу встречает его мама.

– Ну, здравствуй.

Серёжа повторяет те же мучительные действия с одеждой и обувью, которые он совершал у себя дома, или дома у жены, мы тут не будем уточнять, опять эта мучительная возня с рукавами и шнурками. Вот это всё опять. Мама молча смотрит на мучения Серёжи. Они рано или поздно заканчиваются. Мама приглашает (жестом или голосом – трудно сказать) Серёжу на кухню. На кухонном столе стоит бутылка виски, два стакана для виски, больше на столе ничего нет. Мама начинает говорить.

– Ну что, всё решилось?

– Ну да. Расстреляют меня.

– А что там за процедура?

– Ну, там сложно всё. Стреляет пулемёт при выходе на прогулку, стреляет автоматически, когда стрельнёт – неизвестно. То ли быстро, то ли через кучу лет. Говорят, можно и всю жизнь прожить.

– Жизнь прожить – не поле перейти. Всё-таки очень глупое это стихотворение у Пастернака.

– Мама, ну давай Пастернака обсудим.

– Давай. А что. В целом хороший поэт был, правда, были у него проблемы со вкусом и чувством меры, ну, с другой стороны, у кого их не было. И нет.

– Пастернак. Да. Ну вообще.

– А что, всё-таки большая фигура. За одно стихотворение «В больнице» можно ему

памятник поставить. Ладно, давай выпьем. Да, надо закусить чем-то. Сейчас. Вот, сыр есть. Сейчас порежу. Оливки вот. Нормально, хватит.

– Спасибо! Да, Пастернак – большая фигура.

– Ну а что, маленькая, что ли. Нормальная такая фигура. Не, ну были и покрупнее, конечно.

– Мама, ты, конечно, прости, пожалуйста. Но, знаешь, меня скоро расстреляют.

– А ты бы с девками, какими попало, не путался, тебя бы и не расстреливали.

Мама наливает ещё виски, выпивает.

– Мам. Ну прямо это. Как в «Рассказе о семи повешенных». Там тоже такая мама была. Эмпатичная.

– Да, я помню. Хорошо, вырастила хорошего филолога. Специально симитировала. А ты думал. Серёж, я просто не знаю, что ещё тебе сказать. Правда. Не хочу вот разрыдаться, как баба какая-то. Ну вот, строю из себя интеллигентку.

– Ну ты и есть интеллигентка.

– Ну да. Интеллигентка Гадова. Серёж, я не знаю, вот прямо сейчас не знаю, что делать, как себя вести. Ну, не знаю. Ты прости. Я просто пытаюсь держаться как-то. Как-то всё так дико получилось. Не могла я вот это предположить. Смертную казнь вот эту. Ты же у меня не преступник. Да. Но мне надо как-то держаться. Даже не знаю как. Ну, не знаю. Серёж, не знаю, ну давай, наверное, иди. Потому что это уже я сейчас головой рухну. Или, хочешь, полежи, поспи. Я не знаю.

– Не, мам, я пойду.

– Ну давай, давай. Да.

Серёжа совершает цепь нелепых действий, связанных с обуванием, надеванием одежды, обувь его не слушается, шнурки не завязываются, руки не попадают в рукава, вся вот эта неприятная, мучительная возня. Наконец:

– Мам, ну пока.

– Сын, ну давай. Держись там.

– Под дулом пулемёта?

– Ну, в том числе.

– Пока.

– Пока.

Серёжа выходит на лестничную клетку, вызывает лифт, едет в лифте на первый этаж, выходит из подъезда. Некоторое время стоит у подъезда, не зная, куда ему идти. Потом идёт по дорожке от дома, идёт, идёт, доходит до магазина «Пятёрочка», бродит там среди рядов и ящиков с продуктами. Находит закрытый стеллаж с виски и другими, как кажется «Пятёрочке», «дорогими» напитками. Возвращается к стеллажам с мясопродуктами, берёт какую-то нарезку, ещё какую-то нарезку (колбаса, ветчина, ещё что-то такое), продвигается к нарезкам с сыром, берёт зачем-то нарезку сыра маасдам, идёт к кассе, встаёт в очередь. Когда очередь подходит, Серёжа вываливает набранные им продукты на прилавок и говорит кассирше, что ему надо взять товар в отделе «дорогих» спиртных напитков, кассирша выходит из-за кассы, идёт в отдел «дорогих» спиртных напитков, это довольно жалкие, простые напитки, но для «Пятёрочки» они считаются дорогими, Серёжа называет одну или две марки, продавщица (кассирша) не понимает и долго ищет, Серёжа ей подсказывает, говорит что-то

типа «вот там, левее, нет, правее, правее, вон там», кассирша наконец берёт бутылку *Red Label* и *William Lawson's*, больше там брать нечего, и несёт их на кассу, Серёжа собирается оплатить, а кассирша, усевшись за кассу, спрашивает: а у вас есть наша карта? Серёжа говорит: нет, а кассирша говорит: мы без карты не можем продать этот товар, Серёжа говорит: ну как же так, кассирша говорит: нет, можем, но это будет прямо вот слишком дорого, ну, может, у кого-то будет карта, девушка из очереди протягивает карту, спасибо-спасибо-спасибо, кассирша пробивает товар.

Серёжа выходит из магазина. Серёжа идёт к автобусной остановке. Серёжа садится на скамеечку внутри остановочного павильона. Серёжа достаёт из рюкзака бутылку *Red Label* и, никого не стесняясь, делает большой глоток. Серёжа некоторое время сидит на остановке. Никто не обращает на него внимания. Серёжа смотрит на пятиэтажный дом напротив, на здание школы чуть правее, на деревья, которыми густо зарос двор перед остановкой. Серёжа сидит, сидит. Серёжа довольно долго сидит. Подъезжает автобус. Серёжа входит в автобус, садится на место у окна, пьёт виски. Серёжа подъезжает к оживлённому месту, выходит, идёт в жерло, которое в нашей реальности обычно обозначает вход в метро, но это не метро, а МЦК, Московское центральное кольцо. Серёжа выходит на платформу МЦК, садится на скамейку и ждёт. Он, в общем-то, не особенно ждёт прямо вот конкретного поезда, он просто сидит и пропускает несколько поездов. Серёжа выпивает из горла некоторое количество виски *Red Label*, в бутылке уже остаётся не очень много этого виски. Серёжа всё же садится в один из подошедших поездов. В поезде хорошо, уютно, спокойно, мягко, много свободных мест. Серёжа садится у окна и прямо вот нагло хлещет свой вискарь.

Серёжа едет, едет. Серёжа едет. Серёжа едет сквозь старые московские окраины и пьёт виски, купленный в магазине «Пятёрочка». Он уже выпил бутылку *Red Label* и перешёл к бутылке *William Lawson's*. Серёжа наблюдает проносящиеся мимо него серые промышленные или даже не промышленные, а всё больше складские здания, и ему как-то всё равно, и уголком сознания он думает, какая, собственно, разница и зачем это всё. Всё равно ведь.

К Серёже подходят полицейские. Здравствуйте, старший лейтенант Скворцов, отделение такое-то (ну, какие у них там бывают отделения), документки ваши, пожалуйста, так, а что это мы выпиваем в общественном месте, знаете, меня к смертной казни приговорили, к смертной казни, хм, а можно документки какие-то, Серёжа достаёт из рюкзака буклет с яркой надписью «СК: информация». Полицейский долго изучает буклет, говорит: ну ладно, допустим. Это редкий случай. Мы, конечно, понимаем. Трудно, наверное. Серёжа говорит: ну да, знаете, трудно. Полицейский: вы не перебивайте, гражданин. Ладно, мы понимаем, мы же не звери какие-то. Всё понятно. Мы же тоже люди. Сергей... как там вас... Сергей Петрович, вы как-то поосторожнее, ладно? Давайте без вот этого вот. Давайте как-то поосторожнее. И мы это... мы это... ну, в общем, держитесь как-то. Держитесь, не нарушайте норм. Давайте. Удачи вам. Серёжа спрашивает: какой удачи? Полицейский выразительно смотрит на Серёжу. Полицейские уходят.

Совсем пьяный, но вполне держащийся на ногах Серёжа выходит на одной из станций МЦК, вызывает такси, садится в такси, называет адрес своего дома, теперь уже временного. Таксист спрашивает: музыка не мешает? Серёжа отвечает: нормально. И всю поездку в такси оглушительно звучит «Восток FM». Серёжа ловит себя на мысли, что ему это даже как-то странно нравится.

Серёжа подъезжает к своему дому, говорит таксисту: спасибо большое, всего доброго, таксист говорит: и вам спасибо, хорошего вам вечера, Серёжа отвечает: у меня теперь хороших вечеров не бывает, таксист улыбается, Серёжа входит в подъезд, вызывает лифт, поднимается на лифте на нужный этаж, открывает своими ключами дверь в квартиру. Входит в квартиру.

Серёжа раздевается (вешает куртку на вешалку), разувается (пытается стянуть с себя кроссовки, не развязывая шнурков, это получается плохо, ну как-нибудь, ну ладно). Света сидит на кухне с ноутбуком. Серёжа, как бы это сказать, пьян. И

между ними происходит следующий разговор:

- Свет, привет.
- Привет. Что-то ты лыка не вяжешь.
- Свет. Ну я это.
- Не, ну я понимаю.
- Свет, я к маме ездил.
- Да, я понимаю, после визита к твоей маме нужно как-то взбодриться.
- Ну, типа, да.
- Сочувствую тебе.
- Спасибо, Света. Ты всегда так мне сочувствуешь.
- Да не за что. А что? Плохо сочувствую? Надо ещё как-то? Какая-то ирония слышится в твоём пьяном голосе.
- Да нет, я так. Ну, просто, учитывая всё... Могла бы не иронизировать.
- М-м-м. Пожалеть тебя? Ну... я тебя жалею. Мне жаль, что всё вот так.
- Ну вот так, прикинь.
- Да, фигня какая-то. Из-за бабы какой-то погибнешь. Серёжа, мне очень жаль. Правда, прямо вот дико жаль.
- Это не из-за бабы, это из-за законов этих диких.
- Ну да. Из-за законов.
- Это же дикость какая-то, да? Двадцать один год! Ну вообще!
- Ну да, дикость. Серёж, ты перед смертью хочешь повозмущаться? Порассуждать о дикости законов?
- Не, ну они правда совсем уже охренели! Так ведь нельзя! Это же дикость прямо вот какая-то!
- Серёжа, понимаю твоё возмущение. Но... как тебе сказать. Ну вот когда Марию-Антуанетту вели на гильотину, она ведь не возмущалась, не кричала: ну как же так, ну почему же моя родная Австрия не заступится за меня!
- Ну при чём тут Мария-Антуанетта?!
- Ну, ваше с ней положение в чём-то похоже. Ну, типа... как тебе объяснить. Когда участь твоя решена, не надо уже дёргаться. Даже словесно. Прими и смирись.
- Легко тебе говорить.
- Нет, не легко.

Света гладит Серёжу по голове, встаёт со своего стула, обнимает его, и тут уже надо вспомнить, что всё это похоже на фильм и что, если постановщику фильма будет угодно, между ними может произойти (или не произойти) любовная сцена.

Помятый, похмельный Серёжа сидит в кабинете завкафедрой. Завкафедрой – классический учёный, старенький, с бородкой, со всеми делами. Или без бородки. Неважно. И между ними происходит следующий разговор:

- Сергей Петрович, мы всё понимаем. Я всё по-человечески понимаю. И совершенно не осуждаю вас. Мне важно, чтобы вы это понимали. Да.

- Николай Степанович, спасибо. Я это ценю. Всегда ценил ваше доброе отношение.

- Да. Да. Спасибо. Сергей Петрович, это, конечно, страшная, дикая история, все мы понимаем. Но, знаете, я вам скажу. Эта дикая история не означает, что вам нужно уйти из университета. В этом плане наша политика вполне либеральна. Я вот как раз и хотел вас спросить: вы хотите продолжить преподавать? Насколько я знаю, там, в тюрьме, у вас будут все возможности.

- Ну, почему бы и нет. Николай Степанович, спасибо за это предложение. Вот уж я не ожидал такого. Думал, меня все проклянут.

- Ну что вы, Сергей Петрович, о чём вы. Все же понимают, что это... Ну, абсурд, абсурд. Ладно, не будем сейчас об этом. Мы все всё понимаем. И мы все ценим вас как бесценного сотрудника. Простите за этот дурацкий каламбур.

- Спасибо большое.

- Я бы хотел, чтобы вы продолжали у нас преподавать. У нас всё равно всё сейчас переводится в онлайн, в зум этот. Вы бы ведь могли?

- Ну, в общем-то, да.

- Ставку мы за вами сохраним. Я похадатайствую, чтобы ещё и повесить вам. Сейчас появились новые возможности. Оформим вас как уникального эксперта. Это только от меня зависит, а ставка может быть в два раза больше. Вам надо только в бухгалтерию сейчас зайти и новый договор подписать. Ну, в общем, вы согласны?

- Ну... в общем, да.

- Сергей Петрович, ну вы как-то вяло реагируете! Радоваться надо! Не каждому сотруднику у нас такие условия предлагают! Я же знаю про эту вашу смертную казнь. Там могут не казнить до глубокой старости, человек может дожить до седины и умереть своей смертью. Говорят, там быстро привыкают и живут обычной жизнью. Будете преподавать, писать статьи, публиковаться. Приободритесь как-то, ну! Вы же учёный! И я, как вы видите, на вашей стороне!

- Спасибо, Николай Степанович. Спасибо. Я очень ценю ваше предложение. Мне, наверное, будет там легче... заниматься вот этим всем... пока не расстреляют. Спасибо.

- Сергей Петрович, голубчик, ну что вы так заикливаетесь на этом вот «расстреляют»! Все мы когда-нибудь умрём. Что уж так убиваться.

- Ну, как вам сказать, Николай Степанович. Есть всё же разница.

- Да, Сергей Петрович. Да. Знаете, вы простите меня. Простите. Я был плох с вами. Не надо было мне всего этого говорить. Мне бы лучше помолчать, а я что-то разговорился. Сергей Петрович... Серёжа. Дорогой мой Серёжа. Простите меня, пожалуйста. Я вам ничего плохого не сделал, но просто простите меня, как человека, у которого всё хорошо. У вас всё плохо, а у меня всё хорошо, и вот простите меня, пожалуйста.

- Спасибо, Николай Степанович. Даже как-то не ожидал от вас.

- Серёжа, ну, в общем, я про дела вам всё сказал, а так больше нам вроде бы говорить не о чем. Простите, мне очень больно видеть вас. Вот таким – здоровым, крепким, цветущим. Умным. Ну ладно, давайте прощаться. Прощайте, Сергей Петрович, прощайте, прощайте.

- Да, Николай Степанович. Спасибо. До свидания. Вернее, да – прощайте.

Серёжа идёт пешком в Комбинат. Он решает пойти пешком, идёт через центральные районы Москвы. Майская Москва прекрасна. Серёжа подходит к неприметной двери в бетонной стене. Звонит в звонок. Да, слушаю. Это Фролов... Сергей Петрович. Я на СК.

Звонок отзывается открывающим звуком.

Серёжа входит. Коридор. Серёжа не знает, идти ему вперёд или не идти. Навстречу Серёже выходит бодрый человек, протягивает Серёже руку.

- Здравствуйте.

Серёжа отвечает, естественно:

- Здравствуйте.

- Давайте, проходите сюда. Так, так, сюда.

Окно регистрации. Бодрый человек говорит:

- Документы, пожалуйста. Извините, надо всё же соблюсти порядок.

Происходит оформление документов. Серёже вручают пластиковый пропуск.

- Ну, пойдёмте.

Идут по длинным светлым коридорам. Идут, идут и приходят наконец в кабинет бодрого человека.

- Располагайтесь, пожалуйста. Чай, кофе?

- Да... можно... чай... зелёный... без сахара. Хотя... какая теперь уже разница.

- Отлично. Светочка, принеси чай, зелёный, без сахара, и мне кофе, как всегда.

Бодрый человек некоторое время молчит. Серёжа тоже молчит.

Бодрый человек: Сергей... Петрович. Фролов. Хорошо. Я рад приветствовать вас в нашем Комбинате. Сразу скажу: здесь у нас ничего такого страшного нет, не бойтесь. Вот прямо первая для вас информация: не бойтесь. Всё хорошо. Расслабьтесь, настройтесь на лучшее.

- Да, спасибо. Я уже как-то постарался. Плоховато, конечно, получается.

- Да, с самого начала людям трудно. Это да. Я вас понимаю. Ладно. У нас сегодня с вами инструктаж. Давайте начнём, а там, дальше, многое для вас прояснится.

- Страшновато звучит слово «инструктаж».

- Ну, ничего страшного на самом деле. Тут у нас всё страшно только сначала, а потом ничего. В общем, я начну инструктаж, если вы не против. Не против?

- Да.

- Ну ещё бы. В общем, так. Как вам уже, кажется, известно, в стране введён режим Общей Гуманизации, в рамках которого возвращена смертная казнь. Ну да, можно, конечно, смеяться, издеваться. Но лучше не надо, особенно вам и в вашем положении. Возвращена смертная казнь по преступлениям в сфере морали и по экономическим преступлениям. Это вы, думаю, знаете.

- Ну, в общем, да. Станный какой-то закон.

- Станный? Можем его обсудить, если хотите. У вас есть такое право.

- Да я не то что хотел бы обсуждать. Просто странно. За убийство, изнасилование нет срока, а за вот это...

- Да, это на первый взгляд кажется странным. Но, как бы вам объяснить... Убийца, насильник - они уже как бы сами себя приговаривают к страшному наказанию, к нравственной смерти. Их нужно законом просто немного подтолкнуть к осознанию их проступков.

- Это немного смешно звучит.

- Не надо смеяться. Нарушения типа того, что допустили вы, простите, не хотел бы вас лично осуждать... так вот, такие нарушения у нас в обществе до сих пор считаются приемлемыми. Подумаешь, переспал с девушкой! И люди, которые такое допускают, даже гордятся этим, ходят, так сказать, гоголем. И коррупция тоже. Люди считают, что это нормально, гордятся этим! Типа, я делаю дела, я такой вот деловой человек, не то что вы все, лохи. Человек гордится своими экономическими преступлениями. И вот, чтобы как-то подчеркнуть недопустимость таких преступлений, сделать их более, что ли, выпуклыми, наше государство пошло на такие вот меры. А что делать.

- Более выпуклыми. Ну хорошо.

- Да, Сергей Петрович. Более выпуклыми. Сергей Петрович, я должен сейчас провести для вас экскурсию по нашему Комбинату. Пойдёмте.

Бодрый человек и Серёжа долго идут по странноватым светлым коридорам, приходят в ещё один коридор, очень светлый и широкий.

- Сергей Петрович, вот это, собственно, коридор, где когда-нибудь решится ваша судьба, вы уж извините за этот высокий штиль. Вы будете каждый день выходить на прогулку, вот отсюда и вон туда, и в один из дней... ну, вы понимаете. Но когда это будет, никто не знает. Вы сможете спокойно состариться и умереть своей смертью. А можете и не состариться и не умереть. Это уж как получится, как повезёт.

- То есть я вот так иду, и мне в спину стреляют, да?

- Ну, в общем, да. Вы ничего даже не заметите. Пулемёт разносит человека сразу в клочья, за полсекунды. Вы ничего не почувствуете. Гуманная казнь. Да правда, вы не бойтесь. Раз - и всё. Даже ничего не успеете почувствовать.

- Это я вот так буду каждый день ходить и спиной чувствовать, что сейчас стрельнёт?

- Ну да. Но, знаете, мы наблюдаем за приговорёнными. На самом деле очень быстро привыкают все. Будете ходить просто так, как с собачкой погулять. Привыкнете. Только первое время страшно. Ну, ну, не надо дрейфить! Это на самом деле фигня. Вы быстро привыкнете.

- А можно пулемёт посмотреть?

- Да, конечно, это ваше право. Вот, смотрите, вот сюда. Видите?

Серёжа видит подвешенный к потолку страшный на вид пулемёт. Несколько дул на круглой штуровине, судя по всему, вращающейся. Это очень угрожающая конструкция, на неё страшно смотреть. Пулемёт выкрашен в белый цвет.

- Это вот... он?

- Ну да. Будете каждый день видеть его по пути на прогулку. Но я вас уверяю, опять-таки, вы быстро привыкнете. Не будете обращать на этот пулемёт никакого внимания.

– Трудно на такую штуку не обращать внимания.

– Это вам сейчас так кажется. Ну ладно, давайте как раз пройдем по этому коридору, не бойтесь, пулемёт не выстрелит. Давайте посмотрим место ваших прогулок.

Серёжа и бодрый человек долго идут по коридору и выходят в прекрасный парк. Он расположен прямо посреди города. Дорожки, деревья, кусты, всё очень красиво. По дорожкам ходят немного странные люди. В их облике нет ничего странного, но, когда смотришь на них, первое слово, которое напрашивается при их виде, – странные. Они не обращают никакого внимания на появившихся Серёжу и бодрого человека.

– Вот, здесь вы каждый день будете гулять.

– Правильно ли я понял, что прогулка будет возможной только после прохождения под пулемётом?

– Да, совершенно верно. Все эти люди именно так получают право на прогулки в этом, согласитесь, прекрасном парке.

Серёжа видит странного вида людей, меланхолично прогуливающихся в парке и совершенно никак не коммуницирующих друг с другом.

Серёжа идёт по дорожке парка, доходит до паркового ограждения. За не очень убедительным забором (легко перелезть, перепрыгнуть) – обычная московская улица, по тротуару ходят люди, по проезжей части ездят машины, автобусы, трамваи.

– А если я захочу убежать? Вообще, если я не приду в этот ваш Комбинат? Уеду куда-нибудь? Что будет?

– Ну что вы как маленький. Что будет, что будет. Если убежите из Комбината, то через пару минут задержим и вернём обратно. Камеры, слежение по расположению телефона, ну, обычное дело. Если просто попытаетесь убежать, не являясь в Комбинат, тоже быстро обнаружим. Можно включить работу системы «Доброе возвращение», вы сами к нам прибежите и попроситесь, чтобы мы вас обратно приняли. Это, знаете, такое воздействие... да вы наверняка читали. У человека единственное чувство, единственное желание остаётся, абсолютно доминирующее, – вернуться туда, откуда убежал.

– М-м, это интересно. Я слышал, конечно, про что-то такое. А если человек попытается бежать и его поймали, что ему будет?

– Ну вы прямо как будто собираетесь бежать. Немного не ожидал от вас. Если человек пытался бежать, его задержали и вернули в место заключения, то ему ничего не будет. Стремление к свободе признано нашим законодательством естественным стремлением человека. Это не наказывается. Срок не добавляется.

– Какая-то неожиданная гуманность.

– У вас просто есть предубеждение. Новая система гуманна. Ладно. Давайте я вам ваш номер покажу.

Серёжа и бодрый человек некоторое время идут по коридорам, потом оказываются в уютном коридоре гостиничного типа, с многочисленными дверями. Бодрый человек сверяется с электронным ключом, открывает дверь.

– Ну вот, вэлкам. Ваш номер.

Нормальный гостиничный номер. Широкая кровать, рабочий стол, много розеток, санузел с удобной душевой кабиной.

- Вот, будете здесь жить. Посмотрите, всё устраивает? Жалобы есть? Пожелания, может, какие-то?

- Да нет, нормально всё вроде. А тут можно с компьютером?

- Да, конечно. Мы выделяем каждому заключённому персональный компьютер с безлимитным интернетом, но, если хотите, можете со своим компьютером прийти. Всё можно, всё. И можете как угодно общаться.

- Прямо вот никаких ограничений нет? Фейсбук, инстаграм, ВКонтакте, ютьюб?

- Да, пожалуйста, пользуйтесь любыми сетями, любыми сервисами. По телефону можно звонить куда и кому угодно. Никаких ограничений. Я же говорю, мы стараемся по возможности гуманизировать процесс.

- Гуманно. Надо же.

- Да, Сергей Петрович, гуманно. Мы стараемся. Ну, наверное, можно считать нашу экскурсию оконченной. Приходите... покажите мне ваш буклет... да... приходите, заселяйтесь, будем с вами тут жить. Да не бойтесь, это не так страшно, как вы думаете. Приободритесь! Вот сюда, пожалуйста, вот сюда. Давайте, до свидания. Как сейчас говорят, хорошего дня.

Серёжа, не очень трезвый, но в целом в нормальном состоянии, приходит в свою пока ещё квартиру. Серёжа не очень ловко снимает с себя обувь, это сопровождается грохотом. Серёжа снимает с себя верхнюю одежду. Серёжа входит на кухню. На кухне сидит его (пока ещё) жена Света с ноутбуком.

- Ну как? Как тюрьма? Посмотрел, ознакомился?

- Ну, так. Нормально, в принципе. А ты что имеешь в виду? Какой-то тон у тебя... Такой.

- Да нет, ну мне же, как простому обывателю, далёкому от смертной казни и от всего этого, интересно же, как там всё у вас, больших серьёзных личностей, происходит.

- Издеваешься. Ну давай. А меня ведь скоро расстреляют.

- Да нет. Ты извини. Ну, я просто хотела спросить. Как там оно у них всё?

- Ты так говоришь, как будто меня уже нет, как будто я уже расчеловечился.

Света вдруг протягивает руку, гладит по лицу Серёжу. Встаёт, подходит к нему, целует в губы.

- Зря ты изменил мне. Ты хороший парень, но всё как-то изменилось, не могу ничего с этим поделать. Как-то всё обрушилось. Извини. И с этой твоей смертной казнью... Какая-то страшная нелепость... Я теперь ничего не могу с этим сделать. Хочу помочь тебе, и не могу. Хочу спасти тебя, и не могу. Знаешь, есть такое стихотворение. «Встретить хочу тебя, и не могу. Потому что обман – это не шуточки на лугу».

- Да, знаю. Анна Логвинова. Хорошее стихотворение.

- Да, точно. Вот как-то так. Ты меня прости.

- Мне ещё несколько дней нужно будет у тебя перекантоваться.

- Да, давай, конечно, без проблем.

- Спасибо.

- Ну вот там давай располагайся.

- Света.
- Да.
- А может быть, мы...
- Нет, Серёжа, давай всё же нет.
- Ладно.

Серёжа приходит на смотровую площадку на Воробьёвых горах. Стоит, оглядывается, смотрит на туристов/смотрящих. Ходит туда-сюда. Наконец к нему подходит красивая девушка. Это та девушка, которая присутствовала на судебном заседании.

- Здравствуйте, Сергей Петрович, - произносит девушка.
- Здравствуйте, Илона. Я немного удивлён вашим этим фактически вызовом.
- Сергей Петрович. Я... Я не знаю, как вам сказать. Я ещё в суде сказала, что не виню вас. Я в суде сказала, что всё было... мне очень мерзко произносить эти слова, но... по взаимному согласию. Как-то мерзко звучит. Мне мерзко писать и говорить это, как будто это могло быть без моего согласия. Этого не могло быть в принципе. И для меня было оскорбительно, что люди обсуждали эту ситуацию, как будто она могла состояться без моего согласия, вот это самое мерзкое, думаю, вы понимаете.
- Да, Илона, это я понимаю.
- Ну хорошо.
- Ну вот и славно. Давайте посмотрим на величественный пейзаж Москвы, а потом меня через какое-то время расстреляют.
- Да, давайте посмотрим. Зря говорят, что Москва некрасивая.
- Конечно, зря. Москва - это ЛГЗ.
- Что такое ЛГЗ?
- Это лучший город Земли. Была такая советская песня.
- Ну, я соглашусь. Может, ещё Питер?
- Да вы ничего не понимаете в городах. Ну какой Питер? А впрочем, да, и Питер.
- А Киев?
- Да, вечный город Руси. Я его когда-то любил. Но с некоторых времён перестал. Хотя красивый, конечно.
- Ну вот.
- Да.
- Сергей Петрович.
- Да.
- Я хотела сказать.
- Да, говорите, конечно. Если хотели.
- Сергей Петрович, я люблю вас. Я не хотела, чтобы это всё так вот получилось.

- Да, я понимаю. Смотрите, а ведь они сейчас нас тоже контролируют.

- Да, Сергей Петрович. Я... не знаю... вы меня простите или нет...

- Ну что вы. Я вас прощаю. Не парьтесь так сильно об этом. Вам-то что? Вы себя ведёте очень благородно для жертвы.

- Сергей Петрович, ну какой жертвы.

- Ну как. Моей жертвы. Но, знаете... думаю, нам надо уже как-то прекращать. Я вам очень благодарен. Вы хорошая девушка, умная. Надеюсь, у вас всё будет хорошо. А у меня всё будет плохо. Меня скоро расстреляют. Но это не вы виноваты. Это так сложились обстоятельства. Ну и ладно.

- Сергей Петрович, да, я понимаю. Простите, хотела у вас спросить. Сергей Петрович, вы меня любите?

- Илона... трудно ответить на ваш вопрос. Если бы мне предстояла долгая счастливая жизнь, я бы что-то придумал, что-то ответил на ваш сложный вопрос. Но поскольку я скоро буду казнён, буду расстрелян из пулемёта, знаете, это не совсем обычно - быть расстрелянным из пулемёта, то я скажу - трудно сказать, Илона, трудно сказать. Вот мне трудно будет жить и умереть и жить после смерти с таким ответом, и вы тоже живите с таким вот неопределённым ответом - трудно сказать.

- Сергей Петрович...

- Да, Илона. Давайте обнимемся. Вы хорошая девушка.

- Сергей Петрович... Сергей Петрович... я...

- Да, Илона, да, спасибо, пока, пока.

Серёжа и Света смотрят ночью фильм «Бангкок Хилтон». Действие доходит до расстрела девушки-наркодилерши. Её ставят и привязывают к столбу. Перед ней стоит противотанковый пулемёт. Пулемёт наводят на привязанную жертву, фиксируют. Между ней и пулемётом устанавливают бумажный экран, чтобы жертва не видела, как в её сторону вылетают пули из пулемёта. Гуманность. Хотя она бы и так ничего не заметила, какая разница. Это ведь доли секунды. Но всё равно - гуманность, гуманность. У пулемёта есть оператор, человек, который приводит пулемёт в действие, фактически палач. Какой-то тайский парень. Наверное, служащий тюрьмы, получает повышенную зарплату. Там ещё есть какой-то высокий чин, генерал или ещё кто-то в этом роде. Он распорядитель казни. Генерал, или кто он там, делает жест рукой, тайский парень-палач тоже делает жест рукой, двигает какую-то штуку вперёд, и пулемёт стреляет, и нам, кинозрителям, показывают, как бумажный экран, отделяющий пулемёт от девушки, разрывается в клочья.

Девушка, наверное, тоже разрывается в клочья. Ну так, по логике.

Света и Серёжа обсуждают фильм и конкретно эту сцену. Света говорит:

- Да, пиздец.

- Типа, да.

- У них там, в Таиланде. Это вообще. Дикая страна.

- Типа, да. Но у нас, видишь, тоже.

- Да. Мы тоже дикая страна.

- Прикинь, меня тоже так.

- Серёжа.
- Меня тоже так расстреляют.
- Серёжа. Ну да. Но не совсем так.
- Да, есть отличия. Без бумажного экрана.
- И не в лицо, а в спину.
- Да, действительно. Света, умеешь ты подбодрить.
- И у тебя будет ещё неизвестность.
- Да.
- Ну вот.
- Будем ещё смотреть?
- Как хочешь. Знаешь, чем закончилось?
- Там эта австралийская девушка вроде выбирается из всех невзгод.
- Да, этой суке ничего не делается. Её спасают эти героические англосаксы. Эти, блядь, пидорасы без страха и упрёка. Ну а как ещё. Как же ещё может быть.
- Да ладно, нормальные вроде ребята.
- Давай что-нибудь другое посмотрим.
- Да, давай.

Серёжа прощается с Москвой, которую он очень любит, как всякий коренной москвич. Серёжа не придумывает ничего лучшего, чем начать прощание с Москвой с прихода на Красную площадь. Он приезжает на станцию метро «Площадь Революции» и приходит на Красную площадь, как дурак. Стоит, как идиот, на Красной площади, смотрит на всё вот это. Серёжа долго стоит на Красной площади и смотрит на неё, на сооружения, которые её окружают, – Кремлёвскую стену, Мавзолей, храм Василия Блаженного, ГУМ, Казанский собор, Исторический музей. Натурально, как дурак, как идиот, вращается вокруг своей оси, поворачивается, смотрит вокруг. Потом перестаёт вращаться и просто неподвижно смотрит на Спасскую башню. Это и правда самый красивый объект Красной площади. Серёжа смотрит, смотрит. Смотрит пристально. В какой-то момент Серёже начинает казаться, что вся площадь становится красной. Всё становится красным – и брусчатка, и собор Василия Блаженного, и люди на площади, на Красной площади, которая стала полностью красной. Серёжа смотрит на всё это, и ему, кажется, становится нехорошо. К Серёже моментально подходит полицейский. Здравствуй, старший лейтенант Лебедев, как вы себя чувствуете? Врача не нужно? Нормально, да? Правда нормально? Ну смотрите. Давайте тогда идите вон туда, вон, видите, на Ильинке, есть скамеечки, вот идите туда, посидите. Если помощь нужна будет, обращайтесь.

Серёжа плетётся на Ильинку, садится на скамейку. С Серёжей ничего не происходит. Серёже уже хорошо. Да и плохо ему не было. Серёжа остороженько перебирается через Красную площадь к другому её концу, то есть, получается, к Манежной площади. Переходит через длинный подземный переход к началу Тверской улицы. Выходит на поверхность, идёт вдоль Тверской улицы. Серёжа отмечает про себя полную отшибленность чувств. Он ничего не чувствует. Ему как бы всё равно. А раньше ведь он чувствовал. Серёжа очень быстро понимает, что всё дело в его жизненных обстоятельствах, в предстоящей ему смертной казни. Тут получается интересная и странная мысленная конструкция: Серёжа хотел прогуляться по Москве и в то же время не помнить о смертной казни. Как оказалось, это невозможно. Так не получится. Это не работает. Человечество в

этом смысле то ли обманывалось, то ли просто хотело дополнительно поглумиться над приговорёнными. Ну вот эта, знаете, старая английская традиция – типа, человека ведут на казнь и позволяют ему заходить в попутные кабаки и выпивать в каждом по рюмке. Но это так себе милость. Это, по сути дела, дополнительный способ помучить человека.

Серёжа стоит на Пушкинской площади и беспомощно озирается. Он понимает, что он сейчас в последний раз видит всё вот это. Дом с магазином «Армения», дом с «Галереей Актёр» (её, кажется, уже нет – или есть), памятник Пушкину, здание «Известий», здание Английского клуба вдали, начало Тверского бульвара. Серёжа не знает, что ему надо делать и чувствовать в этой ситуации и в этом месте. Он долго стоит, молчит, смотрит. Он вдруг думает и осознаёт приход мысли: всё же главное место в Москве – это вот здесь, на Пушкинской площади. Там, на Красной, – главное сакральное место, а просто главное место, место, вокруг которого вращается вся жизнь, – это вот здесь, это Пушкинская площадь, Пушка, как когда-то говорили, но сейчас давно уже не говорят. Ну, может быть, есть ещё пара мест – Новокузнецкая, Чистые пруды. Там тоже жизнь ощутимо завихряется. Серёжа думает: может быть, сейчас поехать туда или пойти (ведь рядом).

Серёжа представляет себе, как он тупо стоит на площади рядом с метро «Тургеневская» и смотрит на бывшее здание ВХУТЕМАСа и на нынешнее здание театра *Et Cetera*, и ему становится не очень хорошо, и он решает не посещать напоследок самые оживлённые места Москвы.

Хотя... Есть некоторый смысл в том, чтобы дойти или доехать до Чистых прудов. Лучше дойти. Серёжа идёт по бульварам. Лето, хорошая погода, и на бульварах хорошо. Как же хорошо на московских бульварах, думает Серёжа. Какое же это хорошее место. В этом месте мысль Серёжи тупеет, упирается в тупик. Возможно, это связано с общей тупиковостью его жизни, с тем, что он больше никогда не сможет посетить эти благословенные места. Да, он ловит себя на некоторой тупости, тупиковости мышления. Некуда думать. Ну да. А что. Чего же ты хотел.

Тем не менее у Серёжи остаётся ещё время для очень длинной прогулки по Москве и даже по Московской области. Хотя Серёжа не фанат Московской области (а зря), и дело ограничивается Москвой.

Серёжа легко преодолевает крутой подъём Рождественского бульвара (здоровье у Серёжи хорошее, вот такая ирония судьбы) и выходит к Чистым прудам. Серёжа ждёт на конечной остановке трамвая. Ему хочется, как в детстве, покататься на трамвае. Серёжа помнит, как он с мамой катался на трамвае А, как мама рассказывала, что это раньше был самый главный московский трамвай. Серёжа с мамой приезжали или приходили на конечную остановку трамвая А, ждали, садились в трамвай и ехали. Чистопрудный, Покровский, Яузский бульвары, Новокузнецкая улица, переехать Садовое кольцо, Павелецкий вокзал. И за вокзалом – кольцо, трамвай делал круг вокруг церкви, там было совсем тесно, трамвай задевал деревья и почти задевал церковь и выезжал обратно на Дубининскую улицу и полупустой ехал к Чистым прудам, и эта поездка вызывала у Серёжи восторг, восторг.

Сейчас нет этого маршрута.

Хотя почему нет. Маршрут А остался, никуда не делся. Просто он теперь не разворачивается на том, старом кольце вокруг церкви у Павелецкого вокзала. Теперь он поворачивает к Павелецкому вокзалу и идёт дальше, до Новоконной площади.

Серёжа дожидается трамвая А, садится в него, оплачивает проезд при помощи карты «Тройка». Терминал сообщает, что на карте «Тройка» осталось ещё 386 рублей. Серёжа думает: надо будет оставить Свете.

Серёжа доезжает до Новоконной площади. Это конечная. Тут рядом Калитниковский пруд. Тут рядом Скотопрогонная улица, на которой он всегда

хотел побывать, но так и не побывал. А сейчас как-то не хочется на ней бывать, потому что Серёжа чувствует некоторую близость своего положения и положения скота, который гнали по Скотопрогонной улице на бойню (станция «Бойня», Микояновский мясокомбинат).

Серёжа едет обратно, до Чистых прудов, выходит из трамвая А, ждёт, дожидается трамвая 39 (в его детстве набор маршрутов здесь был такой же: А, 3, 39, он запомнил это на всю жизнь). Серёжа садится в трамвай 39, едет по довольно интересному маршруту до метро «Ленинский проспект», выходит, переходит на станцию МЦК «Площадь Гагарина», садится в поезд МЦК и едет.

Серёжа едет и думает: на хрена он вообще решил ехать и прощаться с Москвой? Зачем это всё? Он сейчас не чувствует по отношению к Москве вообще ничего. Это просто часть убивающей (убившей) его реальности. Сейчас это не Москва, которую он всегда, с детства до дрожи любил, а часть реальности, которая приговорила его к смерти. И прощание получается чем-то вроде прощания с предавшей тебя и осудившей тебя на смерть матерью, как-то так.

У станции «Белокаменная» Серёжу почти затопило. Если ехать против часовой стрелки, там можно увидеть аккуратненький выход со станции, аккуратненькую дорожку параллельно путям, дорожка обрывается, аккуратные фонари заканчиваются, и всё, и всё, и всё.

Серёжа решил проблему привычным способом. Доехал до следующей станции, купил в магазине пару бутылок виски (*Red Label*, проверенный вариант, хотя часто подделывают), выпил. Стало гораздо легче, но и менее ярко. «Ростокино», «Ботанический сад», «Владыкино». Поездил ещё. Выпил. Поездил. Выпил. Поездил. Выпил. И ближе к ночи вернулся домой.

Серёжа входит в свою (пока ещё) квартиру. Света, как обычно, сидит на кухне за ноутбуком. Серёжа не очень пьян, так, слегка. Это та мера опьянения, с которой он приходил домой почти всегда. Серёжа раздевается, разувается. Света, как обычно, не обращает на него внимания, пока Серёжа не входит в кухню.

– Свет, привет.

– Привет.

– Чего делаешь? Такая прям сосредоточенная.

– Да так, ничего особенного. Да какая, собственно, разница. В твоём-то положении.

– Да, Света, ты никак не могла не сказать о моём положении.

– Ну а что. Твоё положение вот такое, извини. Я не виновата.

– Да, Света, естественно. Конечно.

– Ну а что.

– Ну да.

– Видишь, конфликт исчерпался. Как просто. Ура.

– Да, типа, ура.

– Ну как? Где был? Попрощался со столицей?

– Ну, так. Погулял сначала.

– На Красной площади, небось, был? Всем известно, что Земля начинается с Кремля, да?

– Ну... да, был на Красной площади.

- Всегда восхищалась твоим вкусом.
- Света, вот знаешь... когда тебя скоро расстреляют, из пулемёта... немного другой вкус формируется. Эти вот штучки все интеллигентские становятся неважными.
- Да, понимаю. Хочется припасть к силе, которая тебя приговорила к смерти.
- Света... Да, от тебя... ладно, даже не знаю, что сказать.
- Ну да. Что я бессердечная сука.
- Не я это сказал.
- Да, это наша давняя проблема - приходится многое говорить за тебя. Ну ладно. В конце концов, действительно, надо уважать твою потенциальную мёртвость. Ну и как? Как Москва вообще?
- Какая же ты всё-таки сука. Тварь.
- Ну ладно, забудь, забей. Расскажи про Москву.
- Что тебе рассказать?
- Ну... ты же сегодня прощался с Москвой? Расскажи, как она. Тем более что она каждый день меняется. Может, я чего-то нового не знаю.
- Света, у тебя просто офигенный вопрос к человеку, которого скоро казнят смертной казнью.
- Серёжа, ну я понимаю, но ты тоже, знаешь, не парься так сильно. Все мы помрём когда-нибудь. Не строй из себя вот этого... Из мировой литературы.
- Ну да. Ну вообще. Ты, Света, конечно... Ладно, не хочу ругаться в моём положении.
- Да-да, Серёжа, это правильно, ругаться - грех. Надо всерьёз задуматься о своей посмертной судьбе.
- Блядь... Ну блядь... Ты, конечно, вообще.
- Да ладно, Серёж. Ну я так... Ты же знаешь, начну шутить - остановиться не могу. Ну расскажи, как ты съездил.
- Ну как. Сейчас смеяться будешь.
- Не, не, честное слово. Не буду. Я вся серьёз.
- Ну, я же говорил, сначала съездил на Красную площадь.
- Да, зря я обещала не смеяться. Хотя да, собственно, ты же сам сказал. И я сама это предполагала.
- Ну да.
- Но я же и не смеюсь. И что там, на Красной площади? Я как-то давно не была, примерно с рождения.
- Нормально.
- М-м. Ну, отлично. И что ещё?
- Пошёл потом на Пушкинскую.
- Да ты оригинал.

- Да, я вот такой банальный человек.
- И что там, на Пушкинской? Пушкин не переехал?
- Света... ну вот зачем ты сказала мне рассказывать?
- Ну, прикольно.
- Нет, не переехал.
- Ну а дальше чего?
- Да ничего, Свет. Так.
- Обижаешься на меня?
- Нет, чего обижаться. Ну, то есть да.
- Ну хорошо.
- Да, охренительный разговор.
- А что, надо, чтобы «милый, я не представляю жизни без тебя! Вся моя жизнь – это ты!»? Вот это всё? А ты бы меня утешал?
- Ну а что, было бы прикольно.
- Вот все вы такие.
- Ну а что. Было бы прикольно, если бы ты хотя бы год не выходила бы замуж и не трахалась бы ни с кем, а потом уже... как получится. В этом есть что-то.
- Ты, наверное, думаешь, что после твоей смерти... или как там, казни... да, после твоей казни я пушусь во все тяжкие, буду блудить направо и налево? Да нет, в мои планы это не входило. Считаю, что обещаю тебе: год траура соблюду. Ни с кем ничего.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- А что ты смотришь?
- Угадай с трёх раз.
- Фильм.
- Да, точно. В проницательности тебе не откажешь.
- Да, я такой. А какой?
- Что какой? Ты какой?
- Какой фильм?
- Ну как тебе сказать. Ну, такой. Там некоторые действующие лица совершают некоторые действия. Если обобщить, то в рамках экрана дёргаются световые пятна.
- А. Ну да.
- Цветовые пятна разных цветов.
- Да, спасибо, это важное уточнение. А то я думал, что там чёрные пятна насакивают на белые.

- Ну нет, что ты. Кино с тех давних пор ушло далеко вперёд. Пятна стали цветными, и стало гораздо интереснее.
- Ну ещё бы.
- Ладно, я спать.
- Я завтра... пойду, туда.
- Да?
- Хороший вопрос. Ну, да.
- М-м. Ну, рано или поздно это должно случиться.
- Вот завтра – это рано или поздно.
- Блин. Блин.
- Да, рано или поздно это должно случиться. Ты очень мудро сказала.
- Не издевайся.
- Ладно, не буду.
- Ну правда. Ну чего ты.
- Правда, не буду больше издеваться.
- Сходить с тобой?
- Да зачем?
- Ну... проводить.
- В последний путь, типа? Но я в процессе последнего пути ещё буду живой.
- Ну вот, живого провожу.
- Живого в последний путь? Это красиво.
- Блядь. Вот в этом вся твоя филология, всё твоё преподавание. Прицепиться к какому-то слову и начать его раскручивать, искать в нём дополнительные смыслы.
- Ну, чем богаты, тем и рады.
- Короче. Могу проводить, если хочешь.
- До тюрьмы?
- Ну да, до тюрьмы.
- Света, спасибо.
- Да пожалуйста.
- Света...

[В этом месте нам нужно представить, что это не роман, а киносценарий, есть сценарист, режиссёр, продюсер, и они решают, есть ли в этой сцене близость героев или нет.]

Серёжа выходит из подъезда бывшего своего дома. С ним Света. Они молчат, выглядят довольно сумрачно. Света говорит:

- Может, всё-таки на такси? Ну, включи свой разум.
- Нет, Света. Не на такси. Ну можно мне в последний раз что-то по-своему сделать?
- Можно.

У них два больших чемодана. Света:

- Как мы с этим попрёмся?
- Да нормально.
- Ну как нормально.
- Ладно. Давай на такси.
- Я так рада, что в тебе даже в такой ужасной ситуации звучит голос разума.
- Ох, Света. Сейчас...

Вызывает такси, указывая адрес в двух домах от нужного.

- Вызвал. Шесть минут.
- М-м.
- Света, а ты меня больше не увидишь.
- Ну почему. Ещё есть ожидание такси, ещё поездка, ещё переться от адреса, который ты указал, до тюрьмы этой твоей. В общем, до хрена получается.
- Светочка, ну ты... да... ну ладно. Но это всё равно не очень много по сравнению с, не знаю, вечностью.
- Всё относительно, прости за банальность.
- Да. Вот и такси подъехало.

Серёжа и Света грузят чемоданы и сумки в такси. Усаживаются в такси - Серёжа спереди, Света сзади. И они едут, едут.

Едут, едут. По центру Москвы. По бульварам Москвы. По Садовому кольцу. По Третьему транспортному. По улицам Камер-Коллежского вала. В общем, они едут. И останавливаются на обычной улице с плоскими обычными домами. Они вроде нестрашные. Вроде такие, нормальные. Они страшные.

Серёжа и Света выходят из такси, водитель открывает багажник, помогает выгрузить чемоданы.

- Большое спасибо!
- И вам спасибо! Хорошего дня!

Это что-то новое. Раньше не говорили вот так - «хорошего дня». Теперь говорят.

Света спрашивает:

- А где тут?
- Это вот там.
- А. Ты специально?
- Ну да, чтобы не прямо сразу, к двери.

- Ну да. Вообще-то, правильно. Слушай, подожди.

- Да, конечно. Нам торопиться некуда.

- Давай тут. Тут расстанемся.

- Ну, давай тут.

- Серёжа.

- Да.

- Стой. Давай тут.

- Тут будем расставаться?

- Да.

Они оба долго молчат.

- Серёж.

Света глотает слёзы.

- Света...

- Серёж. Я люблю тебя.

- Да. Света, спасибо. Я тоже тебя люблю.

- Видишь как.

- Да, хуйня какая-то.

- Да, правда.

- Ну, как есть.

Они неловко, как школьники средних классов, целуются. Света:

- У тебя есть чего-нибудь?

- Нет. Но можно сбегать.

- Давай. Я тут с чемоданами посижу.

Серёжа идёт в магазин (он тут рядом, магазины сейчас всегда рядом), покупает обычный набор - *Red Label* и *White Horse*, покупает закуску (сырки) и запивку (минералку), возвращается.

Света:

- Тебя туда пустят?

- Да должны.

- Идиотская была бы ситуация: человек стучится в тюрьму, на смертную казнь, а его не пускают.

- Ну да, прикольно. Должны пустить.

Они некоторое время пьют, обмениваясь ничего не значащими репликами.

Серёжа:

- Знаешь... мне, наверное, надо уже идти.

- Ну давай. Когда-то это действительно надо сделать.

- Давай, да.

- Тут у нас ещё осталось до хранища.

- Ну, оставь себе. Возьми домой.

- Домой. Раньше у нас было общее домой. Теперь нет.

- Да. Это так.

- Не буду забирать ничего «домой». Не могу, не хочу.

Света берёт бутылку и бросает её в стену ближайшего жилого дома.

- И другую тоже.

Света берёт другую недопитую бутылку и тоже бросает её в стену ближайшего жилого дома.

Света:

- Вот так.

Они стоят примерно в двухстах метрах от входа в тюрьму.

- Ну, иди. Чемоданы сам дотащишь?

- Да, да.

- Иди. Не знаю, что ещё сказать.

- А ты мне сказала недавно, что любишь меня.

- Да, сказала.

- Значит, любишь?

- Ну, какое это сейчас имеет значение. Тебя скоро убьют, расстреляют из пулемёта, тело твоё разорвёт в клочья. Какая разница, люблю я тебя или нет? Тебя ведь уже фактически нет. Тебя нет, Серёжа. Понимаешь? Кого, что мне любить? Понимаешь или нет?

- Понимаю.

- Всё ты, Серёжа, понимаешь. Всегда ты всё понимаешь. Серёжа, а давай сделаем что-нибудь? Давай закажем «Яндекс. Такси». Давай поедem в Рязань, или в Кострому, или в Пермь, или в Хабаровск? Да, там можно! Любое место в пределах России! Давай рванём куда-нибудь! Давай рванём, остановимся в гостинице, поживём где-нибудь, потом ещё куда-нибудь? И тебя потом поймают, и меня, но хоть хорошо поживём, а? Деньги хоть потратим?

- Света... это всё фигня какая-то. До первого поста ментовского. И зачем тебе это? Я ладно, а тебе зачем?

- Да, действительно. Зачем. Зачем.

- Спасибо тебе.

- Да, пожалуйста.

- Правда.

- Да. Не выходят из нас Бонни и Клайд.

- Да.
 - Кишка тонка.
 - Ну да.
 - А что, там ведь нормальные условия. Как в гостиничном номере. Это же не то что в сраном тюремном бараке.
 - Да, там нормальные условия. Такие, хорошие. Питание хорошее.
 - Питание хорошее.
 - Да, питание хорошее.
 - Да, да, питание хорошее. Это хорошо, когда хорошее питание.
 - Света.
 - Что?
 - Может, хватит как-то уже?
 - Серёжа, ну прости, но меня да, бесит вот это вот всё. Вот эта твоя забота о быте, такая трогательная. На фоне смерти. Вот эта твоя приземлённость на фоне смерти твоей же. Ты скоро умрёшь! Ты это понимаешь?! А ты всё о каких-то обидах на меня, о каких-то мерах комфорта! Серёжа, очнись! Когда я выходила за тебя замуж, я думала о тебе, что ты кто-то типа Хармса, Введенского, Друскина, Липавского, Мандельштама хотя бы! А ты?! Ты кто?
 - Света, ну это смешно. Ты мне предъявляешь, что я не Хармс и не Введенский. Ну, прости меня, пожалуйста. Ну, как-то недотянул.
 - Да. И ты меня тоже прости. Что-то я устроила такое. Ладно, давай, иди.
 - Ладно, пойду. Ну, давай, Света.
 - Давай. Прости, что я тебе тут наговорила.
 - Да ладно, ничего нового.
- Они неловко целуются.
- Ну, пока.
 - Ну, пока. Пока.

Сгорбленная Света идёт куда-то. Сгорбленный Серёжа идёт в сторону ворот (двери) тюрьмы, таща за собой два чемодана и сумку.

Серёжа сидит в своей камере, очень похожей на гостиничный номер в примерно трёхзвёздочном отеле. Он сидит в удобном кресле перед компьютерным столом. На столе – монитор стационарного компьютера, перед монитором – Серёжин ноутбук. Стационарный компьютер предоставлен администрацией Комбината, а ноутбук принадлежит лично Серёже. Серёжа может пользоваться как тем, так и другим. Несколько в стороне стоят два раскрытых чемодана с вещами Серёжи. На одно из кресел накинута казённая, тюремная одежда Серёжи, надо сказать, довольно элегантная – серые джинсы, белая футболка с длинными рукавами, со шнуровкой, с красной широкой диагональной полосой посередине – очень похоже на форму аргентинского футбольного клуба *River Plate*. Если присмотреться, в центре красной полосы видна очень мелкая надпись – «КИН – Комбинат Исполнения Наказаний».

Серёжа может носить как тюремную, так и свою собственную одежду.

Вообще у Серёжи много степеней свобод, возможностей выбора. При всей незадачливости его положения.

На экране стационарного компьютера появляется оповещение. Серёже предлагается выбрать питание на завтрашний день. Открывается окно приложения с меню на пять приёмов пищи – завтрак, второй завтрак, обед, полдник, ужин. Можно ещё выбрать набор фруктов и йогуртов на ночь. Серёжа возится с приложением, выбирает между яичницей, омлетом, разными салатами, супами, мясными и рыбными вторыми блюдами, гарнирами, включающими бурый рис и брокколи, овощами и фруктами, включающими нектарин и авокадо... это всё трудный выбор, но Серёжа справляется. Серёжа тыкает мышкой в «Заказать». Завтра эту еду ему пять раз принесут в его камеру (номер).

При заселении ему сказали, что столовая не предусмотрена, всё питание в камерах, по окончании приёма пищи сразу убирают.

Сервис, сервис.

При заселении ему сказали, вернее, ещё раз напомнили, что каждый день в 11:00 будет прогулка, и каждый раз во время прохождения по коридору может произойти расстрел. Когда это случится – никто не знает. Отказаться от прогулки нельзя. В случае болезни прогулка осуществляется при помощи медицинских защитных мер. В случае отказа приговорённого (Серёжа вспомнил: *La toilette du condamné*, жена говорила) проход по коридору осуществляется под специальным контролем сотрудников Комбината.

У Серёжи в данный момент было всё хорошо, кроме завтрашнего прохода по коридору под контролем сотрудников Комбината.

А так – нормальная комната, хороший гостиничный номер, кровать кинг-сайз, удобный санузел, отличный рабочий стол с компом, кресло – что надо, только вид из окна неизвестно на что, и не хочется смотреть, а так всё нормально, всё нормально, всё нормально.

Только вот завтрашний проход по коридору.

Да.

Только вот завтрашний проход по коридору. На прогулку.

Как с этим быть.

Только вот завтрашний проход по коридору.

Серёжа, развалившись в кресле, звонит матери. И между ними происходит следующий разговор:

- Слушаю вас.
- Алё, мам, привет.
- А-а-а-а-а! А-а! Ты...
- Мам, да, это я, ты чего.
- Это ты?!
- Ну... да, это я. Мам, это я, Серёжа.
- Господи... Господи... Дай отдышусь.
- Мам, а что ты так запыхалась-то?

- Ой, подожди... да... Ладно. Ну ты, слушай, ну ты думай своей головой! Я тут помру с тобой! Меня инфаркт хватит! Ну я думала, ты уже...
- Ты думала, что меня уже расстреляли? Что я всё? Как Изя в анекдоте?
- Ну... Ты просто сказал, что... ну, там, тюрьма, пулемёт... Я думала, уже всё.
- Ну вот видишь, ещё не всё.
- Ну хорошо.
- То есть ты думала, что я после нашей встречи тупо пошёл в тюрьму и меня тупо вот так расстреляли?
- Ну... да... Я не понимаю в этих ваших современных вещах. Когда там расстреливают. Я думала, вот мы с тобой поговорили, ты ушёл, пошёл, и тебя расстреляли. Плакала тут о тебе!
- Mam, мне жаль, что ты плакала. Но... знаешь... ты, конечно, вообще.
- Что вообще! Что вообще! Ну что вообще! Ты... ты как с матерью разговариваешь?!
- Mam, mam! Ты там, это.
- Да ничего, ничего. Сынок... Я, ну как тебе сказать. Раздавлена обстоятельствами, да, это так называется. Ты не думай, что я совсем сошла с ума. Ну, может быть, так, частично. Всё-таки такое трудно вынести. Ну вот мы сейчас поговорили, и я всё вспомнила. Давай сейчас пока прекратим, мне трудно что-то. Давай держись, сынок.
- Да, мама, спасибо.
- Ты меня там как-то предупреди, что ли. А то я ведь волнуюсь.
- Мама! Ну как я тебя предупрежу! Я тебе что, позвоню и скажу: дорогая мама, меня завтра расстреляют, ты не волнуйся, всё хорошо!!! Не звони больше, смысла уже не будет звонить! Так, что ли?!
- Нет, нет, ну что ты (*неожиданно спокойным голосом*). Ну мне просто всегда спокойно, когда ты меня предупреждаешь.
- Ну... ну... хорошо, мама, я тебя предупрежу. Ну, пока, позвоню ещё, может быть.
- Да, пока (*абсолютно безучастно*).

Мы видим Свету. Она просто лежит у себя дома в кровати. Лежит на спине, глядя в потолок.

Очень деликатный стук в дверь.

Серёжа: да.

Дверь открывается. В камеру Серёжи входит огромный, очень высокого роста улыбчивый охранник в форме охранника.

- Сергей Петрович?
- Да. Здравствуйте.
- Здравствуйте! Инспектор Антон Калашников! Я буду вашим охранником. Давайте знакомиться.
- Здравствуйте.
- Не буду вам докучать. Отдыхайте, сегодня трудный день у вас. Завтра в 10:00 вам

доставят завтрак, а в 11:00 мы с вами выходим на прогулку.

– Прогулка – это когда расстреливают?

– Да, на выходе на прогулку производится расстрел. Ну, вы ведь знаете, что это жребием определяется. То есть не факт, что прямо в первый день. Извините, я должен об этом сказать. Тем более что вы сами спросили. А сейчас располагайтесь, отдыхайте.

– Спасибо.

– Хорошего вечера!

Очень деликатный стук в дверь камеры Серёжи.

– Да...

Дверь камеры открывается, в ней появляется инспектор Антон Калашников с тележкой, уставленной продуктами.

– Доброе утро! Приятного аппетита! Через час мы с вами выходим на прогулку.

– На прогулку? Это вот это?

– Да, если вы это имели в виду.

– А... простите, как вас там...

– Антон.

– Да, Антон... а, ладно.

– Приятного аппетита. Приду через час.

Серёжа пытается есть, но у него не очень получается. Он обречённо сидит над вкусной едой, держа бесполезную вилку.

В камеру входит Антон Калашников, и начинается сложное действие.

– Сергей Петрович, ну, вы поели? Покушали, так сказать?

– Ну, так.

– Ну хорошо. Давайте вставайте. Пойдём на прогулку.

– Прогулка. Это вот это.

– Ну да, если я правильно вас понимаю.

– Ну...

– Да, давайте.

Антон держит Серёжу за плечо, тихо так держит, просто контролируя его, причём он контролирует Серёжу, зная, что Серёжа не убежит, это такой контроль контролируемого.

Серёжа и не думает убегать.

Серёжа и Антон выходят из камеры, дверь камеры захлопывается с электронным писком. Вот сюда, пожалуйста, говорит мягко Антон, и они идут, идут по светлому коридору и выходят в другой коридор. Серёжа сразу понимает (и узнаёт), что это *именно тот* коридор. Серёжа и Антон, контролирующий Серёжу, оказываются в начале коридора. Того самого коридора. Антон, бодро:

- Сергей Петрович, пожалуйста, вот сюда, на эту белую полосу. Вам надо идти по этой белой полосе, просто идти, туда, вперёд.

- Это вот она, полоса для расстрела?

- Сергей Петрович, давайте не будем уточнять. Вы всё правильно понимаете. Пожалуйста, становитесь на белую полосу.

- И надо будет по ней идти?

- Да, Сергей Петрович, вы всё правильно понимаете, вы же прошли уже инструктаж. Давайте начнём.

- А вы? Вы где пойдёте?

- Я пойду параллельным курсом. Вот, видите – синяя такая полоса. Вот я пойду там.

Серёжа оборачивается и видит у себя за спиной белый пулемёт.

- Это... это вот он?

- Сергей Петрович, ну вы же инструктаж проходили, всё уже знаете в основном. Давайте мы с вами пойдём. Вы не бойтесь.

Антон делает шаг к Серёже. Серёжа совершает целый ряд судорожных движений, наверное, их не обязательно описывать подробно, можно просто представить человека, который отчаянно не хочет что-нибудь делать, и кричит, и сжимается в комок, и безнадежно сопротивляется, всё это совершенно бесполезно и безнадежно.

Антон говорит в рацию: «Саша, неблагодарность». В ту же секунду из невидимых дверей выбегает несколько охранников, один из них толкает что-то вроде инвалидной коляски. Охранники окружают Серёжу, он моментально, даже ничего не заметив, оказывается пристёгнутым к креслу типа инвалидного. Все охранники отходят в сторону, за синюю полосу. Серёжа издаёт какие-то звуки, пытается сопротивляться, всё это не очень интересно. Антон встаёт за спиной Серёжи, выкатывает его на белую полосу, с силой толкает. Серёжа скрючивается, что-то кричит, в общем, ведёт себя как человек под дулом оружия, которое может и должно его застрелить. Думаю, не стоит подробно воспроизводить эту сцену, пусть каждый станет сам для себя режиссёром, пусть каждый закроет глаза и представит себе эту сцену, кажется, это гораздо эффективнее, чем описывать всё это.

Серёжа, привязанный к инвалидной коляске, проезжает по отмеченной красным зоне, это зона поражения, именно туда стреляет пулемёт. Ничего страшного не происходит, пулемёт не стреляет.

Антон освобождает Серёжу от удерживающих ремней.

- Ну видите, всё хорошо. Мы не могли вам сказать, по условиям нашей работы. Но в первый раз Саша не стреляет.

- Саша? Это кто – Саша?

- Саша – это пулемёт. Мы его так зовём – Саша.

- Саша. Обалдеть. Саша. Это вы его так зовёте? Это его так зовут?

- Ну да. Как-то так у нас повелось. Саша.

- Господи.

- Ну а что. Надо же нам как-то очеловечить процесс.

– Вы... вы... ладно, простите. Нет, я ничего, нет, нет.

– Хотели сказать, типа, монстры, чудовища? Ну да, вы правы. Я не буду спорить. Вот наш сад, наш прекрасный парк, гуляйте. Но подождите, не так всё сразу. Вот, посмотрите назад, видите – ворота эти? Вам надо будет подойти днём или ближе к вечеру (гуляйте сколько хотите, до темноты) обратно к воротам, сюда. Вот вам пульт вызова (*передает Серёже нечто вроде пульта автомобильной сигнализации с кнопкой*). Когда вам наскучит гулять, подходите к воротам и нажимайте кнопку. Я приду за вами и отведу в камеру. Ну, в ваш номер. В общем, идите гуляйте.

Серёжа оказывается в прекрасном цветущем саде. Или саду. Как правильно? В прекрасном цветущем саду.

Наверное, подробные описания излишни. Аккуратные дорожки, красивые подстриженные кусты, деревья, не нависающие над человеком и не подавляющие его, какие-то небольшие прудики. При этом парк странно близок городу. С трёх сторон – улицы, оживлённое движение, автобусы, машины, такси, люди на самокатах. Ограждения – очень, даже, наверное, демонстративно низкие, это такой парк среди городской жизни: один прыжок – и ты там, снаружи. Как раньше говорили, да и сейчас говорят, – на воле.

Охранник Антон как-то незаметно исчезает. Серёжа оказывается один среди этого почти райского, минус обстоятельства, сада. По дорожкам медленно бродят фигуры отрешённого вида. Трудно объяснить, в чём их отрешённость. И они все такие, замечает Серёжа.

В основном это мужчины в нейтральной (не тюремной) одежде. Они подчёркнуто не смотрят на Серёжу. Но один из них, наоборот, демонстративно подходит. На нём чёрные брюки, чёрная рубашка, какая-то черноватая обувь, всё чёрное. Человек в чёрном подходит к Серёже.

– Здравствуйте.

– Добрый день.

– У нас не говорят «добрый день».

– А как?

– У нас говорят «здравствуйте».

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

Некоторое время они молчат. Серёжа наконец решается что-то сказать.

– А... извините... Я Сергей. Сергей Петрович.

Его собеседник молчит.

– А... это... в общем... А вы за что тут?

– Мы здесь это не обсуждаем.

– Извините.

– Извиняю. Я чего хотел сказать. Мы тут особо не общаемся, не разговариваем, каждый гуляет сам по себе. Здесь никого не интересует, за что вы сюда попали, кто вы, чем занимаетесь, кем были на воле. Нас тут всех, считайте, уже нет. Поэтому лучше тут молчать. Выходите гулять, прогуливайтесь и проваливайте обратно. Ничего личного, это общая рекомендация. Не пытайтесь знакомиться и вот это самое, ну, вы поняли. Погуляли сколько хотите, и обратно, домой.

- Да. Я понял.

- Да вы не бойтесь. Я просто это говорю, чтобы вы не были слишком назойливы и чтобы вы поняли простую вещь: ни вы здесь никому не интересны, ни вам никто здесь не должен быть интересен. Мы тут уже все умерли, поэтому не надо излишне докучать местным обитателям. То есть нам. Вы всё поняли?

- Да. Спасибо.

- Гуляйте.

- Спасибо.

- Это был очень глупый ответ. Ну ладно.

- Я... я...

- Я... я...

- Ну а что я должен был ответить?

- Этого я не знаю.

- До свидания.

- Тоже так себе ответ.

- Ну я не знаю, а что я должен говорить?

- Ну вы подумайте. Или не думайте.

- Наверное, лучше ничего не говорить.

- Наверное.

- Тогда я молчу.

Человек в чёрно-сером показывает Серёже большой палец и уходит.

Серёжа при помощи сервиса *Zoom* присоединяется к конференции. Перед ним на экране множество окошек, в окошках – его студенты. Серёжа проверяет, как работает микрофон («меня слышно? вы видите меня?»). Серёжу хорошо слышно и видно. Серёжа начинает лекцию.

- Друзья, добрый день. Теперь мы будем общаться вот так, в зуме. Но ничего, это сейчас обычное явление. Думаю, это нам не помешает. Давайте начнём. Сегодня мы поговорим о Борисе Пильняке. Сейчас этого писателя уже наполовину забыли, но он в своё время был крупной фигурой.

Серёжа почему-то делает паузу и оглядывается. Он мог бы и не оглядываться. Всё, что он видит вокруг себя, – это его обычная тюремная камера, вернее, не очень обычная, такая камера необычна для российских тюрем, это необычная и, надо сказать, прекрасная камера, как мы уже сказали, что-то типа номера в трёхзвёздном отеле – широкая кровать, две тумбочки по обеим сторонам кровати, большой плазменный телевизор, так называемый чайный центр (чайник, чашка, да, одна чашка, а не две, как в отелях, несколько пакетиков чая), в общем, обычная такая камера, обычный такой номер в отеле, нечего особо оглядываться, но Серёжа почему-то оглядывается. Для него всё это пока ещё необычно. Серёжа приходит в себя, берёт себя в руки и продолжает лекцию.

- Борис Пильняк родился в подмосковном городе Можайске в 1894 году. Кстати, я бывал в Можайске. Там нет ничего особенного. Впрочем, это к делу не относится. Настоящая фамилия Пильняка – Вогау. Пильняк – псевдоним. Это немного странная история, не находите? Это странно, что человек по фамилии Вогау взял

себе псевдоним Пильняк. Ну, это примерно как человек с фамилией Рождественский или Мещерский взял бы себе псевдоним Пстыго. Странно как-то, да? Ну, с другой стороны, это было такое время. Была выгодна всяческая простонародность, и Пильняк звучал более перспективно, чем Вогау. И вот он стал Пильняком. А был Вогау. Впрочем, Вогау – тоже не ахти какая красивая фамилия. Не Гинденбург какой-нибудь. Да.

Кто-то из студентов подал сигнал «поднятая рука» и в окошке тоже тянет руку.

– Да, Матвей, пожалуйста. Что вы хотели спросить?

– Сергей Петрович, можно вопрос?

– Да, конечно.

– Сергей Петрович, а правда, что вы сейчас в тюрьме сидите?

– Да, Матвей, это правда. Я сижу в тюрьме.

– И мы теперь будем вот так заниматься?

– Да, мы будем теперь заниматься дистанционно, вот так, по зуму.

– Сергей Петрович, а скажите, как там?

– Что как там?

– Ну, как там, в тюрьме?

– Ну, так, нормально, в принципе.

– А какие там у вас условия? Вы извините, если я... если нельзя спрашивать.

– Да нет, почему, можно. Спрашивайте. Условия – нормальные, моя камера – это примерно как номер в отеле. Всё хорошо, удобно.

– Вы там один?

– Да, один. Одиночная камера. Вечная весна.

– Какая вечная весна?

– Это я так, песню одну вспомнил. Не обращайтесь внимания.

– Сергей Петрович, а это как в каком отеле? Сколько звёзд?

– Ну, примерно три, наверное.

– А можете нам показать номер? Ну, камерой, ноутбуком подвигать.

– Да, пожалуйста.

Серёжа отцепляет от ноутбука веб-камеру, двигает ей в разные стороны, снимая тем самым свою камеру. Потом возвращает камеру на место.

– О, круто! Да, нормальные такие три звезды.

В разговор включаются другие студенты и студентки.

– Да ладно, это на нормальные три звезды не тянет.

– Не, ну ты у нас всё по пяти звёздам ездешь, понятно.

– Ну и да, и чё? Я в разных отелях была, это не три нормальных звезды, это три звезды в Рашке и других подобных странах. В Румынии, в Болгарии такие три

звезды.

– Какая ты у нас пятизвёздная.

– Да, я пятизвёздная. Завидуй молча.

– Даже странно, что ты делала в таких странах, как Румыния и Болгария.

– По бизнесу надо было.

– По бизнесу.

– Да, по бизнесу.

– По бизнесу родителей, наверное?

– Слушай, я же сказала, завидуй молча. По моему бизнесу.

– У тебя есть бизнес?

– Да, есть.

– Да ладно.

Серёжа снова вступает в разговор.

– Друзья, давайте продолжим. Всё это вы можете обсудить в перерывах между лекциями. Давайте продолжим о Борисе Пильняке.

Кто-то из студентов снова тянет виртуальную и физическую руку.

– Сергей Петрович, а вас правда приговорили к смертной казни? Вас правда расстреляют?

– Да, Тимофей, это правда. Меня приговорили к смертной казни, и меня расстреляют. Давайте сегодня на этом закончим.

Серёжа выходит из конференции. И долгое время просто сидит на стуле, уставившись в неработающий, вернее, невключённый плазменный экран.

Света в университетской аудитории, читает лекцию.

– Итак, «Серапионовы братья». Литературная группа. Если говорить прямо, полноценной литературной группы из них не получилось. В условиях советской власти это было невозможно. Так, пытались что-то там делать. Но под этим советским прессом ни одна «литературная группа» выжить не могла.

Студент тянет руку.

– Да, Артемий, слушаю вас.

– Но ведь в двадцатые была свобода.

– Артемий, ну не валяйте дурака, ну какая в двадцатые была свобода? Ну о чём вы? Уже были Советы, уже расстреляли Гумилёва, уже были Соловки, ну какая свобода? Да, не такой был жесткач, какой начался в тридцатые, но какая свобода-то? Ну не сходите с ума. Никакой свободы при Советах не было и быть не могло.

– Светлана Игоревна, мне кажется, вы просто антисоветски настроены. То, что я читал о двадцатых...

– Да, Артемий, я антисоветски настроена. В отличие от вас, я много знаю о Совке, и я ненавижу всё вот это советское. Вы просто не знаете, что это такое. Да, я антисоветски настроена, слава богу, что сейчас за это не сажают. Хотя кто знает. Да, никакой свободы в двадцатые не было и быть не могло, просто давили меньше,

ещё не сформировалась давящая машина, которая всю заработала в тридцатые. Не стройте иллюзий, мой юный друг.

– Но ведь Пильняка печатали. Он же был прямо вот самый топ.

– Да, печатали, да, самый топ. Но только до того момента, пока он не перешёл некоторую невидимую черту. А что это за черта – непонятно. Написал и опубликовал «Повесть непогашенной луны» – но после этого ещё долго жил в ранге одного из главных советских писателей. А потом раз – и всё. И кирдык. Так и все «Серапионовы братья», вернёмся к теме нашей лекции. Может быть, единственная от них польза – это то, что Слонимский поддерживал Добычина, а так...

Другой студент хочет высказаться.

– Да, Евгений, слушаю вас.

– Светлана Игоревна, а правда, что ваш муж сидит в тюрьме и будет расстрелян?

– Да, Евгений, это правда. Евгений, простите, вы совсем охуели?

– Светлана Игоревна, я...

– Вы совсем ебанулись? Вы считаете, что это нормально – задавать такие вопросы?

– Нет, Светлана Игоревна... нет, я...

– Что нет?! Что нет?! Если нет, то зачем вы такие вопросы задаёте?

– Светлана Игоревна, нет, я просто... просто хотел спросить.

– Просто хотел спросить. Меня всегда восхищала эта формулировка. Просто хотел спросить. Ну ладно, хорошо, давайте, спрашивайте. Что вы там хотели спросить?

– Я... ну... я хотел спросить, как там ваш муж. Как он там.

– Нормально. Наверное. Я, знаете, не знаю, как он там. Плохо, наверное. Хуёво. Как ещё? Как было бы вам, если бы вы сидели в тюрьме в ожидании смертной казни, а? Как бы вам было? Нормально, ничего так? Норм?

– Светлана Игоревна...

– Слушаю вас, Евгений.

– Светлана Игоревна, а вы как? Как вы себя чувствуете?

– Евгений, знаете, ну как вам сказать, я очень хуёво себя чувствую, знаете, вот прямо пиздец. Я не очень понимаю, каких ответов вы от меня ждёте. Вы что хотите от меня услышать? Что я переосмысливаю свою жизнь? Или что? Вы понимаете, что моего бывшего мужа скоро расстреляют?! Вы это понимаете или нет?! Какого хуя вы задаёте мне свои эти мудацкие вопросы? Вы не можете просто помолчать, как нормальный человек?

– Светлана Игоревна, простите, но это очень интересный случай с точки зрения и социологии, и литературы.

– Блядь... Выросло какое-то поколение монстров.

– Светлана Игоревна, простите, но это были просто вопросы. Я не хотел вас обидеть.

– А вы меня и не обидели. Вы просто очень сильно пошатнули мою веру в человечество. Впрочем, ладно. Мы должны сказать что-то о «Серапионовых братьях». Ну, в общем, литературная группа «Серапионовы братья» фактически

распалась примерно к 1926 году, хотя они потом и продолжали собираться. Группа сыграла важную роль для русской литературы того времени. Ладно, хорошо. Остальное в википедии дочитаете. Всего доброго.

Аккуратный стук в дверь. Да, входите. В проёме двери появляется привлекательная женщина неопределённого возраста. Между ней и Серёжей происходит следующий диалог:

– Здравствуйте. Можно?

– Да, конечно. Проходите. Вот, садитесь *(предлагает ей стул у компьютера, единственное удобное место для сидения; сам садится на кровать)*.

– Спасибо. Меня зовут Марина, я психолог Комбината.

– Здравствуйте, очень приятно. Я Сергей.

– Очень приятно. Сергей, я сразу должна обозначить наши отношения. Я могу (и должна) оказывать вам психологическую помощь по вашему запросу. Вот эта наша встреча обязательна, а дальнейшие встречи – только по вашему запросу. Хотите – встречаемся, не хотите – не встречаемся. Надо встретиться – делаете запрос своему начальству, я выбираю день, когда могу, и мы с вами разговариваем. Но если разговаривать не надо, я просто исчезну. Не буду беспокоить вас.

– Да, спасибо, я понял.

– Сергей, прошу понять меня правильно. Я тут работаю не просто так, не просто как творческий такой, знаете, человек. У нас тут есть протоколы. И в соответствии с протоколом я должна у вас спросить, каков ваш запрос на психологическую помощь.

– В общем, никакой. За исключением того, что мне, конечно, было бы приятно поговорить с вами, вы мне, простите, пожалуйста, нравитесь. Вы очень привлекательны.

– Спасибо, да. Хотя я и не должна была этого говорить. Ну хорошо. То есть, по сути, вам разговор с психологом не нужен? Если отбросить отмеченную вами мою привлекательность. Если честно, это минус работы в тюрьме. Каждый первый скажет про привлекательность, слово-то какое.

– Простите, пожалуйста, я совсем не хотел вас как-то задеть.

– А вы меня и не задели. У меня, простите, конечно, что об этом говорю, немаленький опыт. Так вот, я возвращаюсь к предыдущему пункту: вам психолог не нужен? Вы считаете, что я как специалист не смогу как-то поработать с вашей, прямо скажем, непростой ситуацией?

– Если честно, я скептически отношусь к перспективам такой работы. Вы ведь не отмените мой приговор, не избавите меня от будущего расстрела.

– Это верно. Я тоже очень скептически отношусь к перспективам нашей работы. Для работы психолога важно будущее клиента. А если будущего нет, то трудно работать.

– Я вас понимаю.

– Но можно ведь и по-другому это всё повернуть.

– Да? Давайте повернём. Я не очень себе представляю, как это всё можно повернуть. Меня скоро (неважно когда) расстреляют, вы понимаете это?

– Да, Сергей, я это понимаю. И я нахожусь в трудной ситуации. Хотела было сказать «как и вы», но нет, прямо скажем, вы находитесь в более трудной ситуации.

- Я рад, что вы это осознаёте. Так что, как мы можем это всё повернуть?
- Я вижу только один способ как-то справиться с этим.
- А что значит «справиться»?
- Это значит сохранить себя как личность, не разрушиться психически. Мне кажется, вы это понимаете.
- Да, я это понимаю. Достойно встретить смерть, да?
- Об этом мне трудно говорить. Я не знаю, как достойно встретить смерть.
- Ну да, это же не ваша задача, а моя.
- Да, вы правы. Итак, что я хотела сказать вам, чтобы было несколько легче. Это ещё актуально для вас?
- Ну, так. В общем, да.
- Спасибо за ваш энтузиазм. Хотя... простите, я не могу иронизировать, в силу своей профессии. Так, вырывается иногда. На самом деле спасибо не за энтузиазм, а за готовность слушать и говорить. Так вот, единственное, что я вам могу предложить, это задуматься о том, что ваше положение ничем сущностно не отличается от положения всех людей. Вы не знаете, когда умрёте. Вам ведь сказано, что вы можете дожить до старости и умереть своей смертью. А можете умереть чуть раньше, но не своей. Та же ситуация у всех остальных людей. Они все могут дожить до старости, если повезёт, и умереть в старости, а могут внезапно умереть, не дожидаясь старости. Погибнуть в автокатастрофе, умереть от сердечного приступа (этому вообще любой возраст подвержен), инсульт, инфаркт, что угодно. Поэтому ваше положение в своей сущности ничем не отличается от положения всех людей.
- Да, только всем людям не надо проходить каждый день через Красную зону.
- Это да. Вас приговорили люди и угрожают убить вас в любой день, и в этом ваше большое отличие от других людей, которые просто живут и надеются прожить подольше и, по возможности, без страданий. Правда, у них обычно плохо получается, но это другой вопрос. Так что да, вы правы. Если честно, я хотела бы признать своё поражение. Мне вам нечем особо помочь. Разве что вот эти все рационализации, но я сама как психолог не очень высокого о них мнения. Это слабое, вернее, никакое утешение – что любому человеку может упасть кирпич на голову. Это всё ерунда, если честно.
- Даже не ожидал таких рассуждений, таких слов от психолога.
- Ну а чего вы не ожидали? Не ожидали понимания реальности, реального положения вещей?
- Психологи часто, знаете, такие... Немного в облаках витают, все на позитиве, призывают мыслить позитивно.
- Вот, наверное, я и оказалась здесь, на работе с людьми в тюрьме без выхода, за мой реализм. Шучу, конечно. В общем, если быть честной, я вам как-то всерьёз помочь не могу, для серьёзной помощи требуется будущее, а у вас его нет, увы. Я ничем не могу вам помочь.
- А просто поговорить мы можем?
- А зачем? Я ведь не просто человек, здесь у меня чёткие функции – я психолог. Мы говорить можем только как психолог с клиентом. И при этом я понимаю, что профессионально ничем не могу вам помочь.
- А просто разговор какой-то? Это не входит в ассортимент?

- Нет, не входит. Нет, я не против поговорить. Но, с одной стороны, какой в этом смысл? Когда будущего нет? С другой, если мы будем с вами просто говорить, как говорится, за жизнь, то очень скоро между нами возникнут какие-то отношения, и мы будем оба страдать – и вы, и я. Как вы считаете, нам это очень нужно? С учётом того, что вы заключённый, приговорённый к смертной казни?

- Как вы хорошо, грамотно всё расписали.

- Мне нравится слово «грамотно». Хорошо, приятно, я знаю буквы!

- Не сердитесь, пожалуйста.

- Я не сержусь. Если вы не возражаете, я пойду.

- Ну я ведь не могу возражать.

- Совершенно верно.

- Значит, не возражаю.

- В общем, так. Если нужно будет получить мои психологические услуги... не просто поболтать со мной, как вот было сейчас, а вот именно получить какие-то услуги... ну, типа, вам совсем невыносимо жить, как с этой жизнью смириться... тогда да. А если конкретных запросов нет, то и не надо. Пожалуйста, только не «просто поговорить за жизнь».

- Хорошо. Я понял.

- Тогда я пойду. Всего доброго.

- До свидания.

- У нас на Комбинате так не принято говорить. Лучше просто – «всего доброго».

- Всего доброго.

Мама Серёжи стоит, склонившись над плитой. Суп закипает. Мама Серёжи аккуратно берёт суп при помощи мягких прихваток, снимает суп с конфорки, аккуратно переливает его в глубокую тарелку, ни одной капли не расплескав. Мама Серёжи аккуратно переставляет тарелку с супом на кухонный стол, садится за кухонный стол и аккуратно ест суп.

Серёжа сидит в своей камере за компьютером, теперь уже не за ноутбуком, а за стационарным компьютером, который предоставила изначально администрация тюрьмы. Так оказалось значительно удобнее. Серёжа уже немного освоился.

Вежливый стук в дверь. Да, войдите.

В дверях с тележкой, уставленной продуктами, появляется новый охранник.

- Здравствуйте. Я Михаил, ваш охранник. Вот, пожалуйста, завтрак.

Михаил ввозит в камеру тележку с очень вкусным завтраком, не будем описывать завтрак, он реально очень вкусный, классный такой.

- Да, спасибо. А потом прогулка?

- Да.

- Как всегда теперь.

- Да, как всегда. Вы ешьте, кушайте.

Серёжа делает какие-то движения, соответствующие слову «кушайте». Ему трудно есть, ему как-то не естся. Михаил говорит:

- Не будете больше кушать?

Серёжу передёргивает от слова «кушать», он говорит:

- Нет, спасибо.

- Тогда пойдёте на прогулку.

Серёжу сводит судорогой, но потом он как-то собирается, встаёт и выходит – сначала просто в коридор, а потом в другой коридор, просторный и светлый, ТОТ САМЫЙ коридор, коридор с белой и синей полосами.

- Ну, вам уже объяснили. Становитесь на белую полосу и идите.

- А... Как там вас зовут...

- Вы зря не запоминаете. Мы будем теперь всегда с вами. Всегда. Всегда. Вы понимаете. Всегда. Всегда. Михаил.

- Михаил. Очень приятно.

- Ну да. И мне тоже.

- Михаил. Я очень боюсь. Честно вам скажу.

- Ну ещё бы. Я понимаю. Я бы тоже боялся. Очень.

- Михаил, я не смогу пройти. Не получится. А можно, как вчера? На тележке этой?

- Да, можно.

Михаил произносит в рацию: «Саша, неблагодарность».

Непонятно откуда появляются несколько охранников, один из них с чем-то вроде инвалидной коляски. Охранники окружают Серёжу, он моментально, даже ничего не заметив, оказывается пристёгнутым к креслу типа инвалидного. Все охранники отходят в сторону, за синюю полосу. Серёжа издаёт какие-то звуки, пытается сопротивляться, всё это не очень интересно. Михаил встаёт за спиной Серёжи, выкатывает его на белую полосу, с силой толкает. Серёжа скрючивается, что-то кричит, в общем, ведёт себя как человек под дулом оружия, которое может и должно его застрелить. Думаю, не стоит подробно воспроизводить эту сцену, пусть каждый станет сам для себя режиссёром, пусть каждый закроет глаза и представит себе эту сцену, кажется, это гораздо эффективнее, чем описывать это вот всё.

Серёжа, пристёгнутый к инвалидной коляске, проезжает по отмеченной красным зоне, это зона поражения, именно туда должен стрелять пулемёт. Ничего страшного не происходит, пулемёт не стреляет.

Михаил освобождает Серёжу от удерживающих его ремней.

- Ну вот видите. Всё хорошо. В следующий раз просто пойдёте.

- Да. Спасибо. Спасибо вам.

- Да не за что. Что вы всё – спасибо да спасибо. Мы вас тут охраняем, чтобы вас убивать. А вы – спасибо. Да пожалуйста.

- Всё равно спасибо.

- Пожалуйста, гуляйте.

Серёжа теперь уже знает о саде и о гулянии. Он просто присаживается на скамеечку, с которой хорошо видна Москва, и наблюдает за городом. И это

совершенно бессмысленное наблюдение, потому что Серёжа не может туда проникнуть; при всей доступности этого всего, этих улиц, тротуаров, всего вот этого, он не может просто оказаться там, в этой вольной реальности, потому что тут же сработает план-перехват, и другие продвинутые планы сработают, и поймают его, Серёжу, тут же, моментально, и вернут его сюда, в эту тюрьму, в эту прекрасную тюрьму, в сияющую эту тюрьму, в тюрьму, в тюрьму, в эту самую тюрьму.

Серёжа находится в периоде после прогулки и после всего остального, то есть в единственном более или менее нормальном периоде. Серёжа пытается по инерции что-то смотреть в интернете. Слышится осторожный стук в дверь.

– Да, войдите.

Дверь приоткрывается, за ней показывается православный священник в обычном подряснике.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я к вам должен... я должен к вам по должности прийти. Я священник Русской православной церкви.

– Да, заходите.

– Спасибо, хорошо. Меня зовут отец Павел.

– Очень приятно. А меня Сергей.

– Сергей. Хорошо, спасибо.

– Что вы хотели мне сказать?

– Да ничего такого особенного.

– Вы, наверное, хотите меня обличить? Что я совершил грех, да?

– Нет. Честно вам скажу, я тут служу просто по обязанности. Я... как вам сказать. В общем, священник при этой вот тюрьме.

– Ну да. Хорошо. Проходите.

Отец Павел входит в номер Серёжи, неловко садится на угол кровати. Серёжа сидит на своём рабочем стуле, и между ними происходит следующий разговор:

– Вы собрались меня обличать? Что я плохое дело сделал? Что я грех совершил, да?

– Я уже сказал, что нет.

– А что тогда? Что?

– Я думаю, что сажать и тем более казнить за такие дела – это слишком.

– Да? То есть вы меня... вы мне сочувствуете, типа?

– Да, я вам сочувствую. Очень сочувствую.

– Да? Это как-то неожиданно.

– Ну а что. Вступили в отношения со взрослой девушкой. Так, если посмотреть.

– Ну да.

– Я так считаю.

– Да?

- Ну да. Ерунда какая-то. Если честно.
- То есть вы меня не осуждаете?
- Ну как. По обязанности как бы осуждаю. А так, по-человечески, нет.
- Потрясающе. Даже не знаю, что сказать.
- А что тут сказать. Не хочу вас осуждать.
- Это, знаете... неожиданно.
- А что неожиданно. Вы думаете, наши православные попы только судят всех, осуждают? Нет.
- Ну... спасибо.
- Да не за что.
- Я думал, будете меня агитировать, креститься, там.
- Ну я как бы по должности должен, да. Но я не уверен, что вам прямо сейчас это нужно.
- Вот как?
- Ну да.
- А как же спасение души?
- Спасение души – дело добровольное. Невольник – не богомольник, как у нас в народе говорят.
- А для спасения души нужно обязательно креститься?
- Мы считаем, что да.
- Это прямо гарантия такая? Крестился – и спас свою душу?
- Нет, не гарантия.
- То есть можно креститься и попасть в ад?
- Да, можно. Более того, можно не креститься и не попасть в ад.
- Да? Как это?
- Ну, можно быть праведным человеком, не будучи христианином. И заслужить вечную жизнь.
- Какая-то у вас услуга ненадёжная.
- Это не услуга.
- Я думал, вы оказываете духовные услуги.
- Нет.
- Это немного неожиданно. А зачем же вы тогда пришли?
- Я вам говорил. Я это делаю по обязанности. Я штатный священник при тюрьме. Должен вас, арестованных, окормлять. Вернее, вас, приговорённых к смертной казни. Тут, кстати, служат и другие священники, представители всех, так сказать, традиционных религий России – иудаизма, ислама и буддизма. Они к вам тоже будут заходить.

- Господи.

- Я тоже так считаю.

- Также как считаете? Вы тоже против вот этого всего?

- Ну, как вам сказать. Я не думаю, что нужно лезть в душу человеку, который приговорён к смерти. К смертной казни. Но если человек сам хочет приобщиться к какой-то религии, начать практиковать – тогда, конечно, да. Но, по моему опыту, такого обычно нет. Есть только обречённое ожидание смерти.

- Вы прямо страшные слова говорите.

- Простите меня.

- Ну а чего. Вы всё правильно говорите.

Наступает долгое молчание. Наконец отец Павел говорит:

- У нас тут такой порядок. По умолчанию я должен приходить к вам раз в неделю. Так сказать, спасать вашу душу еженедельно. Но вы можете подписать бумагу, чтобы я к вам не приходил. То есть можете избавить себя от моего еженедельного присутствия. Это, кстати, касается и представителей всех других, так сказать, традиционных религий. Имейте в виду, они могут вам об этом не сказать.

- Спасибо, это ценная информация.

- Они все хорошие люди, я ничего не хочу сказать. Мы дружим.

- Хорошо, понятно. Вообще, это интересно, конечно. Я ожидал от вас, ну, как вас увидел, более агрессивного спасения души, что ли.

- Наверное, я плохой священник. Мне кажется, вам это не особенно нужно.

- Что не нужно? Спасения души?

- Чтобы я активно вот так вас спасал. Я смотрю на вас и вижу, что вам это всё не нужно. Или пока не нужно. Ну, всё это. Крещение, покаяние. Ну и я, соответственно, не хочу это вам навязывать. Но просто поговорить должен.

- Отец Павел, спасибо.

- Ну, не надо считать всех православных священников идиотами.

- Да нет, я и не считаю.

- Хорошо. Будете подписывать бумагу, чтобы я к вам не приходил?

- Нет. Зачем. Приходите.

- Хорошо. Ну, я пойду. Меня можно экстренно вызвать. Например, чувствуете приближение смерти – можно позвать охранника, позвать меня. Равно как и служителя любой другой традиционной для России религии.

- Последние ваши слова очень смешно звучали.

- Да, я и сам над этим смеюсь. А что сделаешь. Ну, до свидания.

- До свидания. Если доживу.

- Доживёте.

Серёжа входит в фейсбук и делает запись: «Друзья, я сейчас нахожусь в тюрьме. Я приговорён к смертной казни. Всем привет». Потом фотографирует свою камеру и делает аналогичный пост в инстаграме. У Серёжи сразу добавляется большое

количество друзей.

Кто-то осторожно стучит в дверь. Да, войдите. Здравствуйте, я ваш охранник, Никодим.

Антон, Михаил, Никодим. Надо как-то их запомнить.

– Здравствуйте.

– Сергей, как вас по батюшке... Сергей Петрович! Вот ваш завтрак.

Никодим вкатывает в камеру тележку. Это по-прежнему очень вкусная еда, которую Серёжа совершенно не может есть. Он ковыряет вилкой во вкусной еде, что-то заталкивает в себя. Снова возвращается Никодим.

– Сергей Петрович, если кушать больше не будете, пойдёмте на прогулку.

Серёжа тяжело встаёт, выходит из камеры в сопровождении Никодима, идёт по коридору, поворачивает в другой коридор, в светлый, широкий коридор с белой и синей полосами.

– Сергей Петрович, вы идите, идите. И я тоже с вами пойду.

Серёжа встаёт на белую полосу. Он понимает, что ему рано или поздно надо будет научиться ходить по этой белой полосе, нельзя же всё время пользоваться этой унижительной коляской. Надо когда-то самому, самому.

Ему надо будет наконец пройти этот красный сектор. А что делать. Просто взять и пройти.

Серёжа зажмуривает глаза, делает ещё что-то, что делают люди, которым очень страшно, и начинает идти по белой полосе. Параллельным курсом по синей полосе идёт Никодим. Серёжа идёт, идёт, идёт и доходит до красного сектора. Останавливается.

– Никодим. Мне страшно.

– Да ладно, не ссы. Не стрельнёт. Я чувствую.

– Вы чувствуете?

– Ну да. Думаю, не стрельнёт. Не ссы, чувак.

Серёжа, согнувшись, прикрыв голову руками (как будто руки могут как-то её защитить), проходит красный сектор. Проходит, распрямляется, убирает руки с головы. Никодим расплывается в широчайшей улыбке:

– Сергей Петрович, ну вот видите, всё нормально. А боялись. Я же говорил, что всё хорошо будет.

– Да, спасибо. Простите, как вас?

– Никодим. Вы запоминайте, запоминайте, Сергей Петрович.

– Никодим, спасибо.

– Да пожалуйста. Ну вот, гуляйте.

Серёжа погулял среди молчащих сотюремников, посидел на скамейке, полюбовался Москвой, вернулся к воротам, подал сигнал. Пришёл Никодим, Серёжа вместе с Никодимом пришли в камеру. Серёжа думал, что сейчас к нему кто-нибудь придёт – мулла, раввин или новый охранник, но никто так и не приходил, Серёжа посмотрел по телевизору хоккей (телеканал КХЛ, матч «Авангард» – «Ак Барс»), посмотрел новости, лёг в кровать, почувствовал

неожиданный приступ уюта и сна и уснул.

Утро теперь будет одинаковым. Деликатный стук в дверь, да, входите. Сегодня это Антон, снова Антон. Серёжа и Антон обмениваются приветствиями. Огромного роста Антон, сгорбившись, вталкивает в камеру тележку с вкусной едой. Серёжа вдруг думает: а почему бы не съесть эту вкусную еду? И съедает. Аппетит, аппетит. Антон говорит: ну, пойдём.

На красном участке белой полосы Серёжа скорчивается, горбится, делается ничтожным. Антон говорит: да ладно, не бойтесь, не стрельнёт. Саша не стрельнёт. Серёжа думает о Саше как о живом существе впервые. Серёжа мысленно умоляет, молит Сашу не стрелять. Серёжа, пошатываясь, проходит красный участок. Саша не стреляет. Серёжа ловит себя на дикой, страшной благодарности Саше.

Спасибо, Саша. Спасибо, спасибо огромное, Саша. Саша, спасибо большое.

И дальше начинается уже обычная, нормальная жизнь.

Мы видим Серёжу, звонящего по телефону. У него происходит следующий разговор с женой:

- Алё.
 - Света, привет.
 - Привет.
 - Как ты там?
 - Ну... ничего, нормально. Как ты?
 - Ну, так. Ничего, нормально. В целом. Если исключить.
 - Ну да. Если исключить.
 - Если вынести за скобки, то ничего.
 - Ну да. Если вынести за скобки.
 - Да. А если не вынести за скобки, то нет.
 - Что нет?
 - Ну, тогда не ничего.
 - Да, не очень-то ничего.
 - Ну вот, как-то так.
 - Освоился там? Обвыкся?
 - В целом - да. Какое хорошее слово - обвыкся.
 - Да, классное. Мне тоже нравится. Вот появился повод его использовать.
 - Да, офигенно.
- Долгое молчание.
- Алло, Свет.
 - Да.
 - Ты здесь?

- Да.
- Да, да.
- Да, да. А что ты хочешь услышать?
- Даже не знаю.
- Вот и я не знаю. Я не знаю, что тебе сказать. Что тебе теперь сказать. Я тебя больше не увижу, тебя через некоторое время убьют, то есть каждый следующий день ты можешь прекратить быть. Тебя как-то немного нет, знаешь. Я пытаюсь думать о тебе, позвонить тебе – и не получается. Думаешь и пытаешься позвонить какому-то пятну.
- Пятну? Офигеть. Пятну. Ну мы вообще-то прожили с тобой...
- Серёж, ну это неважно уже. Я не увижу тебя, я не обниму тебя. Мы не поговорим с тобой.
- Видишь, говорим.
- Да, говорим. Серёжа, я не чувствую, что ты есть. Понимаешь.
- Но я есть. Вот, я есть.
- Но в каком-то смысле, важном смысле, тебя нет. Они тебя уже казнили. Хотя ты этого пока и не чувствуешь.
- Света... я...
- Серёжа, никакого «я» уже нет. К сожалению. Ты извини, я просто, может, зря это всё...
- Ну почему, почему, это важно, что ты говоришь.
- Ну вот, говорю.
- Но я есть. Вот я.
- Ну ладно, хорошо. А завтра не будет, может быть.
- И что теперь? Мне не звонить?
- Да нет, звони. Почему бы не поговорить с небытием.
- Вот умеешь ты формулировать.
- У меня профессия такая – формулировать. У тебя, кстати, тоже.
- Как там, кстати, на работе?
- Да ничего, нормально. Немного только задолбали вопросами про тебя. Всем интересно, каково быть вдовой пока ещё живого человека, впрочем, даже неизвестно, живого ли на момент задавания вопроса.
- Да, меня тоже всё время про это спрашивают. Трудновато преподавать. Больше ничего не интересно, только это. Каждая третья реплика сворачивает на «ну как вам там сидится и как вас там казнят». Немного достаёт.
- Ну да, вот так.
- Что делать.
- Да.

Долгая пауза.

– Свет.

– Да.

– Ну... как-то ты не хочешь говорить, мне кажется.

– Ну, так. Я тебе сказала, что я чувствую при нашем разговоре.

– Разговор с небытием, да?

– Типа того.

– Ну, могу не звонить.

– Да нет, звони. Я же сказала.

– Почему бы не поговорить с небытием?

– Ну да, как-то так. Ты извини, конечно.

– Да ладно, ничего. В чём-то ты права.

– Не могу сказать, что меня эта правота очень радует. Ладно, Серёж, давай заканчивать. Что-то мне уже плоховато как-то.

– Давай. Я позвоню ещё?

– Да, давай, звони.

– Пока.

– Пока.

Серёжа некоторое время сидит, тупо уставившись в стену. Потом... потом... потом делает что-то незначашее – ложится на кровать, например, или смотрит в монитор компьютера. Надо же ему что-то делать. Надо же ему что-то делать.

Деликатный стук в дверь. Да, войдите. В двери появляется человек в чёрном костюме, белой рубашке и кипе.

– Здравствуйте. Можно?

– Да, конечно.

– Я раввин. Меня зовут Борис Михайлович.

– Очень приятно. Сергей Петрович. Можно просто Сергей.

– Очень приятно, Сергей Петрович. Очень приятно.

– Проходите, пожалуйста.

– Спасибо. Рад познакомиться.

– Немного неожиданно видеть раввина в тюрьме.

– А что такого. Здесь тоже наши люди сидят... вернее, находятся. Кстати, вот сразу хотел спросить: вы еврей?

– Нет.

– Простите за цинизм, но это облегчает дело.

– Да? Ну хорошо. Я думал, вы будете предлагать мне принять иудаизм или что-то в

этом роде.

- Смотрите, какая ситуация. Нееврей может принять иудаизм, это называется гиюр. Но это невозможно в ваших нынешних обстоятельствах. Процедура сложная, длительная. Кандидат должен иметь связь с еврейской общиной, в значительной степени уже жить по заповедям Торы, представить рекомендации. Ну какие в вашем случае рекомендации.

- Ну, в общем, да.

- Поэтому у нас всего два варианта. Первый - вы подписываете заявление о том, чтобы я к вам больше не приходил, потому что вы как нееврей не нуждаетесь в религиозной помощи. Второй - вы ничего не подписываете, и я прихожу к вам раз в неделю или чаще, по вашей специальной просьбе, и мы просто беседуем с вами. Так сказать, о вопросах нравственности.

- Только о вопросах нравственности?

- Можем и о других вопросах побеседовать. «О вопросах нравственности» - это так в наших документах обозначено. О чём угодно можем с вами говорить. Хоть о футболе.

- Вы интересуетесь футболом?

- Ну так, посматриваю.

- За кого болеете?

- За «Торпедо» московское.

- Необычный выбор.

- Ну да. От отца унаследовал. Он ещё Стрельцова застал. На ЗИЛе работал.

- Ну тогда да, понятно.

- А вы за кого, если не секрет?

- За «Динамо».

- Ну видите! Тоже необычный выбор! Мы оба с вами болеем за несчастные, нелепые команды.

- Да уж.

- Мне это в вас нравится.

- Мне в вас тоже. Хотя динамовцы не любят торпедоносцев за их дружбу с мясом.

- Ну, я в эти фанатские разборки не вникаю, я всех уважаю, «Динамо» - великий клуб, Яшин, турне по Британии.

- Да я тоже особо не вникаю, я так. Я тоже всех уважаю. «Торпедо» - тоже великий клуб. Стрельцов, Воронин.

- Но вот вы говорите - мясо, а не «Спартак». То есть вы в этой фанатской теме?

- Да нет, так, краем. Ну, хожу... ходил... да, ходил. Надо теперь в прошедшем времени говорить. Прощай, родная трибуна D. Ходил на футбол, есть знакомые среди фанатов. Были. Были знакомые.

- Я тоже иногда хожу. Мы, правда, в первой лиге, футбол неинтересный.

- «Тоже» тут не совсем уместно. Вы ходите, а я ходил. Разница.

- Да, вы правы. Простите меня. Я зря это сказал. Простите.
- Да ничего. Я уже привыкаю.
- А так вы вообще кто? Как-то мы почему-то с футбола начали.
- Я филолог. Но мне в моём положении трудно это говорить. Наверное, лучше сказать – бывший филолог. Филолог – это тот, кто сейчас филолог и собирается быть филологом в будущем. А у меня, как вы понимаете, будущего нет.
- Да, понимаю.
- Будущего нет. *No future.*
- Да. *No future, no future.*
- *No future for me!*
- Да, хорошая песня.
- Немного неожиданно, что вы её тоже любите.
- Да, люблю классический панк. А что. Раввины – тоже люди.
- Ну я это как бы понимаю.
- Ну а что, нам надо любить только песни в стиле «мизрахи»?
- Я даже не знаю, что это такое.
- Вам лучше этого не знать. Вообще, иудаизм вовсе не предполагает какую-то вот такую замшелость.
- Ну вот, вы уже проповедуете мне иудаизм без возможности моего его, иудаизма, принятия.
- Да, глуповато получилось.
- Да ладно, ничего.
- А вы филолог? Что изучаете?
- Да, филолог. Изучаю в основном Серебряный век и советскую литературу двадцатых – тридцатых годов.
- Самый лучший период. Самый такой... плодотворный.
- Ну да. Можно и так сказать. Хотя были и другие периоды.
- Да, конечно. Я очень люблю Хармса.
- Ну, кто же его не любит.
- Вот это, например:

Вода в реке журчит, прохладна, И тень от гор ложится в поле, и меркнет в небе свет. И птицы Уже летают в сновиденьях. А дворник с чёрными усамистоит весь день под воротами и чешет грязными руками под грязной шапкой свой затылок. Из окон слышен шум весёлый, и топот ног, и звон бутылок. Проходят дни, потом недели, потом года проходят мимо, и люди стройными рядами в своих могилах исчезают. А дворник с чёрными усамистоит года под воротами и чешет грязными руками под грязной шапкой свой затылок. Из окон слышен шум весёлый, И топот ног, и звон бутылок. Луна и солнце побледнели, созвездья форму изменили. Движение сделалось тягучим, и время стало, как песок. А дворник с чёрными усамистоит века под воротами и чешет грязными руками под грязной

шапкой свой затылок. Из окон слышен шум весёлый, и топот ног, и звон бутылок.

– Немного неточно, но да. Да, я его тоже очень люблю. Это стихотворение. И Хармса.

– Неточно? Ну ладно, я же не филолог, в конце концов. Это вам надо быть точными. Я ещё Введенского люблю.

– Это да. Я тоже. Лучше, наверное, сказать – «любил», но нет, люблю.

– Давайте вернёмся к началу. Вы хотите подписать заявление, чтобы я к вам больше не приходил, что вы не нуждаетесь в моей религиозной поддержке?

– Вы знаете, я не нуждаюсь в вашей религиозной поддержке, но я совсем не против, чтобы вы ко мне приходили. Вы приятный человек, можем поговорить о религии, о футболе, о жизни. Если вы не против, конечно.

– Я не против. Все души важны.

– В смысле, не только еврейские?

– Да, не только еврейские.

– Я, в принципе, так и понимал, но так, уточнил.

– Неевреи тоже созданы по образу и подобию Божию.

– Это радует. Или нет.

– Я понимаю вашу иронию. В вашем положении трудно относиться к некоторым вещам с серьёзным энтузиазмом.

– Да, это вы очень точно сказали.

– Хорошо, тогда я буду приходить к вам раз в неделю. Буду просто с вами.

– Хорошо, спасибо. Я буду рад поговорить с вами.

– Есть такие ситуации, когда нужно, чтобы с человеком кто-то просто побыл. Больше ничего, просто побыть с человеком. Быть с ним. Я готов быть с вами.

– Спасибо.

– Если нужно, чтобы я к вам экстренно пришёл – например, вы почувствовали какую-то особую тревогу, предсмертную тоску или ещё что-то такое, – тогда прямо вызывайте меня, я приду, как только смогу.

– Спасибо, Борис... Борис...

– Михайлович. Да можно просто – Борис.

– И меня можно просто – Сергей. Спасибо, мы хорошо поговорили. Я буду рад, если вы ещё придёте.

– Я тоже, спасибо вам.

Серёжа делает пост в фейсбуке, потом дублирует его в других соцсетях: «Всем привет. Я по-прежнему сижу в тюрьме. Я приговорён к смертной казни. Я каждый день иду на прогулку по коридору. К потолку коридора подвешен пулемёт, и в один из дней (никто не знает, какой именно) пулемёт меня расстреляет. Я филолог, университетский преподаватель. Я приговорён к расстрелу за то, что вступил в близость с девушкой моложе двадцати одного года. Наша связь была добровольной. Я нахожусь во вполне комфортных условиях – фактически в одноместном номере нормальной гостиницы. Меня каждый день могут расстрелять. Меня каждый день

могут расстрелять. Меня каждый день могут расстрелять».

В аккаунтах Серёжи наблюдается взрывной рост количества друзей (подписчиков) и комментариев. Комментарии разные:

О, чувак, как ты крут!!!!

Это, наверное, офигенный опыт.

Чтоб ты сдох, педофильское отродье!

Вау, это круто!!!

Вы держитесь!

Очень интересно, что вы чувствуете?

Я вам очень сочувствую.

За такое нельзя казнить!

Это абсурдные законы!

Гори в аду, растлитель!

У преподавателя должна быть какая-то ответственность!

Ну хоть поразвлекался перед смертью. Сдохни, мразь.

Но зато у вас были высокие чувства! Я верю в это!

Это какая-то глупость и абсурд, это... Я не знаю, что это такое.

Любишь кататься, люби и саночки возить!

Серёжа отвечает «Ничего» на комментарий «Что вы сейчас чувствуете?».

Серёжа читает лекцию при помощи сервиса *Zoom*:

– Сегодня поговорим об образовании Союза советских писателей и, соответственно, о первом съезде новообразованного союза. Вся эта гнилая движуха началась в начале тридцатых. Тогдашние власти начали всё подчинять себе, давить всё, что хотя бы имело видимость какого-то разнообразия.

Один из студентов включает значок «поднятая рука» и поднимает руку.

– Да, Вадим, слушаю вас.

– Сергей Петрович, а почему это плохо было?

– Что именно?

– Ну, что создали единый писательский союз.

– А для вас это не очевидно?

– Ну... да нет. А что тут плохого? Какой-то порядок, нормальная организация.

– Я прямо даже не знаю, что вам сказать. Отвечу вопросом на вопрос: а что в этом хорошего?

– Ну как. Знаете, как сейчас делается. В любой отрасли деятельности существуют саморегулируемые организации. Все участники отрасли объединяются в союзы, эти союзы вырабатывают стандарты деятельности, следят за их выполнением.

- То есть вы считаете, что писателям надо объединяться, вырабатывать стандарты писательской деятельности и следить за их выполнением?

- Ну... а что. Мне кажется, это нормально.

- Вадим, простите, а вы точно на филологическом факультете учитесь? Я ничего не перепутал? Вы к нам не из бизнес-школы какой-нибудь забрели?

- Нет, я на филфаке. Вы же знаете, Сергей Петрович.

- Знаю, да. Но вот засомневался. То есть мы с вами говорим обо всём вот этом, говорим, обсуждаем обэриутов и всех остальных, а вы в результате наших разговоров считаете, что писателям надо выполнять стандарты писательской деятельности?

- Ну... мне просто кажется, что всякий вид деятельности должен быть как-то организован. Подчиняться каким-то правилам.

- А каким правилам должно подчиняться писательство?

- Ну, я не знаю. Соблюдение авторских прав, там. Не воровать друг у друга сюжеты. Как-то должно быть обозначено, что можно, а что нельзя, какие-то санкции прописаны.

- А чего, по-вашему, нельзя в писательстве?

- Ну, я думаю, много чего нельзя. Призывы к свержению законного строя. Разжигание ненависти. Порнография, там. Педофилия.

- Педофилия?

Девушка-студентка тянет виртуальную руку.

- Да, Мила, что вы хотели спросить?

- Сергей Петрович, а как вы считаете, если девушке ещё нет двадцати одного, но есть уже, например, двадцать, это педофилия?

По зум-конференции проходит заметный даже онлайн смешок.

- Мила, спасибо за вопрос. Я считаю, что это не педофилия. Давайте на этом закончим наше занятие.

- Сергей Петрович, а как же Союз советских писателей?

- Дорогая Мила и все остальные коллеги, в википедии есть хорошая статья на эту тему, почитайте, думаю, вам будет достаточно.

Серёжа нажимает кнопку вызова охранника. Приходит Михаил.

- Сергей Петрович?

- Михаил... правильно?

- Да, Михаил, правильно, видите, запоминаете.

- Вы извините. Плохо запоминаю имена.

- Да я понимаю. Вы запоминайте, Сергей Петрович, запоминайте.

- Да можно просто Сергей. Я же вас Михаилом называю. Или давайте я вас тоже буду по отчеству.

- Нет, Сергей Петрович, не надо, нам по внутреннему распорядку так положено. Мы к вам по имени-отчеству, вы к нам по имени.

- Типа, мы с вами существа разных онтологических статусов, сущностей?
- Да, вот вы хорошо сказали. Всё правильно.
- Господи.
- Сергей Петрович, да вы не волнуйтесь. Это всё формальности, но их надо соблюдать. Что вы хотели?
- Михаил, мне сказали, что мы, заключённые, можем заказывать себе разные товары через интернет.
- Да, конечно. Через приложение. Вы карту привязали?
- Нет, я ещё не привязал.
- Смотрите, очень просто. Вот наше фирменное приложение *CombinatSK*. Вот, оно уже у вас в смартфоне есть. Давайте покажу. Вот тут надо просто ввести данные действующей карты. Там спишется для проверки какая-то символическая сумма, типа, десять рублей, и тут же вернётся. И дальше можете заказывать. Там огромный выбор, мы сотрудничаем с торговыми сетями, с кучей разных магазинов. Можете заказывать что угодно, но только такое, что можно доставить и разместить у вас в номере. Ну, то есть если вы закажете себе автомобиль, то наша служба проверки этот заказ отклонит.
- А заказы проверяет служба какая-то?
- Да, конечно. У нас каждый заказ клиента проверяется на дозволенность, и если всё ок, то он проходит и вам всё доставят в номер.
- А алкоголь можно заказывать?
- Конечно можно. Администрация Комбината понимает положение наших клиентов, мы понимаем, что без алкоголя многим тяжело. Так что можно, да. Там, в приложении, целый раздел. Заказывайте что хотите, всё принесём вам в номер. Сразу и закуску заказывайте. Но я должен предупредить. Всё-таки вы должны понять, что за вами ведётся постоянное наблюдение, и в случае деструктивного поведения вам может быть закрыт доступ к заказу алкоголя.
- А что считается деструктивным поведением?
- Сергей Петрович. Ну как вам сказать. Вы просто ведите себя прилично, и всё будет хорошо. Если будете крушить всё вокруг себя или попытаетесь себя убить – мы вам помешаем и примем меры.
- Хотелось бы понять границы дозволенного. А если я, например, обоссусь или заблую весь этот, как вы говорите, номер? Что будет?
- Ничего не будет. Сделаем уборку, поменяем постельное бельё, одежду.
- Так. Так. Понял. Да.
- Сергей Петрович, просто мы понимаем ваше положение. Мы стараемся, чтобы без жесткача.
- Спасибо.
- Так что привязывайте карту и заказывайте сколько хотите. Хоть ананасы в шампанском.
- А вы знаете, откуда это – «ананасы в шампанском»?
- Да. Игорь Северянин.

- Потрясающе. Откуда вы это знаете? Вы же охранник.
- Это каждый культурный человек должен знать.
- А... ну да... Простите меня, пожалуйста. Как-то неловко получилось.
- Да ничего страшного. Ещё какие-то просьбы будут?
- Нет... нет, спасибо. Спасибо, что мне помогли.
- Не за что. Всего доброго. Если что, вызывайте.

Серёжа сидит в своём номере. Он смотрит по телевизору спортивную передачу «Все на матч». На столе у Серёжи стоит бутылка какого-то красного вина, бутылка виски *Jameson*, большая бутылка минеральной воды. В беспорядке стоят закуски. Серёжа смотрит телевизор, потом фотографирует свой стол смартфоном, выкладывает фотографию в фейсбук с подписью «Бухаю, что ещё остаётся». Повторяет пост во всех соцсетях.

Происходит новый массовый прилив подписчиков, их уже у него под сотню тысяч. Он захлёбывается от комментариев. Он не успевает их читать. Он пролистывает эту бесконечную ленту, и ему кажется, что примерно две трети комментариев – поддерживающие, а треть – осуждающие.

Отвратительный пример нынешнего хипстера.

Очередной учителяшка, попавшийся на связи с ученицей! Какой позор!

Хорошие условия! Так и надо содержать заключённых! Наконец мы приближаемся к Европе!

Чувак, накати там как следует! Что тебе ещё остаётся?

Сергей, я вам сочувствую. Держитесь.

У вас было будущее, и теперь его у вас нет. Очень жаль.

Вы сами себя наказали.

Вы крутой! Вы правы! Мы все за вас!

Сергей, вы очень хороший филолог и человек, это дикая несправедливость!

Такие, как ты, недостойны жить.

Я очень надеюсь, что справедливость восторжествует, вы ничего плохого не сделали.

Сдохни, мерзкая тварь.

Гори в аду, сука.

Посылаю вам лучи поддержки!

Серёжу банит на время фейсбук, а остальные сети не банят.

Серёжа сидит в свете телеэкрана и пьёт вино, и пьёт виски, и запивает их минеральной водой; на экране мелькают спортсмены, совершающие спортивные движения. Сегодня Серёжа ляжет спать позже обычного. И завтра ляжет спать позже обычного. И послезавтра.

Осторожный стук в дверь. Да, войдите. В двери появляется невысокий, скромного вида человек в одежде, присущей муллам, в тюбетейке.

- Здравствуйте, меня зовут Ринат Ахметзянов, я мулла при нашем Комбинате.

Можно?

– Да, конечно, проходите.

– Вы уже, наверное, знаете, что у нас тут такой порядок. Мы, служащие традиционных религий, должны посещать вас... осуждённых.

– Да, знаю, меня уже посещали.

– Вот, видно, настала моя очередь.

– Ну... хорошо, проходите.

Мулла неловко садится на угол кровати.

– Вот... Я хотел спросить. Я должен спросить. Вы мусульманин?

– Нет.

– Вы меня извините. Но я должен спросить: вы хотели бы принять ислам?

– Нет.

– Спасибо. Тогда ещё вопрос. Вы нуждаетесь в моей религиозной помощи? Дело в том, что я должен оказывать вам религиозную помощь, если вы не подпишете заявление об отказе от религиозной помощи с моей стороны. Я должен это выяснить.

– Я даже не знаю. Не очень понимаю, какую вы мне можете оказать религиозную помощь.

– Если честно, я думаю, что никакую.

– Обескураживающий ответ.

– Не хочу врать вам.

– Спасибо. Это ценно.

– Я по должности должен как-то вас религиозно обслуживать, призывать вас... не знаю... к принятию ислама. Но... у меня это плохо получается, и я не думаю, что это на самом деле нужно.

– Как не нужно? Вы, мулла, считаете, что принятие ислама не нужно?

– Нет, конечно, нужно, очень нужно. Спасение в исламе. Но я не думаю, что если я прямо сейчас начну вам это пропагандировать, то будет какой-то хороший результат. Не будет ничего, кроме злобы и ненависти. Аллах против злобы и ненависти.

– Вы впервые за весь наш разговор упомянули Аллаха. И ни разу не сослались на какой-нибудь хадис. Не произнесли никакую арабскую формулу. Они красивые, кстати. «Да будет доволен им Аллах» – мне очень нравится.

– Да, а зачем. Я стараюсь говорить с вами на вашем языке, а не на своём.

– Спасибо. Я не ожидал.

– Я, знаете, тут работаю... это не лучшее место работы для муллы. Но вот так. И я как-то понял, что моя задача – не привлечь людей в ислам (хотя и это тоже), а просто как-то помочь человеку, без религиозных различий. Я не строю иллюзий, что вы проситесь в ислам, станете истовым мусульманином. Это было бы очень хорошо, и я был бы искренне рад этому, но это всё хорошо, когда впереди жизнь, а когда впереди жизни нет, как вот у вас, это всё глупые иллюзии. У нас тут четыре

священника так называемых традиционных религий России, мы постоянно общаемся, да что там, мы дружим, и мы уже давно знаем, что человек, когда над ним нависла неумолимая смерть, не хочет принимать никакую религию, тем более не хочет никуда переходить. Всё это глупые бредни – что я сейчас вам расскажу об исламе, и вы примете ислам. Не примете.

– Да, не приму. Зачем? Не хочу.

– Да, я вас понимаю.

– А зачем вот это всё сделали? Ну, вот эту систему, когда при тюрьме...

– При Комбинате.

– Ну да, при Комбинате, сделали вот эту систему священников разных религий? И почему только четырёх религий? Почему нет католиков, протестантов, индуистов, не знаю... даосов каких-нибудь?

– Я не знаю. Мне кажется, и в вашем, и в моём положении лучше просто с этим смириться. Наше с вами положение, по сути, одинаковое. Мы оба скоро умрём. Мне кажется, не стоит заниматься такими поверхностными вопросами, как номенклатура священников разных религий в тюрьме, где содержатся приговорённые к смертной казни.

– В смысле, в Комбинате?

– В тюрьме, откуда нет выхода.

– Как вы говорите!

– Я стараюсь говорить как есть.

– У вас поэтическая какая-то речь. Я просто филолог, простите.

– У нас сильная поэтическая традиция. Но я не хотел говорить поэтически. Простите, это у меня случайно так получилось. Мне даже стыдно. Это было лишнее.

– Вы говорите – у вас. Это у кого?

– У мусульман. Коран – это великая поэзия. Но вот сейчас сказал и понял, что лучше об этом не говорить.

– Да, я понимаю, простите.

– Давайте вернёмся к документам. Вы можете сейчас подписать заявление о том, что вы не нуждаетесь в моей религиозной помощи и чтобы я к вам больше не приходил.

– Я сначала думал, что попрошу этот документ. Но я вот что-то не хочу его подписывать. Мне очень понравилось с вами говорить.

– Ну хорошо. Тогда не подписывайте. Всегда можно подписать, и я не буду вас больше беспокоить.

– Спасибо.

– Тогда я пойду. Увидимся через неделю.

– Да, до свидания.

Утро, деликатный стук в дверь. Да, войдите. Здравствуйте, это Никодим. Вот ваш завтрак (это постоянная, ежедневная последовательность говорения).

Серёжа привычно, с аппетитом, съедает вкусный завтрак, состоящий из вкусных блюд, насыщенных белками, жирами и углеводами.

– Сергей Петрович, пойдёмте на прогулку.

– Пойдёмте.

Серёжа идёт по коридору в сопровождении Никодима, поворачивает в Основной коридор, останавливается перед широкой белой полосой. Серёжа спрашивает Никодима:

– А можно сфотографировать Сашу?

– Да, конечно, пожалуйста.

Серёжа фотографирует Сашу – страшный белый пулемёт с многочисленными дулами, который когда-нибудь его убьёт.

– Никодим, спасибо большое.

– Да пожалуйста. Пойдёмте?

– Да, давайте.

Серёжа идёт по белой полосе, перед красным участком останавливается, сгибается, видно, что ему очень страшно. Но он, остановившись на секунду, идёт дальше, и на середине красного участка распрямляется и уже идёт уверенно.

Серёжа вяло гуляет по саду, к нему подходит очень красивая девушка, которую он раньше в саду не видел. Девушка одета стильно и с некоторой неуловимой соблазнительностью. Она говорит:

– Здравствуйте, я Даша, волонтер. Мы можем поговорить с вами?

– Да, в общем. Почему бы и нет. Здравствуйте, Даша. Я Сергей. Серёжа.

– Мне порекомендовали с вами поговорить, пообщаться. Вы тут новый.

– Ну так, относительно. А в каком смысле – пообщаться?

– Я волонтер, мы добровольно общаемся с приговорёнными к смертной казни. Я социолог, мне интересно...

– Интересно поговорить... побазарить с приговорённым к смертной казни?

– Ну да. Вы не сердитесь, пожалуйста.

– Потыкать палочкой в умирающего жука. Жаль, что вы не биолог.

– Сергей... вы напрасно так. Я уже давно тут работаю волонтером. Вы напрасно вот про это. Про тыканье палочкой.

– Ну именно так это выглядит.

– Вы можете в любой момент отказаться от общения со мной. Правда, я должна признаться, для меня это будет актом поражения. В профессиональном смысле.

– Нет, ну почему. Можем и пообщаться. Мне-то, в общем, всё равно уже. Да и вообще... что уж я так. Вы очень привлекательная девушка. Почему бы перед смертью не пообщаться с таким красивым социологом.

– Спасибо... и не спасибо одновременно. Мне бы не хотелось, чтобы вы видели во мне только привлекательную девушку.

– Ну простите, я пока про вас ничего не знаю, я вот только вижу, что вы красивая

девушка, пока больше ничего. Если вы как-то себя ещё интересно проявите, я буду к вам как-то ещё дополнительно относиться. Типа, красивая девушка плюс ещё выдающийся социолог или что-то ещё в этом роде.

– Ясно.

Даша как-то по-ученически кладёт руки на колени и некоторое время так молча сидит. В её облике есть что-то очень трогательное.

– Даша... Дарья. Ну, если нам надо поговорить, давайте поговорим.

– У меня по правилам волонтеров не должно быть вопросов. Я должна отвечать на вашу потребность в общении.

– То есть предполагается, что у меня есть потребность в общении?

– Ну да. Потребность в общении есть у всех.

– А вдруг у меня нет?

– Ну... значит, нет. Да, так тоже бывает.

– Как-то вы быстро с этим согласились. Это ведь означает «ну ладно, тогда давайте, до свидания, будьте здоровы, не скучайте в ожидании смертной казни», да?

– Нет. Нет. Я не хотела, чтобы вот так.

– А что вы хотели? Что от меня требуется? Вы хотели обсудить социологические аспекты смертной казни в наше непростое время?

– Нет. Я... мне важно было просто пообщаться с людьми... с человеком, который...

– То есть возвращаемся к тыканью в жука палочкой.

– Нет.

– А что тогда?

– Ну... мне бы хотелось, чтобы наше общение было для вас в том числе приятным. Не только для меня интересным, но и для вас приятным, каким-то сглаживающим, что ли.

– Утешить?

– Нет, я вас утешать не собиралась.

– Ну, слава богу. Я очень рад.

– Сергей... простите... если моё присутствие вас раздражает, я могу и даже обязана немедленно уйти.

– Да побойтесь бога, Даша! Да вы только представьте, как я тут живу. Каждый день могут расстрелять, ни с кем толком не пообщаться, только в интернете, гнию тут, как живой труп. И приходит со мной поговорить вот такая прекрасная Даша. Ну как же я буду отказываться от общения с вами? Нет уж, раз пришли, так давайте будем как-то коммуницировать. Я только за, со своей стороны.

– Я тоже.

– Ну отлично. Давайте. Расскажите о себе.

– Я Даша.

– Да, я уже в курсе.

- Учусь на социологическом факультете МГУ.
- Сами поступили? Бюджетный? Или родители?
- Если честно, родители помогают. Оплачивают.
- Ну ясно.
- Вы меня теперь будете презирать? Вы ведь профессор.
- Старший преподаватель. Нет, я вас презирать не буду, не в моём положении кого-то презирать. Для человека, который скоро умрёт, презирать кого-то – очень глупо. А откуда вы? Кто родители?
- Я из Муром. Владимирская область. Родители... в общем, отец у меня прокурор города.
- Ну круто. Повезло вам. Это хорошая жизненная позиция – юный социолог, дочь прокурора красивого исторического города.
- Я знала, что вы будете меня презирать. Я к этому подготовилась.
- Да я вас и не презираю. Господь с вами. Я вам совершенно искренне скажу, что нет ничего стыдного в том, чтобы быть дочерью прокурора, и в том, чтобы быть самым прокурором, тоже ничего стыдного нет. Это просто такая государственная должность. Ничего ни плохого, ни хорошего в этой должности нет. Но вот то, что эта должность даёт дополнительные возможности таким девушкам, как вы, это хорошо.
- Я хожу на митинги.
- Избываете выдуманную вину отца?
- Нет. Почему вину. Отец мой – честный человек. Такой, знаете, служака.
- Да, это хороший русский типаж. Служака. И слово прекрасное. Хорошо, что ваш отец – служака.
- Я просто... ну... за справедливость. Чтобы...
- Чтобы что?
- Ну, чтобы были свободные выборы... чтобы...
- За всё хорошее против всего плохого?
- Я знала, что натолкнусь на вашу иронию. Ещё бы.
- В смысле – ещё бы? Вы имеете в виду, чего же ждать от старпёра, да ещё приговорённого к смертной казни?
- Нет, простите. Нет. Нет, я не это имела в виду.
- Ну и хорошо.
- Вы извините, может быть, я...
- Да нет, ничего. И? Что дальше? За свободные выборы? За что ещё вы митингуете?
- Да, за свободные выборы. За работу демократических механизмов. За сменяемость власти. Против фальсификации выборов в том числе.
- И вам это действительно интересно?
- Ну а что. Конечно. Я думаю, это важно для страны.

- Да, нам трудно друг друга понять. Когда ты приговорён к смерти, вопрос честных выборов как-то отходит на задний план. Рад, что у вас есть возможность честно и чистосердечно интересоваться всей этой хренью. Это так свежо, по-юношески. Недоступно мне, увы.

- А... а, Сергей. Да, я понимаю. А мы могли бы поговорить о вас? О вашем положении?

- Да, могли бы. Давайте. Расспрашивайте меня как хотите. Всё скажу, ничего не утаю. В конце концов, мне терять уже нечего. Почему бы и не поговорить. В скобках замечу – с такой красивой девушкой, но это всё в скобках, в скобках, вы не тревожьтесь и тем более не бойтесь.

- Сергей... Сергей...

- Да просто Сергей, ну что вы тут это.

- Сергей, а можете рассказать... как вы сюда попали?

- Это очень просто. Я – университетский преподаватель филологии, познакомился с одной хорошей девушкой, вступил с ней в близость, девушке оказалось меньше двадцати одного года, засекли по камерам при выходе из её комнаты, приговорили к смертной казни. Вы в курсе, что у нас теперь за преступления в области нравственности и за экономические преступления полагается смертная казнь?

- Да, я знаю.

- Ну вот. Я попал под это всё.

- Сочувствую вам.

- Спасибо. Вот мой краткий ответ на ваш вопрос, как я сюда попал.

- Сергей... простите... а как вы считаете, ваш приговор справедлив?

- Даша, ну я не знаю... ну вы совсем, наверное, охуели? Или что? Ну какой это справедливый приговор? Я на добровольной основе был со взрослой, двадцатилетней девушкой, она меня любила, и я... ну, заинтересовался ею. Какая в этом может быть справедливость? Вы-то сами как считаете?

- Сергей...

- Я уже сказал, что можно просто – Сергей.

- Сергей, не материтесь, пожалуйста.

- Хорошо, не буду, простите. Это у меня такая интеллигентская привычка, а отвыкать уже немного бессмысленно. Простите. Так вы-то сами как чувствуете?

- Я не знаю. Не хочу вас осуждать... Но...

- Но, типа, законы надо соблюдать.

- Да, я это хотела сказать, примерно.

- Узнаю дочь прокурора.

- Сергей, я сейчас говорю не как дочь прокурора. Я не хочу вас осуждать.

- Ну, спасибо. Я рад.

- Простите меня. Я, наверное, как-то не так говорю. Не умею.

- Да ничего, Даша, не переживайте. Не каждому даётся возможность поговорить с приговорённым к смерти. Так что ваша растерянность, ваше смущение понятны.

Вы и на меня тоже не сердитесь. Знаете, не очень просто быть в моём нынешнем состоянии.

– Я понимаю. Сергей, я вас очень понимаю.

– Ну хорошо, я рад. Что ещё сказать.

– Сергей, у меня сейчас время уже заканчивается...

– У вас тут ограничения по времени?

– Да, мне уже сигнал приходит. Я пойду, хорошо? Я приду ещё.

– Когда вы придёте?

– Я точно не знаю, когда пригласят. Это ведь начальство тюрьмы... ну, Комбината решает, когда волонтёров звать.

– А много вас, таких вот волонтёров?

– Нет, не много. Сейчас я одна. Не хотят студенты, люди.

– Не хотят общаться с приговорёнными к смерти?

– Да. Не хотят. Простите.

Серёжа сидит в своём номере и постит пост в фейсбук. Он постит фотографию Сашу и подписывает фотографию: «Друзья, вот пулемёт, который скоро (но неизвестно когда) меня расстреляет. Видите, такой белый. Я каждый день хожу под его прицелом. Я иду и не знаю, пройду ли я “успешно” по Красной зоне. Я каждый день могу быть расстрелянным. А знаете, что такое быть расстрелянным пулемётом? Это когда тебя разносит в куски, в мясо, в клочья. Вот такая моя судьба».

Пост получает очень много комментариев:

Я по-настоящему рада, что тебя разнесёт в клочья.

Ееее! Ты крут! Очень круто тебя читать!

Я поддерживаю вас, Сергей.

Вы создали лучший канал за всё последнее время! Это такой фан!

Ты мерзота, очень жаль, что смерть твоя будет очень быстрой, ты достоин медленной мучительной смерти, тварь, чтобы тебе подохнуть раньше всего этого.

Смерть педофилам!

Сергей Петрович, вы очень хороший педагог!

И так далее.

Осторожный стук в дверь. Да, войдите! Входит охранник, Антон, Михаил или Никодим, неважно. Здравствуйте, вот... в общем, не хотелось бы прямо вот описывать это вот всё, завтрак там и так далее. Серёжа с аппетитом сжирает завтрак. Охранник предлагает (без возможности отказаться) выйти на прогулку, Серёжа выходит, видит Сашу, останавливается на минуту. Смотрит на Сашу. И говорит:

– Саша, привет!

И машет. И идёт по белой полосе, доходит до Красной зоны, сгорбливается, конечно, ну а как, в этой ситуации любой человек бы сгорбился, и потом идёт дальше, оборачивается, смотрит на белый неподвижный пулемёт и снова говорит:

- Саша, привет!

Идёт дальше, и снова оборачивается, и снова смотрит на пулемёт.

- Саша, привет! Саша, привет! Саша, привет! Саша, привет!

Охранник (Антон, Михаил или Никодим, неважно) говорит:

- Ну пойдём, пойдём. Не провоцируйте Сашу.

И они идут.

Довольно резкий стук в дверь. Да, войдите. Входит человек свирепого бурятского вида, высокий, толстый, здоровый.

- Здравствуйте. Я тут у нас за буддизм отвечаю. Тамир Хандаев.

- Здравствуйте. Вы лама?

- Да. Я тут редко бываю. У нас здесь должности постоянной нет. Так, наездами. Я предлагаю сразу подписать прошение о том, чтобы я к вам больше не приходил. Вы же не буддист? Не бурят, не тувинец, не калмык?

- Нет, не калмык. Но... я как раз думал, что с вами было бы интересно поговорить.

- Не знаю, что тут интересного. Если вы имеете в виду какую-то там философию, то лучше не надо.

- Ну как же. В буддизме такая утешительная концепция множественности инкарнаций. Я думал, вы мне что-то об этом расскажете.

- Да что в этом утешительного? Что хорошего в этой самой реинкарнации? Сначала дикие муки рождения. Ну, родился. Страшное детство. Привыкание к этому миру. Где вы переродитесь – неизвестно. Знаете, хреново переродиться в касте сборщиков пластикового мусора где-нибудь в Мумбаи, врагу не пожелаешь. Вот. Дикое детство с осознанием своей беспомощности. Страшные все эти мучения детские. Когда понимаешь, что родился в хреновой семье и вообще в хреновых условиях. Потом школа, взросление, мучают тебя там по-всякому. Ужас! Потом стал взрослым и понял, что у тебя в жизни нет никаких перспектив. Потом живёшь. Потом дико, мучительно болеешь, потом умираешь. Что в этом хорошего?

- Ну как же. Можно ведь хорошо переродиться. Ну вот вы же, например, лама.

- Да, я лама. Если я расскажу вам, как протекала моя жизнь до того, как я стал ламой, вы, наверное, поседеее. Да я, если честно, и не очень помню, потому что это было очень страшно. Если переродиться хорошо, то рождение и детство всё равно будет мучительным, юность тоже, ну потом нормально, конечно, станет, уже в зрелом возрасте, если хорошо переродиться. А там опять болезни, мучения и смерть. Толком и не насладишься. Нет, если, конечно, переродиться сыном британской королевы или президента Бурятии, то можно неплохую жизнь прожить, но это мало кому так везёт.

- Всё равно как-то утешительно думать, что вот, тебя расстреляют, но на этом жизнь твоя не закончится, а продолжится, будет какая-то новая жизнь. Я, правда, в это не особо верю, если честно.

- Ну вот видите, вы сами не верите. О чём говорить.

- А вы верите?

- Во что?

- Ну... в реинкарнацию.

- Вы знаете... кстати, как вас зовут? Как по батюшке?
- Сергей. Можно просто Сергей.
- Сергей. Хорошо. Очень приятно. Сергей, знаете, вот вы спрашиваете, верю ли я. Я верил, конечно, раньше. Но сейчас я даже не знаю, как вам сказать. Это просто то, что я должен говорить. Я как-то свыкся со всем этим, а верю я или не верю – я не знаю, вот честно. Знаете, когда ты буддист, ты как-то немного теряешь ощущение прочности реальности. Всё немного начинает плыть. Это довольно трудно объяснить.
- Я, кажется, понимаю.
- Вряд ли вы это понимаете.
- Ну, может быть.
- В общем, мне кажется, лучший вариант – просто подписать бумагу, чтобы я к вам больше не приходил.
- Вы прямо вот не хотите ко мне приходить? Не хотите поддержать человека, приговорённого к смертной казни?
- Вот вы спросили меня, и я вам прямо отвечаю – нет, не хочу.
- Да? Странно.
- Потому что я вам всё равно ничем помочь не могу. Это какая-то дикая бюрократическая идея – что мы, представители, блин, традиционных религий России, должны приходить к приговорённым и как-то их, типа, утешать. Мне смешно от этого, если честно. Я ржу просто.
- Да, я вас понимаю. Давайте, если хотите, я подпишу эту вашу бумагу.
- Да, давайте. Тем более, если вдруг надо будет, чтобы я пришёл, вы сможете подать специальную заявку. И я приду. Но я не думаю, что это нужно.
- Хорошо. Я, если честно, думал, что вот придёт лама и меня как-то успокоит. Буддисты вроде бы такие умиротворённые, спокойные, мирные.
- Буддисты все разные. Обычные люди. Если бы вы не были в заключении, я бы посоветовал съездить в Туву. Там живут буддисты, и там такой ужас творится, что не приведи господь, как у вас, православных, принято выражаться.
- Я не православный.
- Да всё равно. Там просто такое творится. Первое место в России по убийствам. Грабят, насилуют. Это всё буддисты. Японцы тоже буддисты. Знаете, наверное, что они с людьми делали в войну. Это же поверить нельзя. Буддисты! Последователи Будды! А вы говорите. Обычные люди. Такие же, как и все остальные, мусульмане, христиане. Такие же примерно мудаки.
- Да, я понимаю. Ну, давайте вашу бумагу.
- Лама даёт Серёже бланк заявления заключённого об отказе от религиозной поддержки (вписать религию, имя служителя религии), Серёжа всё вписывает и подписывает.
- Спасибо. Мне так будет значительно легче.
- Но ведь можно вас будет вызывать?
- Да, пожалуйста. Я не очень понимаю зачем, но, если что, вызывайте.

- Спасибо. А может быть, посоветуете мне какую-то медитацию?

- Знаете, я смотрю на вас и понимаю, что вы вряд ли будете практиковать медитацию. Вам это всё на хрен не нужно. Но, если хотите, вот вам медитация. Универсальная медитация, вечная, альфа и омега. Короче, надо сесть поудобнее. Вот, у вас тут кровать хорошая. Сесть с прямым позвоночником. Подышать немного. Глубокий вдох и выдох. И дальше сидите и останавливаете внутренний диалог. Пришла мысль - прибавляйте её, как муху. Старайтесь, чтобы в голове мыслей не было. Это самая главная медитация в жизни.

- Спасибо вам. Я попробую.

- Попробуйте, да. Может, получится. Ладно, я пойду.

- До свидания.

- Надеюсь, свиданий не будет. Это не нужно ни вам, ни мне. Но если что, вызывайте.

- Спасибо.

- Удачи вам. Пусть всё будет не больно.

- Спасибо.

Серёжа сидит на скамейке в тюремном саду и неподвижно смотрит на реальность - на московскую улицу, которая видна со скамейки. По улице идут люди, едут трамваи, машины, там оживлённая жизнь. По саду бродят молчаливые фигуры, никто не обращается к Серёже, и Серёжа тоже ни к кому не обращается.

Серёжа просто сидит и смотрит на московскую улицу.

Серёжа выбирает в контакт-листе телефона номер, прикладывает к уху трубку. Между ним и его (бывшей?) женой происходит следующий разговор:

- Алё.

- Света, привет. Это я.

- Привет.

- Как ты?

- Нормально.

- Ну хорошо. Слава богу.

Долгая пауза.

- Света?

- Да.

- Ну ты как?

- Нормально.

- Ну хорошо, что нормально.

Снова повисает долгая пауза.

- Свет...

- Да.

- Свет, а ты можешь что-то сказать мне? Нет?
 - Серёж, я не знаю, что тебе сказать.
 - Ну, как ты живёшь?
 - Нормально.
 - Нормально?
 - Да, нормально. Я не знаю, что ещё сказать.
 - Как там в университете?
 - Нормально.
 - Света! Ты можешь сказать что-нибудь, кроме «нормально»?
 - Серёжа, я не знаю, что тебе ещё сказать. У меня в целом всё нормально. Ну, если не вдаваться в подробности.
 - Света... Света!
 - Да.
 - Света... я...
 - Мне кажется, ты сам не знаешь, что мне сказать.
 - Да, наверное.
- Долгая пауза.
- Свет. А я вот хотел спросить: ты кого-нибудь нашла?
 - Нет. Никого не нашла. Хотя вроде бы и надо. Я надеюсь, ты не будешь думать, что я не могу найти никого, кто был бы так же прекрасен, как ты. Да и вообще, слово «нашла» - какое-то странное, мерзкое. Найти можно какого-нибудь котёнка. Или щенка.
 - Я специально так сказал.
 - Я знаю, что ты специально так сказал.
 - Свет.
 - Что.
 - Свет, я не знаю. Не понимаю. Ты как ко мне относишься? Ты мне не звонишь, не пишешь вообще.
 - Серёжа. Я стараюсь об этом не задумываться. Тебя больше нет, понимаешь. Тебя нет.
 - Но вот я есть! Есть же! Я существую!
 - Ты есть условно. То есть тебя нет.
 - Ну как. Ну вот же я.
 - Ну что ты - я, я. Ты больше не обнимешь меня (да и не надо, в общем-то), не поцелуешь, мы с тобой больше не займёмся сексом.
 - Какое дикое выражение - заниматься сексом.

- Я специально для тебя сказала. Да и ладно, не надо, на самом деле, вот это вот самое, заниматься сексом. Ну, ты понимаешь? Тем более тебя скоро, или не скоро, казнят. Ты понимаешь? Ты меня понимаешь? Или нет?

Серёжа долго подавленно молчит.

- Свет...

- Да, Серёж.

- Действительно, какое дикое выражение - заниматься сексом.

- Ну да.

- Ну вот. Ну ты хоть... не знаю... любишь меня?

- Серёж... ты прости, конечно. Я не знаю, что тебе сказать. Ты для меня умер уже. Тебя нет, и тебя сложно теперь любить.

- Ни хрена себе.

- Да. Я не знаю, как к тебе относиться. Всё изменила даже не эта глупая измена твоя... всё изменила эта вот твоя смертная казнь. Я не знаю, как любить человека, приговорённого к смертной казни, но ещё пока, типа, живого. Не знаю, Серёжа, дорогой мой, не знаю. Ты вот вроде живёшь, а вроде уже и не живёшь и вроде уже ушёл совсем, из жизни, не только моей, но и вообще. Понимаешь?

- Да, понимаю.

- Ну вот.

- Что - ну вот?

- Ну вот, Серёжа. Не знаю, как нам теперь с тобой.

- Типа, мне не звонить?

- Ну, хочешь, звони. Я же не зверь какой.

- Но, типа, тебе это так мучительно?

- Серёжа, я же объяснила, как это мне. Это, прости ты меня, пожалуйста, как с трупом разговаривать.

- М-м. Ну да. Понятно.

- Не знаю, что тебе понятно.

- Ну, как с трупом.

- Ну, типа, да.

- Вот так считаешь себя кем-то. Ну, там, филологом, научным сотрудником, учёным, извини за выражение. Потом выясняется, что ты просто труп. Мёртвое тело.

- Да, Серёжа. Ты прости, конечно.

- Ну хорошо. Ладно. Мёртвое тело.

- Я рада, что ты ещё жив.

- Падает, корчится старое тело.

- Старое тело устало дышать.

- В детстве смеялось, потом повзросло.
- Тело состарилось, что с него взять.
- Хорошая песня.
- Да, хорошая.
- Да, я помню. Ну что... Мне не звонить тебе?
- Ну... звони, если хочешь.
- Мне понравилось твоё «ну».
- Серёж... ну я объяснила уже вроде, да?
- Да.
- Ну, пока.
- Прямо совсем нельзя тебе позвонить?
- Ну... звони, если хочешь. Если ты видишь в этом смысл. Я – нет.
- Ну ладно. Ну... пока.
- Пока.
- Пока.
- Пока.
- Всё, Свет. Пока.
- Ну, пока. Всё, давай на этом закончим.

Их разговор заканчивается.

Осторожный стук в дверь. К Серёже приходит отец Павел.

- Здравствуйте. Можно к вам?
 - Здравствуйте, отец Павел. Заходите.
- Отец Павел смущённо заходит, садится на угол кровати.
- Ну, как вы?
 - Отец Павел, я даже не знаю. Мне трудно ответить на ваш вопрос.
 - Да, я понимаю вас.
 - Вы каждый раз меня спрашиваете, и вот я не знаю, что вам сказать.
 - Да-да, понимаю вас. Нечего сказать. Скорбное бесчувствие.
 - Что? Какое бесчувствие?
 - Скорбное бесчувствие. Простите, что я так говорю. Это такая естественная стадия в вашем положении.
 - Ну, в общем, да. Вы правы. Что тут сказать.
 - Мы с вами можем ничего не говорить. Как вы знаете, мы можем вообще прекратить наши встречи.

- Ну отчего же. Давайте пока не будем. Хоть какое-то разнообразие. Вернее, однообразие.
- Да, верно, однообразие.
- Да, видите.
- Ну да, а что, мне ведь вам сказать, как вы уже поняли, нечего.
- Хотя странно, да?
- Ну а что странного. Вы человек образованный, основы веры знаете, как любой гуманитарно образованный человек.
- Основы, да. А вы, может быть, могли бы мне преподать какие-то не основы, а глубины веры? Глубины православной веры?
- Нет.
- Ну вот.
- Извините. Но это правда.
- Нет глубин?
- Глубины есть. Но я их не могу вам преподать. Я ведь просто священник.
- Ну, есть ведь, не знаю, там... исихазм. Ещё что-то такое. Как у вас там. Молитвенные практики.
- Да, есть.
- И?
- Что и?
- Почему вы их мне не хотите преподать? Поделиться со мной?
- Потому что я с ними сам толком не знаком. Так, чтобы всерьёз. Это надо быть опытным человеком. Зачем заниматься профанацией.
- Вы прямо совсем ничего про это не знаете? Странно. Даже я читал что-то. Не помню уже точно. Хоружий вроде. Или ещё кто-то. У нас одно время модно было.
- Да, одно время было модно. Теперь прошло. Слава Богу.
- Почему слава богу?
- Вот даже и сам не знаю. Сказал, и не знаю почему.
- Так что там? С этой, как её, умной молитвой? Может, мне стоит попрактиковать?
- Ну, я не знаю. В принципе, вы сейчас находитесь в таком положении, в котором вам навредить мало что может. Так что, если хотите, можете и попробовать. С другой стороны, зачем вам нужно моё разрешение? Вы ведь и так Иисусову молитву знаете, если читали Хоружего и если вообще в курсе.
- Ну да. Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного. Так вроде?
- Да, так. Если точнее, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного.
- А там вроде какие-то техники есть? Дыхание как-то с этим соединять? Со словами? Сердце там что-то? Нет?

- Вот этого я не знаю.
- Ну вот.
- Не рискну вам что-то на этот счёт рекомендовать. Я же говорю, я не практик, сам не очень в курсе. Тоже, как и вы, что-то читал.
- Добротолюбие?
- Ну да, в том числе.
- Но можно ведь просто читать Иисусову молитву?
- Вам всё можно. Читайте на здоровье.
- С ума не сойду?
- Я не могу гарантировать. Но, думаю, большого риска лично для вас, в вашем положении, нет.
- А как читать-то?
- Да просто сядьте поудобнее. И читайте потихоньку, повторяйте про себя.
- Про себя или вслух?
- Ох... ну я не знаю, что вам сказать. Насколько я знаю, надо поначалу просто как бы шептать. А потом... там видно будет.
- Ну да, а потом меня просто расстреляют, и вопрос решится сам собой.
- Кстати, да. Или, может, вас долго не расстреляют, и вы станете великим молитвенником. Кто знает. В вашем положении шансы несколько обостряются.
- Вы думаете?
- Ну а что. Близость к смерти и одновременно её неопределённая близость. У вас хорошие возможности.
- Ну вот, вы мне нарисовали сияющие перспективы.
- Я бы на вашем месте отнёсся к этому посерьёзнее. Знаете, есть история про одного японского старичка. Он работал просто на какой-то там работе, в какой-то фирме, в «Тойоте» или «Ниссане», я не знаю. Пахал, в общем, как подорванный. Вышел на пенсию и стал медитировать, стал адептом Дзен. Ну, появилось у человека впервые свободное время. И вот он, представляете, за несколько лет, будучи уже старым человеком, достиг просветления. Я не очень знаю, что это, но это, наверное, неплохо.
- Отец Павел, простите, конечно, а вы сами верите, что в моём положении я смогу чего-то такого достичь? Ну, я не знаю, просветления, святости?
- Нет.
- Ну вот. А зачем же говорите?
- Ну вы сами просите что-то вам про это сказать, вот я и говорю.
- То есть я правильно понял, что у меня нет надежды и я обречён? Что я ничего не достигну, всё бесполезно, бессмысленно? Ни просветления, ни святости, ничего мне не положено? Ничего не будет?
- Ну, этого я не знаю. На всё воля Божия.
- Ну а вы-то сами как думаете? Вы, без ссылок на волю Божию?

- Я думаю - да, ничего не будет. Но...

- Не надо! Не надо про волю Божию! То есть вы считаете, что я обречён? Спасения для меня нет?

- Этого я не говорил. Богу всё возможно. Спасение для вас открыто.

- А что тогда? Вы сказали сейчас - ничего не будет?

- Ну, я имел в виду, что если вы будете истово практиковать что-нибудь такое, то вряд ли вы чего-то серьёзного достигнете. Просветления там или святости. В это я как-то не верю, простите.

- То есть ничего не делать и положиться на волю Божию? Так правильно?

- Нет, почему. Можно что-то делать и положиться на волю Божию.

- То есть всё же имеет смысл делать эту вашу Иисусову молитву? Исихазм этот ваш практиковать? Что-то это даст мне?

- Ну, почему бы и нет. Можно и практиковать. Хуже, скорее всего, не будет. Особенно вам.

- Но смысла особого нет, да? Так?

- Ну, как-то так примерно. Вы попробуйте, а там как пойдёт.

- Как-то у вас всё неопределённо.

- Да, мы сами от этого страдаем. Ничего толком непонятно. Вернее, не то чтобы непонятно. Нет, понятно. Просто как надо - мы не можем, а как мы можем, это не даёт никаких гарантий. Такая религия. Несколько проблемная. Я поэтому вас и не особо агитирую. Прямых выгод нет.

- Спасибо, отец Павел.

- Да не за что. Я по крайней мере стараюсь быть с вами откровенным.

- Спасибо. Я это ценю.

- У меня есть ещё время. Вы лежите просто. А я с вами тут посижу. Ну, если хотите.

- Да, давайте. Это хорошая идея.

- Бывает, что самое большее, что мы можем сделать для человека, это просто с ним побыть. Давайте я просто с вами побуду, без слов и проповедей. Ну, если хотите.

- Да, отец Павел, спасибо. Я был бы вам признателен.

- Да не за что. Вы ложитесь на кровать. А я, если вы не против, на стуле посижу, можно?

Серёжа ложится на кровать. Отец Павел перемещается на стул за компьютером. Они долго вместе молчат. Серёжа засыпает. Отец Павел, убедившись, что Серёжа спит, тихо уходит.

Серёжа разговаривает по одному из онлайн-сервисов с завкафедрой, Николаем Степановичем.

- Сергей Петрович, я думаю, нам просто нужно сделать какой-то перерыв.

- Да, Николай Степанович. Давайте сделаем. Более того, я не уверен, что этот перерыв должен быть временным. Я уже понял, что их интересуется только моя

смертная казнь. Любое обсуждение через несколько фраз сводится к тому, как там я чувствую себя в тюрьме и что я чувствую в ожидании смертной казни. Всё об одном и том же. Мой предмет им неинтересен.

– Да, Сергей Петрович, я тоже это заметил. Ну... что тут скажешь. Они молодые ребята, им интересно... вот это всё. Их можно понять, хотя это и неправильно.

– Да, да, всё верно. Я всё понимаю.

– Сергей Петрович, я вот что предлагаю. Давайте сделаем перерыв в вашем преподавании на полгода? Только скажите, у вас как там дела в материальном смысле? Вам важно сохранение дохода? Я могу похлопотать за вас. Что-то можем придумать. Я ценю ваши заслуги перед кафедрой.

– Николай Степанович, да никаких вообще проблем. Мне здесь деньги совершенно не на что тратить, они просто копятся. Я же ничего такого не могу здесь купить, только так, по мелочам. Выпивка, закуска, то-сё. При этом я тут на полном обеспечении. Так что не волнуйтесь. Спасибо вам огромное за заботу. Я правда очень тронут. Да, давайте сделаем перерыв на полгода, а там посмотрим. Может, это как-то всё утихнет, придут новые студенты. А может, меня к тому времени расстреляют. И проблема решится сама.

– Сергей Петрович... Сергей... Серёжа... Подождите... Сейчас, сейчас. Подождите. Сергей Петрович. Я... Я очень надеюсь... Я надеюсь, что ничего, ничего такого не будет. Потому что если будет, то... Сергей Петрович, я сейчас возьму себя в руки... Сейчас, подождите. Да. Вот. Сергей Петрович, я знаю вас как порядочного человека и прекрасного учёного, для меня вы всегда будете вот таким – порядочным, прекрасным, добрым человеком и талантливым учёным. Вот. Ладно. Сергей Петрович, простите, я отключаюсь.

Света в кабинете завкафедрой, Николая Степановича.

– Светлана Игоревна, я сразу хочу сказать: вы для нас ценнейший преподаватель, никого лучше вас по двадцатым – тридцатым годам у нас нет.

– Ну как же, а мой бывший муж? Как это правильно? Как правильно обозначить мужа, приговорённого к смертной казни? Не скажешь ведь – вдовец? Это я, скорее, вдова, но, так сказать, отложенная.

– Светлана Игоревна, ну да, вы были две у нас такие звезды, вы знаете. Теперь, к сожалению, осталась только одна звезда – вы. По двадцатым – тридцатым.

– Но вроде бы мой... как это... а? Николай Степанович? Не вдовец, а кто? Ну, в общем...

– Светлана Игоревна, давайте будем называть Сергея Петровича словами «ваш бывший муж».

– А почему бывший. Мы ещё до сих пор не разведены. До сих пор бюрократический механизм не сработал. Я даже и не знаю, когда нас разведут – когда сработает бюрократический механизм или когда его расстреляют. Надо это всё идти выяснять, а как-то сил нет, Николай Степанович.

– Светлана Игоревна, ну я немного не об этом. Я же не отвечаю за провороты вот этих всех бюрократических валов.

– Ну да, я понимаю, Николай Степанович. Так, делюсь с вами. Да, давайте к делу. Я понимаю, что моё преподавание зашло в глубокий кризис.

– Да, Светлана Игоревна, студенты как-то слишком возбудились.

– Их интересует только то, как я переживаю заключение и будущий расстрел моего мужа. Бывшего или пока не бывшего, это неважно.

- Да, совершенно верно. Да. Именно об этом я и хотел бы поговорить. Светлана Игоревна, вы для нас ценнейший специалист, я уже об этом говорил. И чисто по-человечески я бы не простил себе, если бы наше сотрудничество прекратилось. Но сейчас, как мне кажется, было бы разумно сделать небольшой перерыв. Я подумаю, как это оформить. А вам я бы предложил уехать куда-нибудь, в приличный такой отпуск. Протяжённость – любая. Хотите, месяц, хотите, три месяца, хотите, год. Я сохраню за вами место, не волнуйтесь. Вы можете отдыхать и восстанавливаться, сколько вам нужно. Я всегда на вашей стороне. Я дам распоряжение в отдел кадров, там они будут знать. Так что думайте, на какой срок вам надо прерваться, отдыхайте, и мы ждём вас в наших, так сказать, университетских стенах. И... Света... я вам очень сочувствую, простите, что говорю об этом. Да. Очень вам сочувствую.

Осторожный стук в дверь. В камеру Серёжи входит мулла Ринат Ахметзянов.

- Простите, можно?

- Да, конечно, заходите.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте. Вот, пожалуйста, садитесь (*освобождает для муллы одновременно край кровати и стул у компьютера; мулла садится на стул у компьютера*).

- Спасибо. Спасибо большое.

Они долгое время молчат.

- Сергей... Сергей Петрович, как ваши дела? Как условия содержания? Жалобы у вас есть? Вам всё нравится?

- Да, меня всё устраивает. Всё хорошо.

- Как здоровье? Как себя чувствуете? Может быть, жалобы какие-то?

- Дорогой... Простите... мулла. У меня всё нормально в бытовом смысле.

- Можно просто Ринат, на самом деле. У нас всё просто. Титулов я каких-то пока не заработал.

- Отлично, Ринат. В плане просто жизни у меня всё нормально, если вас это интересует.

- Ну хорошо. У меня вопрос. У вас есть интерес к принятию ислама?

- Нет.

- Вы чувствуете, что можете в будущем стать мусульманином?

- Нет. Ничего не имею против, но сам – нет.

- Сергей Петрович, да, я вас понимаю, уважаю ваше мнение и намерение, вернее, отсутствие намерения, о котором я вас должен был спросить. Сергей Петрович, давайте мы тогда подпишем документ о вашем отказе от моего духовного окормления.

- Давайте. Но вообще, это интересно. Что вы так быстро отказались от моего завлечения в ислам.

- У меня нет цели завлечения, как вы сказали, в ислам.

- Ну, могли бы хотя бы немного попроповедовать.

- Вы так говорите об этом. Для вас это просто шутка. А в истории, да и сейчас, в

современности нашей этой, люди за исповедание ислама отдавали и отдают свои жизни. Но для вас это интеллектуальная игра, я понимаю.

– Да, я знаю. Это страшно очень, конечно.

– Что страшно? Что именно?

– Ну, что люди за это жизни кладут.

– За это? А за христианство когда люди жизни кладут? Христианских мучеников знаете сколько было и, кстати, есть?

– Это мне почему-то более понятно.

– Да, я понимаю. Воспитание, культура.

– Да, совершенно верно. Наверное, с этим ничего не сделаешь. Видите как.

– Да, вижу. И понимаю. Я по должности вроде как должен вам ислам проповедовать, раз вы ни к какой религии не принадлежите. Но это сложно, вы образованный человек.

– То есть в ислам легко завлечь человека необразованного?

– Я этого не говорил. Просто трудно проповедовать ислам образованному человеку христианской культуры.

– Надо же. Никогда не думал о себе как о человеке христианской культуры.

– Ну а какой ещё. Да.

– А если бы я был не человеком, как вы говорите, христианской культуры, таким, знаете, белым листом, как бы вы мне проповедовали ислам? Чем бы привлекали?

– Знаете... Сергей Петрович. Поскольку вы не белый лист, я вам не буду говорить, как я бы проповедовал ислам белому листу. Поймите меня правильно.

– Мне просто интересно, какие вы ему, этому белому листу, привели бы преимущества ислама.

– Определённость.

– Вот как? А можно поподробнее?

– Нет, нельзя поподробнее. Определённость, понятность, ясность – это есть только у нас, а у вас этого нет. При всём моём, как говорится, уважении.

– Ни фиги себе.

– Простите, вы же сами об этом просили. Я сам вам не навязывался.

– У вас получилась мощная проповедь. Я, если честно, не ожидал.

– Если это мощная проповедь, вы должны захотеть принять ислам.

– Нет, я не хочу.

– Я понимаю, и я заранее знал, что вы ислам не примете, но можно сказать, из-за чего вы его не примете?

– Определённость.

– Ага. Да. Понимаю. Ну хорошо. А мы, как вы считаете, хорошо пообщались, философски так?

- Да, я был очень рад вас видеть.

- Давайте теперь подпишем заявление об отказе от моего духовного окормления.

Серёжка ставит подписи на нескольких листах.

- Сергей Петрович, спасибо вам огромное. Мне было очень приятно с вами поговорить. Вы... даже не знаю, как сказать, чтобы не обидеть вас. Вы умный и интересный собеседник.

- Дорогой Ринат, я о вас могу то же самое сказать. Я, простите меня, не ожидал, что мулла будет таким умным и образованным человеком, а вот вы им оказались. Спасибо вам.

- Сергей Петрович, если вы захотите пообщаться со мной (для меня это будет большая честь), можно будет вызвать меня. Я приду не в режиме регулярного графика, а когда время будет. Буду очень рад с вами повидаться. Так что мы не прощаемся, надеюсь.

- Спасибо, дорогой Ринат, - можно ведь вас так называть? Спасибо. Я тронут.

- Да, можно.

К Серёже, как обычно, приходит охранник, Антон, Михаил или Никодим, неважно. Прикатывает тележку с едой. Серёжа с аппетитом съедает еду (не всю, наверное) и выходит на прогулку. Как мы знаем, проход на прогулку происходит под многочисленными дулами пулемёта. Серёжа уже не боится. Серёжа смело заступает на Красную зону, оборачивается и орёт: «Саша, привет! Саша, привет! Саша, привет!» Антон, Михаил или Никодим (кто там сегодня охранник) снисходительно улыбается.

Серёжа гуляет по парку. Вместе с ним по парку перемещаются молчаливые фигуры, в основном мужские. Серёжа отмечает, что это примерно те же фигуры, что и в начале его пребывания в Комбинате. А может быть, и какие-то другие.

Серёжа подходит к забору, отделяющему парк от Москвы, от вольной территории. Парк от вольной территории отделяет небольшой заборчик, который легко перелезть. За заборчиком - привлекательная вольная жизнь, ходят люди, едут машины и общественный транспорт, стоят магазины, вообще, там, за забором, располагается привлекательная вольная жизнь, вот и всё.

Серёжа долго оглядывается, озирается и, наконец, перелезает небольшой заборчик. То есть Серёжа решает бежать. После перелезания Серёжа некоторое время неподвижно стоит, ожидая, что его сразу вернут назад. Но ничего не происходит. Серёжа очень осторожно, аккуратно начинает двигаться вдоль стены парка, потом всё смелее, и вот он уже идёт по городу.

У Серёжи нет какого-то чёткого плана, он постепенно (вернее, очень быстро) ориентируется в городе и двигается в сторону площади трёх вокзалов. Не то чтобы он хочет куда-то уехать или убежать, нет, это просто какой-то непонятный московский инстинкт.

Серёжа идёт по Каланчёвской улице, от Красных Ворот к вокзалам, и его неспешно нагоняет охранник Антон. Он деликатно, но крепко берёт Серёжу за предплечье.

- Сергей Петрович, здравствуйте. Что, гуляете?

- Что? Вы? Здравствуете? Вы откуда?

- Ну откуда, откуда. Всё оттуда же. Сергей Петрович, погулять надо? Давайте погуляем.

- Да нет. Я...

– Да ладно, Сергей Петрович, вы не переживайте. Давайте прогуляемся немного, и домой.

– Домой?

– Ну а куда же ещё.

Сергей и Антон долгое время гуляют по центру Москвы и под вечер возвращаются к ограде комбинатского парка.

– Сергей Петрович, давайте помогу вам. Давайте тем же путём. Как туда, так и обратно.

– Спасибо, Антон.

Серёжа и Антон перелезают через забор, идут по пустому парку ко входу в корпус Комбината. Сергей спрашивает:

– А что мне за это будет? Это же побег?

– Ну вам же в самом начале ещё сказали: ничего не будет. Побег у нас никак не наказывается. По новому законодательству, стремление к свободе – естественное стремление человека, и побег из тюрьмы никак не наказывается. Так что живите себе дальше спокойно.

Серёжа в ужасе просыпается среди ночи от страшного грохота. Вернее, это не просто грохот, а оглушительная стрельба. Серёжа сразу понимает, что это стрельба не из пистолета или автомата, а из пулемёта. Она, эта стрельба, такая... страшная, тяжёлая. Серёжа в оцепенении, лёжа на кровати, слушает стрельбу. Стрельба прекращается. Серёжа встаёт, достаёт из холодильника бутылку крепкого алкоголя (какая разница, какого именно), сначала делает пару больших глотков из горла, а потом садится за компьютер, ставит бутылку рядом, достаёт из кухонного шкафчика ёмкость для питья данного вида крепкого алкоголя, берёт из вазочки яблоко, наливает, пьёт, закусывает, наливает, пьёт, закусывает, какую-то ещё закуску достаёт из холодильника (что-то мясное), наливает, пьёт, так продолжается некоторое время, потом Серёжа засыпает, сидя на стуле.

Серёжу будит охранник. Это опять Антон. Как только надо серьёзно поговорить, дежурит Антон (замечает Серёжа, хотя неизвестно, соответствует ли это действительности).

– Сергей Петрович, доброе утро. Что-то вы сегодня не в форме.

– Антон... Антон! Здравствуйте, Антон! Я... простите, я вот так уснул. Простите. Антон, ночью была стрельба! Прямо вот стреляли! Этот ваш Саша, кажется, стрелял. Я проснулся среди ночи и понял, что это Саша. Это что было? Кого-то расстреливали?

– А, это. Ну что вы, Сергей Петрович. Глупости какие. Это была просто профилактическая стрельба холостыми. Мы изредка проводим. Чтобы Саша сильно не застаивался. Всё-таки механизм непростой. Не газовый пистолет какой-нибудь.

– А в каком смысле – застаивается? В смысле, он давно никого не расстреливал?

– Сергей Петрович... как бы это сказать... я не уполномочен про это говорить. Но, наверное, да, давно не расстреливал. Я точно не знаю, мне не докладывают.

– Я, кстати, ни разу не слышал, чтобы он стрелял.

– Ну, вы это и не можете обычно услышать. Всех выводят на прогулку в разное время.

– Но ведь должно всё равно быть слышно, нет? Ну, когда мы гуляем или когда ещё спим. Вот я ведь сейчас услышал.

- Сергей Петрович, я, честно, не знаю. Это ведь дело такое. Может, просто пока, за время вашего пребывания... вы у нас сколько? Полгода? Ну вот, может, за эти полгода просто пока никому не выпало быть расстрелянным. Там ведь, это, эти самые, случайные числа. Рандом. А профилактические стрельбы холостыми никто не отменял.

- А... Антон, можно спросить? А при вас когда-нибудь расстреливали? Вы ведь вот нас, меня выводите.

- А вот этого, Сергей Петрович, я вам сказать не могу. Это государственная тайна. У нас тут порядки, конечно, либеральные, но не до такой степени, чтобы на вот такие вопросы отвечать. Вы уж простите.

- Да, да, понимаю. Вы извините меня за эти вопросы. Просто сегодня был реальный ужас. Стресс.

- Да, я понимаю. Вы завтракать-то будете?

- Нет, Антон, я уже в некотором смысле позавтракал.

- Да я вижу. Ну тогда пойдём.

Серёжа и Антон идут по коридору, выходят к участку с Красной зоной, Серёжа совершенно спокойно выходит в Красную зону, оборачивается к Саше.

- Саша, привет! Ты говнюк, Саша! Ты меня сегодня прямо напугал! Нельзя так с постоянными клиентами! Саша, фак тебе!

Серёжа демонстрирует Саше средний палец, глумливо (не свойственно для себя) кривляется, как подросток. Антон молча смотрит. Серёжа приходит в себя, успокаивается.

- Антон, извините. Я сегодня просто перенервничал. Извините. Ну надо было высказать ему.

- Ничего, Сергей Петрович. Я понимаю. Пойдёмте.

Серёжа выходит в прекрасный парк Комбината, как и каждый день. Уже не лето, уже поздняя осень, почти зима. По прекрасному парку по-прежнему бродят одинокие фигуры. Серёже кажется, что они те же самые, что были в самом начале, но прибавилось несколько новых. Серёжа привычно садится на скамейку, с которой открывается его любимый вид на московскую улицу. Серёжа сидит, смотрит на улицу, слегка ёжится от холода (да, уже холодновато). Серёжа замечает, что мимо по дорожке идёт человек, с которым он разговаривал во время своей первой прогулки, - человек в чёрно-сером. Серёжа встаёт, подходит к человеку.

- Здравствуйте.

- Ну здравствуйте.

- Я... это... простите. Я хотел спросить.

- Может быть, уже не хотите?

- Нет... я... я хотел. Я тут уже долго. Мы с вами давно разговаривали, помните, в самом начале.

- Помню. Я вообще всё помню.

- Я просто хотел спросить: а почему мы тут не общаемся?

- Вы долго носили в себе этот вопрос.

- Простите, мне было немного не до этого.
 - Лучше бы вы носили в себе этот вопрос и дальше.
 - Да? А почему? Просто интересно. Мы же здесь в замкнутом, этом самом... пространстве. Почему мы не разговариваем?
 - Если коротко, то это просто часть режима. Нам начальство настоятельно не рекомендует общаться. А я в силу взятой на себя общественной нагрузки должен объяснять это новичкам. И следить, чтобы этого самого общения не возникало.
 - А почему вы...
 - Почему у меня такая общественная нагрузка? Давайте не будем обсуждать этот вопрос, никогда.
 - Да... да, спасибо.
 - В общем, продолжайте себя вести как вели. Всё было хорошо буквально до сегодняшнего дня. Давайте не будем это повторять. Гуляйте один, дышите воздухом. У меня всё.
 - Да, да. Я вас понял. Вы извините меня, пожалуйста, я не хотел.
 - Давайте без извинений. Впрочем, извиняю. Разрешаю откланяться.
 - Да, спасибо... до свидания.
 - Никаких свиданий у нас, надеюсь, больше не будет.
 - Ой, да... простите. Это я так, по привычке.
 - Больше ничего не говорите. Никак не отвечайте на эту мою последнюю реплику. Очень надеюсь на понимание. Просто молчите сейчас и молчите дальше, всегда.
- Серёжа хочет по привычке ответить что-то типа «да, конечно, извините», но человек в чёрно-сером замахивается, и Серёжа ничего не говорит, Серёжа садится на скамейку и молчит, молчит. По московской улице, на которую смотрит Серёжа, медленно едет синий автобус, останавливается на светофоре, долго стоит, потом продолжает движение, неуклюже поворачивает на улицу вдоль парковой ограды и уезжает от Серёжи куда-то туда, в хорошую, вольную жизнь.
- Серёжа, сидя в камере/номере, звонит по телефону.
- Mam, привет.
 - Что? Ты? Серёжа?! Ты жив?!! Ты?!
 - Да, мама, да! Да, это я.
 - Ты... ты обалдел совсем?!
- Разговор прерывается. На реплики Серёжи нет ни одного ответа. Серёжа понимает, что его мать потеряла сознание. Серёжа нажимает кнопку вызова охраны. Приходит Антон, Михаил или Никодим, кто-нибудь из них (скорее, второй или третий).
- Михаил (Никодим), помогите! Нужна помощь!
 - Что случилось?
 - У меня мать... у матери... я не знаю что. Я позвонил, она вырубилась, сознание потеряла. Может, инсульт, может, я не знаю что.
 - Ну, мы тут не можем помочь. Мы не можем решать проблемы заключённых за

пределами Комбината.

– Что мне делать?! Что?

– Да вы просто позвоните 112, телефон же у вас есть. Расскажите всё как есть, назовите адрес. Они приедут, должны приехать.

– Спасибо, да! Спасибо! Сейчас позвоню.

Серёжа судорожно набирает 112, вызывает скорую по адресу матери. Его закономерно спрашивают, кто он, он отвечает – сын, а назовите ваш адрес, и вот тут Серёжа не знает, что ответить. Он начинает лепетать что-то об адресе Комбината, о своём состоянии заключённого, приговорённого к смертной казни, его собеседник с руганью бросает трубку. Серёжа ещё раз звонит по номеру 112, и ему отвечают, что вызов принят и что звонить больше не надо.

Мы видим Свету в каких-то совсем непривычных для неё обстоятельствах. Мы видим её на берегу моря. Какого именно моря – трудно сказать. Собственно, вариантов совсем мало. Скорее всего, Чёрного или Балтийского. У России мало морей, пригодных для чего-нибудь путного. Вряд ли Света поехала отдыхать на Каспийское море, хотя, говорят, там есть неплохие места. Баренцево море тоже трудно использовать как место для отдыха, как и остальные многочисленные моря Северного Ледовитого океана, которыми так богата наша страна. Ехать отдыхать в Петропавловск-Камчатский, во Владивосток или на Сахалин Свете дорого и лень. Так что это либо Чёрное (Сочи, Крым), либо Балтийское (Зеленоградск, Светлогорск), либо Азовское (Таганрог, Ейск) моря.

Света, наверное, получила большие отпускные или какие-то ещё серьёзные выплаты на работе, у неё появились деньги, возможно, впервые за долгие годы. И вот у неё появилась возможность поехать к традиционному месту отдыха. Обычное место отдыха для Светы – это её диван. А тут вот так.

Каждый день на берегу моря мы видим Свету, её длинную, вытянутую фигуру. У Светы действительно хорошая фигура, ей очень идёт её вытянутость, лицо её тоже очень привлекательное, такое узкое, аристократическое, как и весь её облик, Света, в общем, красивая женщина, чего уж там. Не очень понятно, в кого она такая удалась. По одной линии, материнской, она из подмосковных, кряжистых (как мать) крестьян, по другой – тоже из крестьян, но из архангельских, не таких кряжистых, более утончённых, как все новгородцы обычно более утончённы, чем москвичи (непонятно, почему это). Возможно, именно от них она и унаследовала эту свою утончённость, как-то дико подчёркнутую. Возможно, ещё сыграло роль образование. Когда человек много думает об утончённых вещах, он и сам немного утончается.

Утончённая прекрасная Света каждый день приходит на пляж в дико закрытом купальнике (в таком можно прийти в офис на переговоры), садится на скамейку и смотрит на море. Она не купается, не загорает. Было бы странно, если бы она это делала. Она просто сидит на скамейке.

Сведём это к одному эпизоду, распишем тут, без лишних подзаголовков, день Светы.

Света спит. Ей трудно уснуть, но она как-то засыпает под утро.

Света просыпается.

Новый день.

Света, в принципе, ведёт себя как положено. Принимает душ (у неё в её пред-шикарном номере пред-шикарная душевая кабина), идёт завтракать (в отеле очень качественный шведский стол, но Света берёт просто дольку омлета и одну оливку). И вот после этого Света идёт на пляж. Садится на скамейку и сидит. И смотрит на море. И так она сидит до позднего вечера. Поздним вечером она выпивает в лобби-

баре бокал (два бокала, три бокала, четыре бокала, пять бокалов, шесть бокалов, неважно) вина, обычно какого-нибудь красного. И поднимается к себе в номер. И заставляя себя лечь в постель (широкую такую двуспальную кровать).

И на следующий день всё то же самое.

Итак, мы видим Свету, сидящую на скамейке у моря. Вернее, не у моря, а как бы в аррьергарде пляжа. Впереди пляж, там дальше море. Вот это видно Свете. Света просто тупо сидит. Нельзя сказать, что она о чём-то страшно умном думает. Нет. У лица Светы довольно туповатое выражение.

К Свете подходит молодой человек в плавках. Видно, что он только что совершал действие, обычно обозначаемое словом «купаться». Обыкновенный такой парень, не толстый и не перекачанный, просто нормальный такой парень, в плавках. И между ними происходит следующий разговор:

– Здравствуйте, а можно к вам присесть?

– Здравствуйте. Ну, я не могу вам запретить. Это общественное место.

– А так бы запретили?

– Что значит – «а так»?

– Ну, если бы это была ваша скамейка.

– Может, и запретила бы. Ну вы садитесь, садитесь.

Парень садится.

– Здравствуйте.

– И вам не хворать, как говорится. Вроде бы уже поздоровались.

– Я хотел спросить: а что же вы не купаетесь?

– Знаете, трудно ответить на ваш вопрос. Мне кажется, более естественным был бы вопрос «а что же вы купаетесь?».

– Да? Почему?

– Ну, хотя бы потому, что не купаться более естественно, чем купаться. То, что вы спросили, это всё равно что «а что же вы прыгаете с парашютом?».

– Но ведь купаться – это ведь совсем не то же самое, что прыгать с парашютом.

– В плане осмысленности и необходимости того и другого – это ровно то же самое.

– Ну почему же?

– Ну как. Вы что, водолаз? Вы занимаетесь подъёмом затонувших судов? Или расчисткой берегового дна?

– Нет...

– Зачем вам тогда лезть в воду?

– Ну...

– Так же и с прыжками с парашютом. Простите, вы десантник? Ваш воинский долг состоит в том, чтобы десантироваться с воздуха и овладеть тем или иным, я не знаю, плацдармом?

– Нет, но...

- Что но?
 - Ну, это ведь приятно, круто. Крутые впечатления.
 - М-м-м, понятно, крутые впечатления.
 - Ну а что.
 - Да нет, ничего.
 - Наверное, вы правы.
 - Ну ещё бы.
 - А можно с вами познакомиться? Простите...
 - А за что вы просите прощения?
 - Ну... за то, что решил с вами познакомиться.
 - А это какая-то вина?
 - Нет, наверное...
 - Ну хорошо, давайте познакомимся. Я Света.
 - Меня зовут Виталий.
 - Могли бы сказать просто: «Я Виталий».
 - Ну да. А чем плохо «меня зовут»?
 - Да ничем не плохо. Кроме того, что, представляясь так, вы теряете субъектность.
 - Это как?
 - Да очень просто. Когда вы говорите «меня зовут», вы не говорите, кто вы, вы говорите, как вас опознают окружающие.
 - Ну, в общем, да. Это крутая идея.
 - Как вы легко согласились! Но ведь иметь имя – это ровно то же самое! Что-то вы, Виталий, недодумываете!
 - Да, верно. Наверное. То есть то, что я Виталий, лишает меня субъектности? Что это, типа, не я?
 - Ну конечно. А вы как думаете.
 - А то, что вы – Света? Это тоже лишает вас субъектности?
 - Ну ещё бы. Конечно. Ещё имя такое – Света. Обхохочешься. Ещё бы Таней назвали.
 - Ну почему. Света – тоже хорошее имя.
 - Тоже, да. Да не в этом дело.
 - Да, я понимаю.
- Повисает долгая пауза.
- Света, а вы можете о себе рассказать?
 - Легко. Я филолог, занимаюсь русской литературой двадцатых – тридцатых годов.

- Круто.
- Ну хорошо, если круто. А вы.
- Я... как вам сказать... Я писатель.
- Господи.
- Ну... да. А что вас так огорчает?
- Даже не знаю, как вам сказать. Ладно, будем считать, что ничто меня не огорчает.
- Вы простите меня, но интересно, почему такая реакция.
- Да это такое, профессиональное. Со многими писателями приходилось общаться.
- Это был какой-то негативный опыт?
- Ну как вам сказать. Да нет, в общем-то.
- Ну... простите, если я вас огорчил.
- Да нет, ничего. Ну. Расскажите о своём писательстве. Простите, я просто не знаю, как правильно спросить. Это такое дело. «О чём вы пишете» – несусветная глупость, ну мы же понимаем. Поэтому я просто хочу вас спросить о вашем писательстве. Вы как-нибудь своими словами расскажите.
- Ну, я пишу прозу. Рассказы. У меня две книжки.
- А где вышли?
- На *Ridero*.
- А, понятно. Самиздат.
- Ну да. А что? Куда нормальному автору идти?
- Ну куда. В «Эксмо», в АСТ, куда. В «НЛО» можно попробовать, в «ОГИ». Есть куда.
- Ну там же только своих печатают.
- Своих – это кого?
- Ну, я не знаю. Но если ты просто с улицы пришёл, тебя не напечатают. Надо чтобы тебя знали. Своих они печатают.
- Ну понятно.
- А что? Я не прав?
- Да как вам сказать. Это всё очень зависит от того, что писать.
- Да ладно, они же ведь не читают, если не кто-то свой прислал.
- Ну, если вам хочется, пребывайте в этих своих иллюзиях.
- А что, это не так?
- Ну как вам сказать. Дико много зависит от качества текста. Если текст хороший, то у него есть перспективы, если нет, то нет. Всё очень просто.
- Но есть ведь гении, которых не печатают?

- Да, есть, конечно. Есть гении. Их правда все знают. В литературном мире. Но могут не печатать, да. И они как-то да, так, немного уныло существуют. Но это гении. Мы их всех знаем. А вы?

- Я не принят в этот ваш круг.

- Ну плохо, плохо. Что тут ещё сказать.

- Светлана... Света... а можно? Можно я вам мои тексты покажу?

- Ну а я могу как-то отказаться?

- Ну... я бы вас попросил.

- Ну вот видите. Вы мне выбора не оставляете. Ну давайте. Они у вас распечатаны? Ну надо же, как трогательно. Ну давайте, давайте, посмотрю.

Серёжа звонит маме. Сначала долгое время идут гудки. Очень долгое время. Но Серёжа ждёт. Потом вдруг мама берёт трубку.

- Алё.

- Мама? Мама, привет!

- Да. Добрый день.

- Мама, это я, Серёжа.

- Хорошо.

- Мама, ты меня хоть узнаёшь?

- Да, Серёжа.

- Ну хорошо. Как ты? Как ты себя чувствуешь?

- Нормально. Хорошо.

- Мама, мы можем как-то поговорить? Тебе не тяжело?

- Серёжа, мне не тяжело. Ты можешь говорить.

- Мама... как ты?

- Серёжа, я ничего.

- Ты дома? Тебе нужно что-то?

- Да, я дома. Нет, Серёжа, мне ничего не нужно.

- Мама... ты помнишь про меня? Ты помнишь, что со мной?

- Серёжа, да, я, конечно, помню. А что с тобой? Ты учёный. Ты молодой учёный. Ты учёный.

- Мама, а ты больше ничего не помнишь?

- Серёженька, да я всё помню. Помнишь, наши санки вот эти, с которыми мы на берег Яузы ходили? Помнишь? Помнишь фильм «Дознание пилота Пиркса»? Ух, страшный такой! Помнишь ведь, как в кинотеатр «Звезда» ходили. Помнишь? Помнишь школу твою, в Лялином переулке? Ты уже забыл, наверное. А я всё помню, сынок. Всё это помню.

- Да, мама, хорошо. Спасибо. Я тоже это всё помню.

- Ну вот и хорошо. Хорошо, сынок. Я помню, всё, всё помню.
- Хорошо, мама. Пока. Давай, счастливо. Звони, если что.
- Да, Петенька... Серёженька, да. Пока. Пока. Я не буду тебе мешать. Пока.
- Мама, а ты знаешь... ты знаешь? Ты...
- Да, Серёженька, знаю, знаю, ты молодец, ты хороший мальчик, пока, пока.
- Пока.

Серёжа во время прогулки (по прекрасному парку, ставшему за это время осенним и почти зимним) подходит к низкой ограде, оглядывается. Некоторое время стоит, смотрит. По территории парка, как всегда, гуляют люди, те же самые, что и всегда. Серёжа перелезает ограду, некоторое время стоит рядом с оградой, смотрит, ждёт, что произойдёт. Потом начинает идти, идёт вдоль ограды, идёт всё быстрее.

Группа людей в форме перед несколькими экранами смотрят на экраны, переговариваются.

- Опять пошёл наш орёл.
- Да, что-то оборзел.
- Ничего, ничего, смотрим. Пусть идёт.

Серёжа доходит до ближайшего метро, спускается в метро, у него есть с собой карта «Тройка», он проходит в метро по карте «Тройка».

Группа людей в форме перед несколькими экранами внимательно смотрят за передвижениями Серёжи.

- Метро. Ну ладно, метро – это нам проще.

Серёжа едет до станции рядом с домом его бывшей (или не бывшей, этого он не знает) жены Светы. Выходит на поверхность, идёт от метро к дому жены, к своему бывшему дому. Идти минут десять, и вот он идёт.

Люди перед мониторами говорят:

- К бабе своей пошёл.
- Ага. Ладно, пусть пока идёт. Бабы, кстати, там всё равно нету.
- Кстати, да.
- Ладно, пусть погуляет.
- А что толку? Может, сразу ДВ врубим? Нет?
- Да подожди. Пусть погуляет. Чего сразу ДВ-то.
- Как скажешь, начальник.
- Пусть погуляет.

Серёжа приходит к дому своей жены Светы (к своему когда-то дому), набирает код подъездной двери, входит, поднимается на нужный этаж, звонит в дверь. Ему никто не отвечает. Серёжа безнадежно сидит на ступеньке лестницы внутри подъезда.

Серёжа ещё и ещё раз звонит в дверь. Никакого результата нет. Люди перед мониторами говорят:

- Баба уехала давно. Мучается чувак. Я считаю, надо ДВ врубать. Чего он там

сидит?

- Давайте ещё подождём. Вдруг кто-то придёт.
- Палыч, ну ты известный садист.
- Не хера в нашу машину попадать.
- Тоже верно.
- Ребят, он уже сорок минут сидит. Давайте врубить.
- Да, давайте. Степаныч, давай, расписывайся там у тебя. Тебе кнопарь нажимать.
- Стоп, стоп. Не спешим. Щас всё сделаем.

Степаныч, худой, высокий человек, распечатывает на принтере две страницы текста, просматривает их, быстро подписывает, ставит печать, убирает страницы в папку, убирает папку на полку.

- Короче, чего он там.
- Да сидит на лестнице. В подъезде.
- Ну хорошо. Всем приготовиться.
- Контроль периметра?
- Есть контроль периметра.
- Включаю ДВ.
- Есть ДВ, включайте.

Степаныч нажимает синюю кнопку. В помещении начинает слышаться очень приглушённый вой.

Серёжа сидит на лестнице, ждёт Свету. Его лицо передёргивается, или ещё можно сказать, по его лицу проходит судорога. Серёжу как будто бьёт током, но не смертельно. Серёжа вскакивает, пулей вылетает из подъезда и очень быстро бежит в сторону Комбината. Серёжа бежит, останавливается, переводит дух, снова бежит. Ему почему-то не приходит в голову воспользоваться общественным транспортом, он всё время бежит, бежит, иногда отдыхает. Потом снова бежит. Серёжа совершенно себя не контролирует, у него с уголка рта свисает слюна, у него совершенно дикий вид, единственное, чего он хочет, – поскорее добраться до Комбината.

Серёжа поскользывается на мокром снегу (да, уже выпал мокрый снег), Серёже вообще уже не очень удобно бежать. Но он добегает до ворот Комбината. Стучит в дверь. Дверь открывается, и его вволакивают внутрь какие-то незнакомые Серёже охранники.

- Ну что, Сергей Петрович, как вы? Как самочувствие?
- Вы меня извините. Вы меня извините. Вы меня извините. Вы меня извините.
- Да ладно, ничего, с кем не бывает.
- Вы меня извините. Вы меня извините. Вы меня извините. Вы меня извините.
- Сергей Петрович, ничего страшного. Всё нормально, вы уже в Комбинате, вы дома.
- Вы меня извините. Вы меня извините. Вы меня извините. Вы меня извините.

- Давайте пойдёмте. Давайте, вот сюда.

Серёжу ведут по системе коридоров и приводят его в его камеру/номер.

- Отдыхайте, Сергей Петрович. Сегодня был тяжёлый день у вас.

- Вы меня извините. Вы меня извините. Вы меня извините. Вы меня извините.

Дверь закрывается, Серёжа валится на свою двухспальную удобную постель и моментально засыпает.

Света в своём закрытом купальнике сидит на своей привычной скамейке и смотрит на море. Это продолжается довольно долго, и Света уже начинает надеяться, что Виталий не придёт. Но Виталий приходит.

- Светлана, добрый день!

- Виталий, добрый день. Всё же лучше не Светлана, а Света.

- Света, простите. Добрый день.

- Здравствуйте, Виталий. Надеюсь, что вы не придёте, но вот вы пришли.

- Света... простите, мне, может, уйти?

- Да нет, зачем. Будьте, если уж стали.

- Спасибо, Света. Хороший день сегодня.

- Ничего такой, да. Виталий, я прочитала ваши тексты.

- Да? Спасибо! Ну и как?

- Как вам сказать. Ну, они такие... хорошие, в общем, тексты. Крепкие. Крепкая, качественная проза. Знаете... сейчас хорошему автору трудно пробиться. Везде кумовство, только своих печатают. Да. В премиях одни и те же списки. Одним и тем же дают! Новому талантливому автору, вот как вы, например, не пробиться. Так что шансов у вас нет.

- А вам понравилось? Понравились рассказы мои?

- Да, отличные, прекрасные рассказы. Вы прекрасно пишете. Вот это запомнилось: «гладь пруда отражала...». Что она там отражала? Не помню.

- Красноватые всполохи вечернего неба, простите.

- Да! Гладь пруда отражала красноватые всполохи вечернего неба! Да! Это же великолепно! Прямо как будто видишь всё это – и гладь пруда, и всполохи вечернего неба. Вы просто художник слова!

- Да? Вам правда нравится?

- Конечно! Это же великолепно! Кто ещё, кроме вас, так красиво опишет вечерний закат!

- Правда? Вам понравилось?

- Ну конечно! Естественно! Как же могут не понравиться такие красочные, яркие, цветастые тексты. Цветистые, я бы даже сказала. Как цветы!

- Света, я не могу поверить. Вы серьёзно? Вам правда нравятся мои рассказы?

- Да, конечно, Виталий, они отличные. Жаль, что вам трудно придётся с вашими талантливыми текстами пробиваться в нашей насквозь коррумпированной литературе.

– А вы говорили... вчера. Помните? Что можно пробиться.

– Виталий, вы идиот?

– Я?

– Да, вы.

– Я...

– Да, вы. Виталий, вы и впрямь подумали, что вот эти вот, я даже не знаю, как их обозначить... вот эти, скажем так, текстовые массивы (рассказами мне их трудно назвать) мне могут понравиться?

– Значит... вы... вы меня обманули?

– Виталий, да нет, я вас не обманула. Вас невозможно обмануть. Можно обмануть крепкого, способного автора, сказав, что он гений вселенского масштаба. А вас обмануть нельзя. То, что вы пишете, – это, простите, звенящая пустота. Это даже не бездарность, это не «плохо написано», нет. Это просто такая, скажем так, яма, огромная яма. Пустая, на месте которой никогда ничего не будет построено. Поэтому я вас не обманула. Яму обмануть нельзя. Действительно, вас нигде не напечатают (хотя, кстати, почему, есть места, где такое любят, я могу подсказать). Да, вас будут затирать, будут отказывать вам в публикациях и премиях, будут публиковать и давать премии, как вы говорите, своим. И правильно будут делать. Потому что эти «свои», как вы выражаетесь, пишут примерно в миллион раз лучше вас, вот их и будут публиковать и давать им премии. Потому что они гораздо, несравнимо лучше пишут, чем вы. Такая вот, понимаете, несправедливость.

– Светлана... Света. А что же мне делать? Да и почему так? Мне вот говорили на семинаре в Липках, что это неплохо.

– Что делать? Очень просто. Надо просто писать дальше. Писать, знаете, невзирая на чьи-то там мнения, на критику. Писать, писать и писать. Выговаривать, нести людям своё слово. И люди, знаете, рано или поздно откликнутся. Не обращайтесь внимания на критику. Мало ли кто обругает талантливого писателя? Вот, например, приехала столичная фифа, мельком посмотрела и вынесла типа приговор. Ну и что? Да пошлите её на хуй! Прямо вот так – на хуй! И пусть сидит себе смотрит на море. А у вас ведь слово, у вас ведь смыслы! Вы ведь писатель! Вам важно донести до людей, до народа, смыслы, нравственные коды. Или как их. Ну, в общем, вот это вот всё. Я, кстати, серьёзно. Я бы вот так ко всему этому относилась, если была бы насквозь, абсолютно бездарным писателем. И вам советую именно так ко всему этому относиться.

– Света... я даже не знаю, что сказать.

– Ничего, Виталий, со временем будете знать, что сказать. Придёт и ваше время. Будете книжки подписывать, и очередь с улицы будет стоять. Будете знаменитым писателем. У вас всё для этого есть: звенящая, ликующая бездарность, девственный, не заполняемый ничем ум, отсутствие чувства юмора. Вы просто идеальный писатель нашей эпохи. Я вам вот что посоветую. Вам надо просто сделать над собой усилие и написать роман. Листов как минимум на десять. И вас ждёт просто грандиозный успех. Все премии получите, жизнь удастся.

– Я... Светлана... Я уже пишу. Пишу роман.

– А я так и думала. Я не сомневалась в вас. Ну вот и пишите. Только допишите обязательно! Минимум десять листов! Отлично! Вижу впереди вашу сияющую судьбу.

– Светлана, я... Вы считаете меня бездарем?

– Виталий, да не то чтобы я вас кем-то считала. Дело не в этом. Вы просто и есть

бездарь. Ваш вопрос – это ровно то же самое, что человек ростом в полтора метра подойдёт и спросит: а правда, что вы считаете, что у меня рост метр пятьдесят? Ну да, правда, но тут дело не в том, что я что-то там считаю, а в том, что просто ну вот рост метр пятьдесят.

– Светлана...

– Лучше Света.

– Света. Ну что же...

– Сейчас такой мем есть – ну штош.

– Я буду писать, как вы мне и посоветовали. А то, что я бездарь... Ну, бездарь. Что теперь. Но... я хотел сказать вам... Что вы очень красивая.

– Ну, это да. Видите, как судьба несправедливо распорядилась – вы бездарь, я красивая. Так бывает. Вы, главное, пишите.

– А можно ещё к вам сюда прийти?

– Я не очень понимаю, зачем вам это может быть нужно. Слушайте, я ведь назвала вас бездарем, и это, кстати, не вполне соответствует действительности. У вас хоть какая-то авторская гордость есть? Что, не можете послать на хрен красивую бабу-критика? Ну не будьте таким уж ничтожеством!

– Я... я...

– Знаете, как в советской армии говорили – головка от хуя! Я, я.

– Откуда вы знаете, как говорили в советской армии?

– Филолог должен знать все пласты языка, и я их все знаю.

– Зря вы матом ругаетесь. Такая красивая женщина.

– Вот первую часть вашего высказывания я ещё готова воспринять. Может, и впрямь не стоит. А вот вторую – нет. Какая разница, красивая или некрасивая. Не говоря уже о том, что я не просила вас оценивать мою красоту.

– Светлана... Света... Можно я ещё раз к вам сюда приду?

– Ну а что. Территория общественная, хотите – приходите. Я, правда, не знаю зачем, но если вам это для чего-то нужно, то вэлкам.

– Спасибо. Спасибо. Я...

– Я, я. Помните?

– Да-да, помню (усмехается). Головка...

– От хуя. Будьте смелее.

– Да, хорошо. Спасибо. Я завтра приду.

– Ну давайте.

– До встречи.

– До свидания.

Дальше мы видим Свету только с высоты, как будто её снимает дрон. Она полулежит на удобной скамейке со спинкой на дальнем участке морского пляжа. Она полулежит очень красиво. Ноги её вытянуты, она иногда слегка сгибает в колене то одну ногу, то другую. Потом опять разгибает. Это красивое зрелище. С

высоты дроновского наблюдения мы видим, как к Свете подходит Виталий, садится на краешек скамейки, они некоторое время говорят (наверное, говорят, мы их не слышим), потом Виталий, сгорбленный, уходит. А Света продолжает полужелать.

На следующий день мы видим, что Виталий приходит к Свете и уже с ощутимой уверенностью садится на край скамейки, а потом мы видим, что Света подвигается, и Виталий располагается на той же скамейке рядом со Светой. Он тоже полужелается рядом со Светой и смешно вытягивает свои нелепые бледные ноги.

И это не значит ничего.

Антон ведёт потрёпанного, внутренне покорёженного Серёжу к начальнику Комбината. Приёмная, секретарь. Подождите. Проходите. Серёжа проходит в просторный кабинет начальника Комбината.

– Здравствуйте, Сергей Петрович! Рад вас видеть, так сказать, в добром здравии!

– Здравствуйте. Вы извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста.

– Сергей Петрович, да вы не волнуйтесь. Вот, присаживайтесь. Антон, вы пока выйдите. Сергей Петрович, чаю? Давайте, давайте, у меня есть отличный дарджилинг. Давайте продегустируем. Даже если вы не ценитель чая, вы почувствуете. Катя! Катя, милая, сделайте нам чайку. Я вчера принёс, вы видели. Дарджилинг. Вот его заварите, пожалуйста.

– Вы... вы... вы извините, пожалуйста.

– Сергей Петрович, я тогда к делу, раз вы настаиваете. Сергей Петрович, у нас тут, конечно, как вы видите, порядки очень свободные. Много можно, за побеги не наказываем. Да. За побеги не наказываем. По новому законодательству. Кстати, знаете, что было бы вам по старому законодательству? Ладно, хорошо, я не буду, не буду. У нас нет цели вас запугать.

Серёжа склоняется над столом, почти касается лбом столешницы, начинает монотонно бормотать:

– Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста.

Начальник Комбината некоторое время не без странного удовольствия смотрит на Серёжу, слушает его одинаковые реплики. Потом легко касается рукой задней стороны шеи Серёжи. Серёжа дёргается, принимает прямое положение, смотрит невидящими глазами.

– Сергей Петрович, вы не волнуйтесь. Уже завтра утром всё пройдёт, вы будете чувствовать себя совершенно здоровым человеком. А сейчас – ну да. «Доброе возвращение» – довольно жёсткий инструмент. Я вас понимаю. Но и вы нас поймите. Мы же должны вас как-то возвращать. Ну вот мы и возвратили. По-доброму, так сказать.

– Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста.

– Сергей Петрович, да вы не переживайте. Вы меня сейчас слышите? Понимаете?

Серёжа вдруг обретает осознанность взгляда, словно бы просыпается.

– Да. Да, господин начальник Комбината. Я слышу вас, понимаю.

– Сергей Петрович, можно просто по имени-отчеству, Василий Палыч, как у нас, русских людей, принято.

- Да, Василий Палыч. Спасибо. Я вас слушаю.

- Сергей Петрович, дорогой вы мой человек. Как вы знаете, мы не наказываем за побег. Стремление к свободе – естественное свойство человеческой природы. Но и вы нас тоже поймите. Если вы вот так, на постоянной основе, будете гулять, мы тоже будем вынуждены принять некоторые меры. Как-то более внимательно за вами следить, контролировать вас. Вы понимаете?

- Да, господин... Василий Палыч, да, я понимаю.

- Ну хорошо.

Начальник Комбината склоняется к Серёже, легко касается задней стороны шеи Серёжи. Серёжа дёргается всем телом.

- Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста. Извините меня, пожалуйста.

- Хорошо, хорошо, достаточно. Ну, вот видите?

Начальник Комбината склоняется к Серёже, легко касается задней стороны шеи Серёжи. Серёжа как-то резко расслабляется, фокусирует взгляд.

- Сергей Петрович, я надеюсь, что у нас в дальнейшем не будет взаимного непонимания на этот счёт. Насчёт побегов. Договорились?

Сияющая улыбка начальника Комбината.

- Да, конечно. Да, вы извините меня. Знаете, как-то много стрессов было. Как-то вот... перенервничал.

- Сергей Петрович, ну конечно, ну что же мы, звери какие, да мы всё понимаем. Я всё, всё прекрасно понимаю. Это обычное дело. Не вы первый, как говорится, не вы последний.

- Да... да-да-да.

- Вот и хорошо, Сергей Петрович. Если вы не возражаете, я тут займусь делами. Трудный сейчас период, отчёт годовой надо сдавать. Вы ведь у нас уже год?

- Кажется, ещё нет. Я весной прибыл.

- А, ну, значит, полгода, больше уже. Скоро год. Будете наш ветеран.

- Василий Палыч, а можно вопрос? Скажите... я вот тут думал... а правда, что нас тут ведь не расстреливают? Кажется, ни одного расстрела пока не было. Пока я здесь.

- Сергей Петрович, это хороший вопрос. Я рад, что вы думаете об этом. Но, увы, мне нечего вам сказать сверх того, что я говорил вам при первой встрече и при заселении. Программа настроена на расстрел в день, который никто из нас не знает. Я очень сочувствую вам, понимаю, как тягостно вот это ожидание. Говорят, что некоторые заключённые думают, что уже скорее бы, быстрее бы наступила эта определённая. Но мне кажется, что нужно наслаждаться каждым моментом жизни. Вы можете прожить долгую жизнь и спокойно умереть здесь в глубокой старости. Мне кажется, надо просто настраиваться на это. А там – как бог даст. А то, что расстрелов не было, – ну так вы у нас пока ещё года не пробыли. Значит, программа не определила никому расстрела в дни вашего пребывания. Ну и хорошо, я считаю. Не так ли?

- Не так ли. Мистер Нетакли.

- Что? Сергей Петрович, я понимаю вас. Вам надо сейчас просто пройти в номер...

в вашу камеру... и поспать. Поспите спокойно, завтра утром действие «Доброго возвращения» уже прекратится. Надо просто перетерпеть. И не делайте так больше, хорошо?

- Да. Конечно. Хорошо.

- Ну вот и славно. До свидания, Сергей Петрович! Хорошего вам дня!

- И вам тоже. Спасибо. До свидания. Дня. Дня. Д... Д... ня.

Слышится осторожный стук в дверь. Да, войдите. В камеру (номер) Серёжи входит Борис Михайлович, раввин, служитель иудаизма.

- Сергей Петрович, можно к вам? Здравствуйте!

- Да, Борис Михайлович, конечно.

- Как вы?

- Ну, как. Да нормально. Ожидаю смертную казнь, к которой приговорён за Страшное Преступление.

- Да, Сергей Петрович, понимаю. Да.

- Да - в смысле, что преступление действительно страшное?

- Ну нет, что вы. Я же ещё с самого начала сказал, что, на мой взгляд, тут нет вообще никакого преступления.

- Ну спасибо, Борис Михайлович. Вы простите меня, ради бога. Просто, знаете, уже чудятся разные вещи.

- Да я понимаю вас прекрасно, Сергей Петрович. Футбол смотрите?

- Да так, поглядываю.

- Неинтересно стало, да? «Зенит» всех крушит, уже понятно, кто чемпионом станет.

- Да. В общем. Как там «Торпедо» ваше? В вышку собираются?

- Да пока непонятно. Инвестор ни да ни нет не говорит. Похоже, не собираются. Так и будем бултыхаться между «Балтикой» и «Тюменью».

- Да, сочувствую. У нас, если вдуматься, не лучше.

- Ну у вас перспективы. Вон молодёжь какая. Вообще!

- Да, есть хорошие. Но перспектив, я думаю, у них особых нет. Бомжи купят, посадят на лавку, и всё. Или мясо. Будут у мясных блистать.

- Бомжи - это кто, простите?

- «Зенит».

- А. Ну да. Я, знаете, не разбираюсь в этих вот фанатских кличках.

- Ну и правильно. Это нам, филологам, надо разбираться, а не раввинам.

- Тоже верно. А сборную смотрели? С чехами-то как, а?

- Да, видел. Да ничего особенного на самом деле. Они безнадёжные.

- Да. Позор, просто позор.

- Борис Михайлович, а вы за нашу сборную болеете? За Россию?

- Ну конечно. А как же?

- Вы меня простите, пожалуйста. Я, наверное, в обычной жизни такой вопрос бы не задал, но мне сейчас, как говорится, бояться нечего. Я хотел спросить...

- Насчёт национальной самоидентификации?

- Ну, как бы да. Это же сборная России. Вы, еврей, раввин, за Россию? Действительно? Прошу заметить, я вас спрашиваю, имея в виду, что я сам далеко не уверен, что я за Россию.

Борис Михайлович снимает очки, протирает, снова надевает.

- Сергей Петрович. Я, конечно, мог бы обидеться, сказать что-то про антисемитизм и так далее. Но... я знаю, что вы хороший человек. Хороший русский человек. Я это сразу понял. Поэтому я на вас не обижаюсь. Сергей Петрович, да, я за Россию. Ну а за кого мне быть? За кого болеть? За Израиль? Я там даже не был ни разу.

- Но это ведь ваша страна. Хорошо, когда где-то в мире есть ваша страна. Которая всегда примет, защитит. Израиль – отличная страна. Я бы на вашем месте был бы как раз за Израиль.

- Но вот видите, вы не на моём месте. Знаете, я не то чтобы очень сильно об этом думаю. Я многие вещи от отца перенял. Он простой человек был, работал инженером на ЗИЛе. Стопроцентный еврей. Предки – раввины из местечек белорусских. За «Торпедо» болел и меня приучил, я уже говорил вам, кажется. Он был, знаете, настоящий советский патриот. Любил нашу страну, искренне. Я его по молодости про Израиль спрашивал, он говорил, что да, это тоже наша страна. Но главная наша страна – Советский Союз. Ну вот. Я не знаю, это от отца или нет, но вот я тоже. Я люблю Россию, это моя страна, моя культура. Да, я нашу еврейскую культуру, конечно, тоже люблю, это моё, родное. Но... я русский еврей, понимаете. Вот знаете, в Нью-Йорке всех русских евреев называют русскими, и они себя сами так называют. Ну вот, так и я. Как-то привык быть за Россию. Не хочу никуда отсюда уезжать. Не знаю. Трудно, может быть, объяснить. Просто вот как-то так. Люблю Россию, русских. Да мы от них, от вас в смысле, ничем толком не отличаемся. Да. Это трудная тема, не все мои соплеменники и единоверцы меня поймут, но вот так.

- Кстати, да, я тоже особых отличий как-то не вижу.

- Ну вот да. Так что я, да, за нашу сборную. За сборную России. Хотя, конечно, позорище страшное.

- Борис Михайлович, спасибо, я поймал себя на мысли, что мне почему-то приятно это слышать. Хотя я сам – не бог весть какой патриот. Немного, знаете, привык скептически к нашей несчастной родине относиться. Знаете, как у нас, у русских, принято – со смешком, с усмешечкой.

- Да, знаю. С усмешечкой. Понимаю это.

- В общем, спасибо. Спасибо вам от русского недопатриота.

- Да... вот так как-то...

Повисает долгая томительная пауза.

- Сергей Петрович. Вы простите меня, конечно. Я вот что думаю. Мы с вами говорим, говорим.

- И как-то всё без толку, да?

- Ну, как бы да. Немного уже по кругу пошло, вам не кажется?

- Кажется, уже раза со второго.

- Ну вот.

- Да.

- Сергей Петрович, мне кажется, нам надо прекратить вот это, извините за выражение, моё духовное окормление. Мне кажется, это уже давно стало профанацией.

- Да, Борис Михайлович, вы правы. Это потому, что я уже фактически умер.

- Кстати, да.

- С мёртвым трудно говорить о религии, да и вообще трудно говорить, я понимаю.

- Знаете, да. Спасибо, что говорите это за меня. В общем, мне кажется, для нас обоих будет правильно подписать бумагу о прекращении моего духовного окормления.

- Ну давайте, я лично не против. Действительно, смысла особого не имеет всё это.

- Тем более что, если вдруг будет нужно, вы всегда сможете меня вызвать. И я приду. Это просто будет уже не на регулярной основе, а тогда, когда у меня время будет.

- Думаю, что не будет такой необходимости.

- Я почему-то тоже. Сергей Петрович, у меня формальный вопрос, который я должен задать. Вы хотите принять иудаизм?

- Нет.

- Хорошо, понял вас. Я знал, просто формально должен был задать этот вопрос при окончании нашего, так сказать, общения.

- Да, я понимаю. Мулла тоже спрашивал. Только лама ничего такого не спрашивал, бумагу сразу сунул на подпись, и дело с концом.

- Да, Тамир - он такой! (Смеётся.) Ему по барабану все эти наши правила.

- Я так и понял. Ну давайте, где мне там расписаться.

- Вот, смотрите, я везде галочки поставил, вот везде, где галочки, расписывайтесь.

Серёжа несколько минут пребывает в поисках галочек и в оставлении на документе своей подписи.

- Вот, хорошо, спасибо.

- Спасибо вам, Борис Михайлович.

- Ну что, я пойду?

- Ну, давайте. Спасибо вам большое, я сейчас совершенно искренне говорю. Спасибо, что провели со мной время. Вы хороший человек, всегда буду о вас помнить.

- И я о вас тоже.

Серёжа встаёт, чтобы проводить Бориса Михайловича, и как-то так получается, что они обнимаются и долго стоят обнявшись, хлопая друг друга по спинам.

- Ну, я пойду. Давайте, держитесь.

– Да. Давайте. Спасибо. Вы тоже держитесь, кстати.

– Да уж, действительно.

– Всё, давайте.

– Давайте.

Мы видим раввина Бориса Михайловича. Он сначала идёт по улице, потом едет в метро, потом едет на автобусе. Борис Михайлович выходит из автобуса и идёт по дорожке между домами домой. Борис Михайлович подходит к подъезду, набирает код, открывает дверь, поднимается по маленькой лесенке к лифту, вызывает лифт. Борис Михайлович едет в лифте на девятый этаж. Борис Михайлович выходит из лифта, достаёт из кармана ключи, открывает дверь, входит в квартиру.

Мы видим квартиру Бориса Михайловича. Это маленькая двухкомнатная квартира. Кроме Бориса Михайловича, в ней никого нет. Квартира выглядит довольно убого. В ней мало мебели, а та, что есть, уныла и облезла. Какой-то топчан. Какой-то диванчик. Какой-то шкафчик. Столик, стулик. Какое-то всё такое. Какое-то маленькое, убогое.

Борис Михайлович снимает в коридоре обувь, проходит на кухню. Некоторое время стоит посреди кухни. Хотя что значит – посреди. Можно стоять посреди какого-то большого пространства, а в кухне Бориса Михайловича тесно, поэтому он стоит не то чтобы посреди кухни, а просто в кухне, теснимый разными мелкими предметами. Борис Михайлович достаёт из холодильника бутылку вина, смотрит на неё, потом ставит её обратно, достаёт бутылку водки, достаёт из буфета стакан, наливает в него водку. Берёт стакан. Подходит к окну. Открывает окно. Стоит со стаканом водки в руках и смотрит в окно. В окно видны другие дома, такие же унылые, как и дом Бориса Михайловича. Между домами видна улица, по улице едет разнообразный транспорт, движение довольно оживлённое.

Борис Михайлович отпивает немного водки из стакана и говорит вполголоса: почему так. Почему всё так. Почему это всё так. Господи, почему всё это так. Господи, скажи мне, почему это всё вот так.

Мы видим Серёжу в вечернем расслабленном состоянии. Он сидит за компьютером у себя в номере/камере, на столе, как это с ним в последнее время обычно бывает, стоит бутылка виски, открытая картонная коробка с пиццей, ещё какая-то закуска. Серёжа делает очередной пост сразу во все социальные сети. Серёжа заливает снятый им видеоролик, на ролике запечатлён его проход по Красной зоне. Серёжа орёт: «Саша, привет!», «*Fuck you, Sasha!*», кривляется, корчит рожи в адрес Саши, показывает ему фак, в общем, всячески глумится и выражает своё бесстрашие. Серёжа добавляет подпись: «Это мои ежедневные развлечения с Сашей. Он прямо сейчас может меня расстрелять, но, как видите, не расстреливает. Я могу спокойно (это очень смешно, да) жить до следующего утра». Серёжа видит очередной взрыв лайков, подписок. У него уже, кажется, 300 тысяч подписчиков. Комментарии струются неостановимой лентой.

Как жаль, что мы не увидим ролика, в котором Саша тебя действительно размазывает по этому кафельному полу.

Когда же ты, наконец, сдохнешь, педофильская тварь!

Сергей, вы очень мужественный человек, я во всём поддерживаю вас.

Парень, это правда круто, такого я больше нигде не видел, держись, ты крут!

Немного жаль, что талантливый и успешный филолог опустился до уровня блогера-смертника.

Я против смертной казни.

Я тоже против смертной казни.

Я считаю, что правильно восстановили смертную казнь. Таким ублюдкам не место в нашей жизни и в нашей стране.

Я против смертной казни.

Друзья, давайте здесь, в комментах, запустим флешмоб против смертной казни. Кто действительно против, напишите просто коммент: «Я против смертной казни».

Появляется вал комментариев «Я против смертной казни», эти комментарии перемежаются другими комментариями:

А я за.

Надо таких убивать, и как можно более жестоко.

Сажать на кол таких.

Тебя, вонючее козлище, и таких, как ты, надо сжигать в печах. Заново открыть Освенцим и жечь вас там всех таких.

В общем, мнения аудитории разделились.

Серёжа вяло наблюдает за лавиной комментов, не отвечая ни на один из них. Серёжа отхлёбывает виски, закусывает пиццей. Серёжа в какой-то момент обнаруживает, что его пост удалён, что он забанен на неделю за публикацию шокирующего контента. В большинстве других его аккаунтов его тоже банят. Более того, он видит, что удалены все его посты, связанные с тюрьмой и смертной казнью.

Серёжа везде заблокирован. В его распоряжении остаётся только одна соцсеть, которой он никогда не пользовался и держал её просто на всякий случай. В этой сети у него практически нет друзей. Вернее, не практически, а просто – нет.

Серёжа отхлёбывает. Серёжа в отчаянии отхлёбывает. Серёжа отхлёбывает.

Серёжа выходит на прогулку в сопровождении одного из охранников. Серёжа теперь съедает завтрак машинально, без особого аппетита, но и без отвращения. Серёжа спокойно вступает в Красную зону, оборачивается, криво улыбается, говорит: «Саша, привет!» и идёт дальше, на прогулку.

Серёжа выходит на прогулку в сопровождении одного из охранников. Серёжа теперь съедает завтрак машинально, без особого аппетита, но и без отвращения. Серёжа спокойно вступает в Красную зону, оборачивается, криво улыбается, говорит: «Саша, привет!» и идёт дальше, на прогулку.

Серёжа на прогулке. Уже зима. Серёжа сидит на своей обычной скамейке, смотрит на московскую жизнь. Стоит промозглая погода, падает мокрый снег. По улице полубегут люди, старающиеся как-то минимизировать воздействие снега с дождём. К перекрёстку подъезжает синий автобус, долго ждёт у светофора, потом медленно начинает движение, неуклюже поворачивает на улицу вдоль стены Комбината и уезжает куда-то туда, в пространство, про которое Серёжа уже мало что понимает.

Серёжа выходит на прогулку в сопровождении одного из охранников. Серёжа спокойно вступает в Красную зону, оборачивается, смотрит на Сашу, ничего не говорит, выражение его лица не меняется. Серёжа идёт дальше, на прогулку.

Осторожный стук в дверь. Да, войдите. Входит отец Павел.

– Сергей Петрович, здравствуйте. Можно к вам?

- Отец Павел, да, конечно.

- Ну, я не буду задавать обычного вопроса «как вы?». Если вы не возражаете и если нужно, я просто посижу тут с вами. Вы мне сами скажите, где мне посидеть. Чтобы вам было удобно.

- Отец Павел, да вы садитесь, где вам удобно.

- Ну, давайте я тогда на стул сяду, а вы ложитесь, поспите. Мне сказать-то уже вам особо нечего, как вы уже, наверное, давно заметили. И вам мне тоже.

- Отец Павел, а я хотел спросить.

- Да? Даже немного неожиданно. Давайте, конечно. Видите, жизнь дарит нам разнообразие.

- Отец Павел, я хотел вот что у вас спросить. Вы ведь тут уже давно служите?

- Ну как... Года четыре уже. Как раз когда смертную казнь опять ввели.

- Я просто думаю... Я вот уже тут больше полугода. Ни разу не слышал, чтобы пулемёт стрелял, вернее, один раз слышал, ночью, но мне сказали, что это были профилактические стрельбы холостыми, чтобы пулемёт не застаивался. А так - нет.

- Ну... это нам, простым смертным, недоступно. Как и по каким каналам поступает смерть здешним заключённым. Может, тут и не всех расстреливают, кто знает.

- Меня вот каждый день выводят на прогулку. Уже восемь, или сколько там, месяцев. Каждый день. И я каждый день вижу примерно одни и те же лица на прогулке. Нам ведь там запрещено общаться.

- Я не знал.

- Да, там сразу ко мне такой чувак конкретный подошёл и сказал, что не надо ни к кому приставать с разговорами. Ну и я вижу, они там все поодиночке гуляют. Одни и те же лица. Плюс немного новых, периодически.

- Сергей Петрович, простите, но я это не могу никак прокомментировать. Моё дело, как вы понимаете, маленькое - просто приходить к вам, навещать вас, говорить с вами. С заключёнными, с приговорёнными к вот этой самой... к смертной казни. А как там у них всё устроено - я не знаю. Не моё это дело.

- Отец Павел. Я знаете что думаю. Может, они нас тут вообще не расстреливают?

- Ну... может, и так.

- Как-то странно всё это.

- Может, и не расстреливают.

- Может, это наказание такое? Не расстрел, а вот такой дамоклов меч?

- Сергей Петрович, я, честно, не знаю. Но, кстати, ваша версия кажется мне правдоподобной. Может, и так. Ох, уволят меня за такие с вами разговоры... Из сана, может, не извергнут, но в служении, боюсь, запретят. Сергей Петрович, я ничего точно не знаю, вы поймите меня, пожалуйста.

- Спасибо вам, отец Павел.

- Да за что же?

- Ну... вы... даже не знаю. Спасибо вам. Вы, я вот хотел сказать... хороший священник.

- Ох... да ладно вам. Хорошие священники по тюрьмам не служат.
- Ну а может, как раз наоборот, нет?
- Я не знаю, какое тут может быть наоборот. Давайте откровенно: моя эта вот служба здесь – это служба неудачника, я – священник-неудачник. Нормальные священники в моём возрасте уже протоиереи, а ещё лет пять – и настоятели серьёзных храмов. А я? Вы понимаете, кто я? Я священник при тюрьме, из которой нет выхода.
- О! Мулла точно так же сказал. Тюрьма, из которой нет выхода.
- Ну да. Так и есть.
- Вы прямо все поэты.
- Да ладно. Какая в этом поэзия.
- Ну, мощно так звучит. Тюрьма, из которой нет выхода. Как-то прямо по-библейски.
- Ну, вам виднее. Как филологу.
- Так вот. Я бы хотел вернуться. Вы хороший священник.
- Ну, спасибо. Даже не знаю, чем я заслужил такую вашу оценку. Но и не обязательно говорить.
- Ну я тогда и не буду. Вы и сами это понимаете.
- Спасибо, конечно. Я очень тронут.
- Отец Павел, скажите, а ведь правда, они меня не расстреляют? Я могу жить вот так, как я живу... вот так прозябать. Без семьи, без друзей, забаненный в интернете... жить вот так вот, на всём готовом, просто жить, существовать вот так. Правда? Я правильно понял?
- Да.
- Вы сейчас серьёзно?
- Сергей Петрович, ну вы уже, кажется, поняли, что я не очень серьёзный человек. Мне не надо особо верить. Просто мне кажется логичной ваша эта вот идея. Ну всё, меня теперь точно отправят за штат. Наговорил. И... и я вот сейчас немного приду в себя... Сергей Петрович, всё, что я вам сказал, относится только к моим личным предположениям, а не к распорядку нашего Комбината. Прошу понять меня правильно.
- Отец Павел, спасибо. Я вас понял.
- Да не за что. Если мы ещё увидимся, я буду рад.
- Я не знаю. Но, по крайней мере, я не буду подавать прошение о прекращении вашего духовного окормления.
- Ну... спасибо. Если смогу быть чем-то вам полезен, то буду рад. А вы не хотите просто поспать? А я бы побыл тут, рядом с вами?
- Да, хотел бы. Это вы очень хорошо придумали. Пожалуй, это лучшее, что тут было за всё это время со мной.
- Ну, ложитесь. А я тут, на стуле, посижу.
- Спасибо вам, отец Павел.

- Да не за что. Давайте, ложитесь. Спите. Вам надо поспать.

Серёжа вытягивается на своём ортопедическом матрасе, закидывает руки за голову и постепенно засыпает. Отец Павел, убедившись, что Серёжа уснул, уходит.

Серёжа выходит на прогулку в сопровождении одного из охранников. Серёжа спокойно вступает в Красную зону, оборачивается, смотрит на Сашу, ничего не говорит, выражение его лица не меняется. Серёжа идёт дальше, на прогулку.

Серёжа выходит на прогулку в сопровождении одного из охранников. Серёжа спокойно вступает в Красную зону, не оборачивается, просто проходит по Красной зоне, выражение его лица не меняется. Серёжа идёт дальше, на прогулку.

Серёжа выходит на прогулку в сопровождении одного из охранников. Серёжа спокойно вступает в Красную зону, не оборачивается, просто проходит по Красной зоне, выражение его лица не меняется. Серёжа идёт дальше, на прогулку.

Серёжа на прогулке. Уже конец зимы. Серёжа сидит на своей обычной скамейке, смотрит на московскую жизнь. Температура где-то около нуля. Приятно, нет снега, не особо холодно. По улице идут люди, наслаждающиеся довольно приятной, по московским меркам, погодой. К перекрёстку подъезжает синий автобус, долго ждёт у светофора, потом медленно начинает движение, неуклюже поворачивает на улицу вдоль стены Комбината и уезжает куда-то туда, в пространство, про которое Серёжа уже мало что понимает.

Серёжа сидит у себя в камере/номере за столом. На столе - бутылка виски *Jameson*, бутылка какого-то красного вина, несколько пластиковых контейнеров с морепродуктами. Серёжу разбанили в фейсбуке и других основных соцсетях. Серёжа обзвевает свои аккаунты. В фейсбуке у него осталось 5000 подписчиков, в инстаграме - 4000. Серёжа делает пост, сразу во все соцсети. «Друзья, наконец-то меня разбанили! Мои репортажи из тюрьмы, из которой нет выхода, продолжают! Теперь не будет такого шок-контента. Теперь я буду рассказывать вам о том, что я чувствую, находясь здесь, в тюрьме, из которой нет выхода, в ожидании смертного приговора». Серёжа, пока пишет этот пост, понимает, что его популярности пришёл конец. 4000, 5000 подписчиков - это конец. Серёжа всё же публикует пост.

Вялые комментарии.

Чтоб ты сдох, педофильское чмошище.

Хорошо, что тебя теперь все забыли.

Это прикольно - тебя теперь все забыли, и тебя убьют. Не вышло из тебя супергероя, ну, так тебе и надо!

Я всегда вас поддерживала и сейчас поддерживаю. Вы ни в чём не виноваты.

Все студенты вас любят и поддерживают. Держитесь, пожалуйста.

Да кому ты теперь интересен, уёбок.

И эти вялые комментарии быстро иссякают.

В фейсбуке у него осталось 3000 подписчиков, в инстаграме - 2500.

Серёжа на прогулке. Уже почти совсем конец зимы и начало весны. Серёжа сидит на своей обычной скамейке, смотрит на московскую жизнь. Температура где-то около пяти. Приятно, нет снега, не особо холодно. По улице идут люди, наслаждающиеся довольно приятной, по московским меркам этого времени, погодой. К перекрёстку подъезжает синий автобус, долго ждёт у светофора, потом медленно начинает движение, неуклюже поворачивает на улицу вдоль стены Комбината и уезжает куда-то туда, в пространство, про которое Серёжа уже мало

что понимает.

Мы видим Свету, выходящую из такси в своём дворе. Света очень изящно вылезает из машины, водитель помогает ей достать из багажника два чемодана. Света говорит: «Спасибо», водитель говорит: «Вам спасибо», Света, сторбив свою красивую фигуру, бредёт со своими чемоданами к своему подъезду, садится на лавочку около подъезда, достаёт из сумки на плече бутылку виски, отхлёбывает, откидывается на спинку удобной скамейки. Ещё отхлёбывает. Снова откидывается. И долго, неподвижно, бесконечно смотрит в одну точку.

Света достаёт телефон, выбирает в списке звонков нужный номер, звонит.

– Да, Света! Привет!

Света не отвечает.

– Света, алло, алло!

Света не отвечает и нажимает красную кнопку (отбой).

Света откидывается на спинку скамейки. И долго, неподвижно, бесконечно смотрит в одну точку.

Деликатный стук в дверь, да, войдите, в комнату/номер Серёжи входит Антон. Ввозит тележку с едой. Серёжа ест, потом они, даже не оговаривая этого, выходят на прогулку. Серёжа, проходя по Красной зоне, слегка оборачивается, слегка машет, говорит вполголоса: «Саша, привет!» и идёт вместе с Антоном дальше, в направлении прекрасного парка. На выходе из корпуса Серёжа останавливает Антона. Мы видим их издали (мы уже говорили, что это похоже на фильм, ну вот). Серёжа что-то говорит Антону, Антон кивает и вдумчиво слушает, снова кивает и даже слегка треплет Серёжу по плечу. Антон кивает, приобнимает Серёжу (это нехарактерно для их общения), и они идут дальше, в парк.

Серёжа на прогулке. Уже почти совсем весна. Серёжа сидит на своей обычной скамейке, смотрит на московскую жизнь. Температура где-то около десяти. По улице идут люди, наслаждающиеся довольно приятной, по московским меркам, погодой. К перекрёстку подъезжает синий автобус, долго ждёт у светофора, потом медленно начинает движение, неуклюже поворачивает на улицу вдоль стены Комбината и уезжает куда-то туда, в пространство, про которое Серёжа уже мало что понимает.

Деликатный стук в дверь. Да, заходите! В дверях появляется Антон (а кто же ещё). Антон вталкивает в номер/камеру Серёжи тележку с завтраком.

– Здравствуйте, Сергей Петрович!

– Здравствуйте, Антон!

Серёжа то ли съедает завтрак, то ли не съедает. Какая разница. Серёжа и Антон выходят в коридор.

Мы видим длинный коридор, мы видим его перспективу. Коридор белый, то есть стены его выкрашены белой краской. Коридор длинный, прямо вот очень длинный, конца-краю не видно. Серёжа и Антон начинают идти по коридору. Как положено – Серёжа по полосе, которая ведёт к Красной зоне, Антон – параллельно. Они идут и мирно разговаривают. Они идут, идут. Коридор всё длится, и вот он уже постепенно прекращается. Серёжа и Антон идут теперь просто по улицам Москвы. Мы видим их немного издали, со спины. Мы понимаем, что они оживлённо разговаривают, смеются. Они идут сначала по старым московским окраинам, примерно на уровне ТТК, а потом углубляются в новые районы Москвы. Серёжа и Антон идут, разговаривают, смеются. В какой-то момент Антон приобнимает Серёжу, и они просто дико ржут. Серёжа и Антон идут мимо очень длинного нового дома с огромным количеством подъездов. Они идут по внутридворовой

дороге вдоль дома, мимо подъездов. Рядом с подъездами стоят люди, улыбаются и машут им. Мама Серёжи стоит, слегка улыбаясь, Света стоит, слегка улыбаясь (она это вообще очень хорошо умеет делать), Виталий стоит и тоже машет, начальник Комбината стоит и машет, старичок завкафедрой стоит, неожиданно для себя оживлённо улыбается и, да, машет, группа студентов сгрудилась у подъезда, тоже улыбается и машет, раввин Борис Михайлович тоже стоит у одного из подъездов и машет, Ринат Ахметзянов тоже, если приглядеться, стоит у одного из подъездов и машет, и рядом с ним толстый бурятский человек Тамир Хандаев, у него какая-то удивительная, небесная улыбка, очень, страшно сказать, добрая, и он тоже машет, а отец Павел не машет, а осеняет Серёжу и Антона крестным знамением, и разные ещё люди стоят и машут, и секретарша из суда, и красивая девушка, которая спрашивала о любви на смотровой площадке, все они здесь, вдоль этого дома, и Серёжа с Антоном идут дальше, дальше, по новым московским районам, идут, идут, и мы постепенно перестаём их видеть.

Если бы это был не просто текст, а кино, то во время их вот этого прохождения по экрану шли бы титры. Там бы перечислялись сначала какие-то важные люди, режиссёр, актёры, художник вообще и художник по костюмам, потом бы пошли второстепенные люди, дошло бы до водителей, а Серёжа с Антоном, как точки вдали, всё шли бы и шли.

И вот титры закончились. Конец фильма. Люди в зале начали вставать со своих мест – либо просто чтобы уйти из кинотеатра, либо чтобы хлопать стоя, в общем, людям кажется, что фильм уже окончен. Некоторые люди в процессе вставания говорят, какой это дикий киношный штамп – вот этот вот уход героя в никуда под титры.

В это время Саша начинает стрелять по пустой Красной зоне, кроша кафельный пол в пыль, он стреляет по пустому месту, и кафельная плитка пола разлетается во все стороны.